

НОВАЯ ПОЛЬША 7-8/2018

Выпуск изображений

«Богдан Задура, ровесник поколения «новой волны», связанный с люблинским журналом «Акцент» и уже несколько лет главный редактор журнала «Творчность», любимец молодых (хотя и не только) поэтов, — это прежде всего человек, несущий ответственность за громадное количество новых решений в польской поэзии; особенно за введение в поэтический обиход разговорного, в самом широком смысле, языка. Это существенно раздвинуло границы поэтической речи, в которой теперь могут появляться рекламные слоганы, уличная атмосфера, остроумные приколы, едкие словечки, короче говоря — неслыханная энергия языка массовой культуры со всеми ее плюсами и минусами».
(Анна Калужа, Ритмы метаморфоз поэзии Богдана Задуры, НП 11/2009) Все фото: К. Дубель.

«В своих первых поэтических книгах, опубликованных в конце 1960-х, Задура показал себя чистокровным классицистом, любителем элегической, ностальгической ноты. В более поздних сборниках уже было больше насмешек, иронии и пародийности. К высокому напряжению, с самого начала пробегающему через всё творчество Задуры, можно было бы прибавить еще и формальные эксперименты со стихотворным текстом: от строгой дисциплины сонета до словесных перепалок, нарративных нагромождений и эпиграмматических редукций. (...) Примечательна и дистанция, усиливающая жанровые различия, которую Задура эффективно использует в своих книгах, размещая рядом с поэмами, фабульно близкими прозе, лирические стихотворения, соблазняющие читателей личными откровениями, а также что-то вроде острот, брошенных как бы мимоходом». (Анна Калужа, Ритмы метаморфоз поэзии Богдана Задуры, НП 11/2009)

«Ритм метаморфоз поэзии Задуры носит, кажется, волнообразный характер, и если бы кто-нибудь зафиксировал его между двумя полюсами, определенными, с одной стороны, строгими композициями, а с другой — ослаблением формального порядка, то был бы во многом прав. Со второй половины 70-х Задура выступает прежде всего как сторонник «нормального» отношения к поэзии — не как к значительной и торжественной речи, морализаторской, полной поучений и дидактики, но как к такой, которая могла бы конкурировать с другими разновидностями языка». (Анна Калужа, Ритмы метаморфоз поэзии Богдана Задуры, НП 11/2009)

«Поэзия Задуры — и в этом я вижу ее привлекательность — дает в итоге шанс на переосмысление некоторых вопросов, которые одинаково характерны как для писательского замысла поэта, так и для проблем модернистской поэзии. Интересными как следствие представляются в творчестве этого поэта связующие нити между языком «современности» и языками, стилизованными под шифры прошлого; можно присмотреться также к соотношению между поп-культурой рекламы и поэтическим стилем, предлагающим декоративную метафорику и образность. Интересно также наблюдать, как сентиментальные воспоминания и желание зафиксировать себя в прошлом соревнуются в стихах с насмешливым вызовом, брошенным поэтическим концепциям, которые пытаются убедить нас, что поэзия обладает спасительной силой». (Анна Калужа, Ритмы метаморфоз поэзии Богдана Задуры, НП 11/2009)

Новая книга Богдана Задуры — «Задним умом» — «стала комментарием к переменам в общественно-политической жизни, происходящим в последнее время в Польше. (...) Но стихи Задуры отсылают и к переменам, происходящим в других странах. (...) Здесь автор имеет в виду изменения, которые премьер Виктор Орбан произвел в последние годы во внутренней политике своей страны, и которые, по мнению многих наблюдателей, означают отход от принципов либеральной демократии. (...) Прежде всего, однако, в этих стихах есть нескрываемый заряд иронии и сарказма, а также полемического задора, направленного, в первую очередь, против всех тех, кто критикует связи с Европейским Союзом и демонстрирует националистические позиции, окопавшись в сведенной к минимуму, милитаристской традиции». (Лешек Шаруга, Свободный голос, НП 7-8/2018)

Содержание

1. Стихотворения
2. Свободный голос
3. Театральные скандалы в Польше
4. Хроника (некоторых) текущих событий
5. Экономическая жизнь
6. Речь Посполитая сарматская 2.0
7. Существует непостижимый порядок
8. Стены
9. Якуб Карпиньский: аскетическая история
10. Польша
11. Коммунизм по-польски
12. Украинское наследие парижской «Культуры»
13. «Идея становится огромной силой»
14. Культурная хроника
15. Разбойничьи книги и города (Ч. 5)
16. Выписки из культурной периодики
17. Transfugium
18. Александр Львович Блок (1852-1909)
19. Человек из байки
20. Из писем к Марии Ренате Майеновой
21. «Я состою из сплошных цитат»
22. Песни группы «Lao Che»
23. Призрак в панельном доме

Богдан Задура

Стихотворения

Бело-красные

На что нам открытые границы
коль то что нам суждено увидеть на этом свете
мы уже увидали

Для поездки которая ждет нас
не нужны ни паспорта ни анкеты
так что Евросоюз обойдемся ликвидируй шенгенскую зону

Без границ хорошо изменникам ворам лоботрясам
что в грош не ставят ни гордость ни семью ни честь ни Бога
и битвы под Грюнвальдом Веной и Монте-Кассино

В нашем сейме не гаснет свет до поздней ночи
как не гас в здании ЦК в пятидесятые годы
прошлого века и это дает надежду
на пятьсот золотых и долгий отдых^[1]

У наших женщин бело-красная дырка
У наших мужчин бело-красный хер
В наших жилах течет бело-красная кровь
У наших детей в головах бело-красно

И наступит еще такой день когда
просьбу пана Президента
услышит конференция епископата
и святые дары бело-красными станут тоже

Я был соросовским стипендиатом

я думал
в моей биографии нет темных пятен
тогда
31 год тому назад
в 1986-м
это выглядело
невинно
так как Будапешт

больше напоминал
в то время Вену чем
Варшаву
и был прихожей
Запада
а теперь в конце
жизни я вдруг
осознаю
что за такие дела
срока давности
может и не быть
за себя мне не страшно
я на это смотрю с высокой колокольни
речь о моих
венгерских друзьях
устроивших мне тогда
эту стипендию
и за их детей
чьи карьеры
развиваются
нынче
столь чудесно
что было бы жаль
испортить их по неосторожности
вспоминая
наивные идеалы
юности

Надежда

я видел на улице
молодого парня
не с бейсбольной битой
а с хоккейной клюшкой

Что эта политика делает с людьми *Иштвану*

Дошло до того
что в матче Венгрия-Россия
я болею за Россию

Еще не погибла^[2]

Неделю назад сидел я на остановке
на площади На распутье в ожидании автобуса
чтоб доехать до площади Трех крестов
и поглядывал на привлекательную блондинку
которая тоже ожидала автобуса
несколько раз с полотняной сумкой
продефилировала передо мной
и собственно я присматривался
к этой сумке силясь прочитать надпись
на ней Но она никак не складывалась
ни во что толковое Когда дама остановилась
в паре шагов от навеса я встал со скамейки
и тоже стал прогуливаться СУМКА ДЛЯ
НА? КА? Ах так СУМКА ДЛЯ КАПРИЗОВ
а сегодня мой взгляд привлекла сумка
другой женщины Тоже полотняная Тоже с надписью
но сегодня у меня пошло легче БОЖЕ
СОТВОРИ чтобы я купила только то
за чем пришла

Задним умом

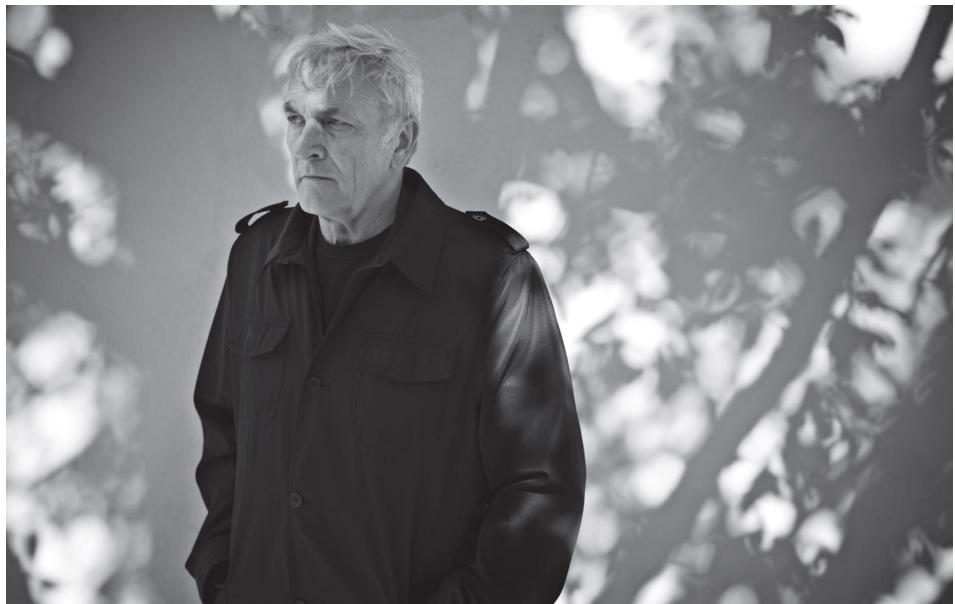
уж лучше наверное
было бы
не выбирать
ни того ни другого

Перевод Владимира Окуния

-
1. Инициативы правящей в Польше партии «Право и справедливость»: программа «500+» и снижение пенсионного возраста.
  2. Часть строчки из польского гимна «Еще Польша не погибла».

Лешек Шаруга

Свободный голос

Богдан Задура, фото: К. Дубель

В пространстве польской литературной жизни — в той его области, которая отведена поэзии — главным образом, в социальных сетях и интернет-журналах — временами звучат голоса, поднимающие вопрос о смысле существования социально или политически ангажированной поэзии. Точкой отсчета для этих высказываний является двойной опыт послевоенной польской поэзии: отрицательным примером служит идеологическая ангажированность поэзии периода социалистического реализма, а положительным — гражданская поэзия поколения '68, то есть Новой волны, а затем Баранчака, Крыницкого или Загаевского. В обоих случаях были очерчены границы, нарушение которых приводит к тому, что мы, конечно, имеем дело со стихами, однако стихи эти оказываются лишенными достоинства многозначности и художественной силы. Можно сказать, что этот опыт стал причиной явления, которое я бы определил как страх перед демонстрацией политического выбора.

Это не означает, что не появляется поэзия такого типа — достаточно вспомнить антологию «Пора расплеваться» или сборник стихов «Восток — Запад. Стихи из Украины и для Украины», автор и редактор которого Анeta Каминская подчеркивала: «До сих пор я никогда не читала и не переводила ангажированной поэзии, подозревая ее в искусственности, поверхностности, сиюминутности и даже лицемерии. До сих

пор я никогда не считала, что у поэта есть какие-то обязанности по отношению к своей стране (не говоря уже о чужой!)». И всё же — она не только начала переводить такие стихи, но и сама посвятила украинской действительности несколько стихотворений. В этом же сборнике нашлось место и для посвященного украинскому вопросу стихотворения Богдана Задуры, новая книга которого — «Задним умом» — стала комментарием к переменам в общественно-политической жизни, происходящим в последнее время в Польше.

Название книги отсылает к стихотворению поэта эпохи Возрождения Яна Кохановского, в пуэнте которого появилась повторяемая доныне формула: «Поляк умнеет после пораженья» — /Пословица гласит. В том нет сомненья, /И можно новую сложить о том: / «Он глуп перед бедой и глуп потом» (перевод Вс. Рождественского). Но стихи Задуры отсылают и к переменам, происходящим в других странах, как это происходит в случае стихотворения «Что эта политика делает с людьми»:

Дошло до того
что в матче Венгрия-Россия
я болею за Россию

Здесь автор имеет в виду изменения, которые премьер Виктор Орбан произвел в последние годы во внутренней политике своей страны, и которые, по мнению многих наблюдателей, означают отход от принципов либеральной демократии. В этом сборнике немало явных или скрытых, политических или литературных ассоциаций — хотя бы в названии стихотворения «[грязь войдет в богатые кварталы]», которое звучит, как эхо названия соцреалистической поэмы Адама Важика «Народ войдет в богатые кварталы». Прежде всего, однако, в этих стихах есть нескрываемый заряд иронии и сарказма, а также полемического задора, направленного, в первую очередь, против всех тех, кто критикует связи с Европейским Союзом и демонстрирует националистические позиции, окопавшись в сведенной к минимуму, милитаристской традиции, как в стихотворении «Бело-красные»:

Без границ хорошо изменникам ворам лоботрясам
что в грош не ставят ни гордость ни семью ни честь ни Бога
ни битвы под Грюнвальдом Веной и Монте-Кассино

Отвечая в стихотворении, озаглавленном «Осанна», на все более интенсивную пропаганду польскости и подчеркивание в ней, как в определении «настоящий поляк», ценностей национального происхождения, он пишет:

наконец-то три главных человека
в государстве (и даже четыре)
носят польские фамилии

я горжусь

наконец-то польская шляхта
с польским народом
ведь два оканчиваются на –ский
а два нет

я горжусь

И снова эхо, на этот раз из «Свадьбы» Станислава Выспянского:
«Чудо нас одно спасет, / Вместе шляхта и народ»^[1].

Этот сборник был воспринят по-разному. Его сторонники обращают внимание, прежде всего, на проблематику произведений писателя: критическое отношение к реалиям общественно-политической жизни. В то же время критики, в общем-то, доброжелательные к поэту, поднимают формально-эстетические вопросы, указывая на обеднение — по сравнению с предыдущим творчеством автора — художественных средств. Тем не менее, эти вторые, как огня, избегают проявления своей позиции по отношению к проблемам, затрагиваемым в этих стихах, словно они вообще недостойны дискуссии.

---

1. Строки из стихотворения Зигмунта Красинского «Псалом любви», иронически перефразированные в драме Выспянского — Примеч. пер.

Даниэль Пшастек

Театральные скандалы в Польше

Зимний вечер 18 февраля 2017 года. Суббота. День премьеры «Проклятия» в варшавском театре «Повшехны» им. З. Хюбнера. Перед входом в здание я еще раз из любопытства проверяю, насколько велик интерес к спектаклю. Интернет-сайт ясно показывает, что осталось по несколько десятков мест на все последующие представления. Я слегка удивлен, ведь спектакль ставит один из интереснейших режиссеров Европы, а билеты всё еще есть в продаже. Вхожу в зрительный зал. Здесь уже битком. Мы садимся на свои места. Почти каждый в курсе, что «что-то» будет, «что-то» произойдет. Театр лаконично информировал: «Спектакль предназначен только для взрослых зрителей. Показанные в спектакле сцены насилия и сексуального поведения, а также сцены, касающиеся религиозной тематики, несмотря на свой сатирический характер, могут вызвать противоречивые реакции. Все показанные в спектакле сцены являются отражением исключительно художественной точки зрения»^[1]. Проходит восемьдесят минут. Конец представления. Буря аплодисментов, весь зал вскакивает с мест. Давно в Варшаве не было такой овации. Я думаю о том, что увидел. Это больно, досадно, неприятно — но это о нас, о том, что вокруг, о том, что мы думаем, чувствуем, но не знаем, как выразить. Польша — католицизм, патриотизм, народ, политика, abortы, Смоленск. Слова, которые в последнее время склоняются всеми возможными способами, а мы слушаем их, как рекламные лозунги. От сатиры к драме, от будничных страданий к наивной надежде переносит нас действие самого важного спектакля сезона 2016/2017, который в последующие дни и месяцы вызовет не только театральную, но и общественно-политическую бурю. В воскресенье (19 февраля) я вновь проверяю интерес к спектаклю на интернет-сайте — осталось всего несколько мест. На следующий день билеты на все спектакли распроданы, и так будет на протяжении следующих месяцев. Радио, телевидение и пресса уже открыто говорят о провокации и скандале в театре «Повшехны». Это ясный сигнал, что театр из сферы художественного переживания становится местом медийной травли и политического спора о границах искусства.

Рефлексия, представляющая собой тезис данного обзора,

очевидна — «Проклятие» было не первым театральным событием, которое в СМИ провозгласили художественным скандалом, стремясь впоследствии ограничить свободу художественного высказывания. Но размах действий, а также способ и характер протестов свели воедино весь прежний негативный опыт современного театра — попытки социального и политического доминирования над этой сферой общественной жизни.

«Проклятие» и другие яркие проекты Оливера Фрлича
«Проклятие» по мотивам драмы Станислава Выспянского поставил иностранец — живущий в Хорватии Оливер Фрлич. Режиссер, который схватывает действительность лучше многих политиков, политологов или аналитиков общественной жизни. Художник, признанный бескомпромиссным провокатором, представления которого вызывают бурную реакцию, стимулируя дискуссии на тему границ искусства, является одним из интереснейших и наиболее оригинальных европейских режиссеров. В своем творчестве он обращается к постюгославской живой истории и идентичности, пожираемой вытеснением травмы гражданской войны. Разоблачитель, который открывает глаза на лицемерие, националистическое поведение, парадоксы законов, а также коллективную ответственность за преступления разного рода, где молчание не раз становилось тихим согласием на насилие и убийство. В своих спектаклях он исследует состояние сознания сограждан, не боится применять сильнодействующие средства, часто вызывающие у зрителя эмоции, общие с ощущениями жертв, судьбы которых он представляет на сцене. Фактически каждый его спектакль несет подобное послание. В «Проклятии» также достаточно непристойных и жестоких сцен, которые многократно, вырывая из контекста, комментировали в СМИ: фелляция со статуей Иоанна Павла II, табличка «Защитник педофилов» на шее папы, флаг Ватикана, сцена, в которой спилили крест, или сюжет с потенциальным умерщвлением известного польского политика. Суть спектакля, однако, не в пустом оскорблении и желании шокировать, но в том, чтобы болезненным образом открыть публике глаза на окружающую действительность. Стратегии Фрлича универсальны, не зависят от места работы и подчинены одной цели — понять себя, обнажить зло. В качестве примера можно привести его авторский спектакль под названием «25.671», поставленный в словенском Театре Прешерна^[2]. История связана с формированием независимого государства, когда в июне 1991 года власти Словении дали возможность двумстам тысячам жителей этой страны, имевшим гражданство других республик бывшей Югославии, в

течение шести месяцев оформить гражданство этого независимого государства. Те, кто не воспользовался этим правом, должны были зарегистрироваться как иностранцы. Не выполнившие до февраля 1992 года этих формальностей были исключены из реестра переписи населения, утратив тем самым правовой статус. Всего регистрацию потерял 25 671 человек. В спектакле, описывающем драматичные события и трагические судьбы этих людей, обнажается зло, причиненное им соседями и недавними друзьями. Показаны замалчиваемые и скрываемые десятилетиями проявления национализма. Фрлич — чтобы зрители вчувствовались в состояние сознания прототипов героев, которые в конце выходили на сцену, — при входе в зрительный зал отбирал у публики удостоверения личности и паспорта. На некоторых представлениях в финале они уничтожались, благодаря чему вымысел переплетался с реальностью, поскольку искусство вычеркивало из реальности зрителя, которого лишали идентификационного документа.

В другом спектакле, название которого было взято из последней строки гимна бывшей Югославии, «Будь проклят предатель своей отчизны!», поставленном в Словенском молодежном театре в Любляне^[3], режиссер провел актеров через процесс очень личных импровизаций, связанных с памятью и возвращением к травмам войны и участия в политике. В нем он ставил вопросы о границах свободы, об индивидуальной и коллективной ответственности и терпимости, а также о стереотипном подходе к миру.

Проблематика общей ответственности, коллективной памяти, а также вытеснения из памяти неудобных и раздражающих событий новейшей истории — самые частые темы спектаклей Фрлича. Это подтверждает «Зоран Джинджич», поставленный в белградском «Ателье 212». Предлогом для дискурса об идентичности сербов ему послужило убийство премьера этой страны в 2003 году. Покушение совершил Звездан Йованович, заместитель командира Подразделения по специальным операциям. Речь шла не о проведении следствия относительно мотивов преступления — для Фрлича это был лишь предлог для анализа коллективной ответственности за войну в бывшей Югославии. Наиболее красноречивой была одна из первых сцен, когда актеры подходили к большой бочке с надписью «новая сербская история» и погружали в нее ладони. Красная жидкость покрывала руки и метафорически указывала на общее наследие преступлений, поскольку Фрлич создавал конфронтацию текущего события с виной за убийство восьми тысячbosнийцев в Сребренице. Спектакли режиссера не оставляли зрителя равнодушным. Как процесс постановки, так и ее воздействие полны бескомпромиссных решений. Каждый раз автор применяет квази-кинематографический метод

«монтажа аттракционов», где вербальное послание подчеркивается и усиливается брутальной сценической формой. В хорватском «Турбофолке» чудовищные сцены изнасилования сопровождались сербскими хитами фолк-поп-музыки, а в боснийском «Письме из 1920 года» Фрлич подвергал сомнению мифологию жертвы, на которой государство строило свою идентичность, показывая солдат, совокупляющих с животными. Художественная стратегия режиссера сводится к постановке вопросов о коллективной ответственности. Она следует непосредственно из анализа, содержащегося в трудах Ханны Арендт^[4]. Неравнодущие к формированию националистических позиций, полемика с идеализацией себя и своего прошлого, а также выборочная идентификация с собственным народом, когда принимается только позитивный и осуждается постыдный исторический опыт — вот детерминанты работ Фрлича. Этот вид деятельности он называл «социальной терапией», целью которой было помочь в построении чуть лучших основ для общества. «Первый шаг в этом направлении — это принятие гражданами ответственности. Каждым из нас»^[5] — отмечал он в одном из интервью. Режиссер выдвигал тезис о том, что отказ от примирения с собственным прошлым и уход от болезненных проблем — это молчаливое согласие на фашизм, момент перехода из спящей фазы в острую. Ведь устранение проблематичных вопросов — первый шаг к исключению непохожих и иных, что может привести к правовому санкционированию нежелательного поведения, контекстов или явлений. В то же время, примирение с собственными травмами — это шаг к самоидентификации. Радикальные решения режиссера и выбор сложных тем, касавшихся новейшей истории, становились важным элементом в самопонимании обществ.

С другой стороны, находились полемисты относительно функции театра, которую реализовывал Фрлич. Для них его творчество обладало признаками не театральных событий, а политических акций. Такое столкновение сцены и политики является заметным опознавательным знаком стилистики режиссера. Однако в этом усматривали не глубокий смысл искусства, а умышленную провокацию и скандал. Хорватский журналист Горан Андриянич на страницах еженедельника «вСети» одномерно определял творчество режиссера, замечая, что в своей работе тот не считается ни с фактами, ни с чувствами людей. В качестве элементов, подтверждающих этот тезис, он отмечал избирательный подбор материалов, использование полуправды, а также скрещивание правды и вымысла. Следует, однако, заметить, что роль искусства —

комментировать действительность, но оно всё же остается вымыслом. Высказыванием по поводу фактического положения, а не реальной фиксацией текущих событий. Это интерпретация современности, а не ее непосредственное изложение — как в информационной программе. Андриянич утверждал, что Фрлич — это герой левых СМИ, которые называют его «крупнейшим комментатором региона» и «ангелом мести». У журналиста не было сомнений, что режиссер специально выбирает болезненные темы, чтобы вызвать скандал^[6].

Театральный скандал

Слово «скандал» греческого происхождения (*skándalon* — ловушка, обида; *skándaletron* — элемент ловушки) и означает поступок либо высказывание, вызывающие обиду или оскорбление. Они связаны с публичной шумихой вокруг этого факта. Проекты вызывают резкие реакции публики, которую глубоко трогает данное явление. Заинтересованные выражают свое неодобрение, поскольку были затронуты их чувства, ценности либо нормы, считающиеся общепринятыми^[7]. В настоящее время трудно встретить «чистый» художественный скандал, который замыкается в узком кругу специалистов и экспертов. Теперь мы имеем дело с медийным скандалом, относящимся к искусству, поскольку ключевую роль в его создании следует отвести именно средствам массовой информации. Именно они занимаются распространением, продвижением и подогреванием интереса среди потенциальных зрителей, включая и тех, кто будет высказывать возражения. Условием для возникновения скандала является появление в широком публичном домене некоего художественного продукта — спектакля, события, произведения искусства. В настоящее время это кажется спорным, потому что событие нарекают скандалом, прежде чем оно вообще появится, и кто-то будет в состоянии его увидеть. Скандал не равен провокации. Этот второй термин связан с целенаправленными действиями художника, рассчитанными на определенный эффект.

В отношении театральной сферы, скандал — это вызванная спектаклем возможная резкая реакция общества (не только зрителей — чаще всего протestуют те, кто представления вообще не видел) в результате оскорбительного, шокирующего и непристойного содержания, нарушающего общепринятые нормы и общественные правила. Не следует забывать о роли СМИ как инспираторов событий, придающих им резонанс и облегчающих доступ к широкому кругу зрителей. Такое определение совпадает и, в сущности, тождественно попыткам ограничения свободы художественного высказывания или же

тому, что ошибочно смешивают с цензурой. Протест, индивидуальный или вовлекающий большие социальные группы, вызванный провозглашением данного художественного явления скандалом, ставит целью запретить выражение контента, не совпадающего с принятыми нормами. В наше время в медийном послании фактически отсутствует форма скандала в искусстве, которая была бы имплицирована созданием, разрушением, либо расшатыванием определенного художественного тренда. Чаще всего он относится к иным сферам социальной жизни. В нашей стране распространенным объектом возмущения является эксплуатация либо отрицание принятых ценностей: (1) религиозных; (2) морально-нравственных; (3) национально-патриотических. Самые частые обвинения со стороны тех, кто указывает на скандал в искусстве — оскорблении религиозных чувств, аморальность, непристойность, телесность, порнография, а также унижение доброго имени Польши и поляков. А ведь всё это — искусство, которое должно быть свободным и независимым, а интерпретация действительности должна быть избавлена от односторонности нарратива, навязанного волей большинства. Скандалы касаются не только самой сферы художественного творчества. Последние годы приносят также многочисленные противоречия из широко понимаемой сферы культуры как института. Ограничивааясь лишь сценическим искусством, можно отметить еще две спорные плоскости, вызывающие неприятие и заинтересованность СМИ. Во-первых, это процедуры утверждения директоров сценических площадок. К наиболее значительным и шокирующему за последние годы относятся: процесс назначения в 2003 году кинорежиссера Гжегожа Круликовича на должность директора Нового театра в Лодзи решением мэра города Ежи Кропивницкого при однозначном неодобрении актерского коллектива и части артистической среды; замена на посту директора Большого театра-Национальной оперы в 2006 году из-за изменения министром культуры и национального наследия статуса театра. Руководителями сценической площадки стали Януш Петкевич и Рышард Карчиковский вместо Казимежа Корда и Мариуша Трелинского. Одно из недавних заметных событий касается конкурса на должность директора Театра Польского во Вроцлаве в 2016 году. Здесь политическая воля оказалась выше художественных соображений. Несмотря на сопротивление и протесты в профессиональной среде, Кшиштофа Мешковского заменили актером Цезарием Моравским, который довел важнейшую сцену страны до полной художественной деградации. Во-вторых, это скандалы, связанные с потерей театрами своих резиденций. Для примера: такая ситуация дважды имела место в Варшаве, в случае театра «Квадрат» и

Еврейского театра.

Как видно из сказанного, сам автор не может вызвать скандала — он может лишь провоцировать, возбуждать интерес и поддерживать ожидания, к сожалению, не только эстетические. Опыт «Проклятия» явился шансом для появления других театральных постановок, которые, в соответствии с определяющей предпосылкой, стали поводом для шумихи в СМИ и не только, а впоследствии для общественного возбуждения относительно нарушения общепризнанных норм и правил поведения.

Между войнами — нежелательная левизна

Главным героем театральных скандалов межвоенного десятилетия следует считать крупнейшего польского режиссера Леона Шиллера. Самые известные его фактромонтажи, то есть сценические репортажи, по форме и содержанию представлявшие Zeittheater (театр пульса времени), были способом политической и социальной борьбы. Отвергая классическую драму и пользуясь текстами, написанными, фактически, окружающей действительностью, и применяя при этом всевозможные сценические средства, присущие монументальному театру, Шиллер становился певцом левой идеологии, ставившей целью освобождение рабочего класса от угнетения и разложения. К этому направлению причисляют три спектакля: «Социальная политика Р.П.» Александра Вата, «Цианистый калий» Фридриха Вольфа и «Рычи, Китай!» Сергея Третьякова. Этим произведениям была посвящена необыкновенно ценная работа «Фактомонтажи Леона Шиллера»^[8] под редакцией Анны Кулиговской-Коженевской. Сборник является фиксацией не только художественного языка спектаклей, но и социальной и политической реакции на них. Она, фактически, не отличалась от сегодняшних протестов и шумихи, включая запрет на дальнейшие показы.

Первый из упомянутых сценических репортажей был поставлен по случаю государственной Всепольской выставки в Познани, проходившей с 16 мая по 30 сентября 1929 года. Автором идеи проекта следует признать д-ра Альфреда Крыгера, социалистического деятеля, работавшего в то время в страховом обществе «Пшишлосч» и возглавлявшего Общепольское объединение медицинских страховых компаний. «Социальная политика Р.П.» должна была отдать должное десятилетию независимости и отметить успехи государства в данной сфере общественной жизни. Ват, получив просьбу написать текст, не сотворил поздравительную открытку. Совсем наоборот — это была обвинительная речь в адрес работодателей о нарушении трудового права, эксплуатации, нищете и безработице. «Мы гибнем ради их дивидендов. Кого

не убьет их зарплата, не уморит их рационализация, не деморализует их культура, кого не погубит их производство, кто не погибнет от их безработицы, тех уничтожают в тюрьмах» — резюмировал один из героев. Шиллер поставил 45-минутное зрелище, напоминавшее решения Эрвина Пискатора, в сценографии Владислава Дащевского, полное живых образов, с чтецом, фильмом, телефоном, статистикой и музыкой. Его играли дважды в день, практически без всякой рекламы, в специально приспособленном для этого зальчике в подвалах главного выставочного павильона, Государственного дворца, где были представлены все отрасли, а на втором этаже — Министерство труда и здравоохранения. Из-за звучания, противоречившего официальному нарративу, спектакль пришелся не по вкусу промышленникам из Верхней Силезии. Скорее всего, благодаря им в зале оказались тогдашний министр труда и социальной защиты Александр Прыстор в обществе жены Юзефа Пилсудского Александры. Посмотрев спектакль, глава отрасли самовольно принял решение запретить дальнейшие представления. В этом случае скандал разыгрался в тишине выставочных помещений. Зрители массово не протестовали, а прессы — за исключением иллюстрированного социалистического еженедельника «Побудка» — молчала. Иначе было в случаях с двумя следующими фактومонтажами Шиллера.

Отечественная премьера «Цианистого калия» Вольфа в декорациях Константы Мацкевича состоялась 14 января 1930 года в Городском театре Лодзи. Драма, представлявшая собой бескомпромиссный по тем временам рассказ о судьбе женщин, принуждаемых к материнству, невзирая на уровень жизни и условия существования, обреченных на голод и унижения, затрагивала табуированные для публики темы — аборт, легализацию прерывания беременности и планирование родов. После премьеры разгорелась война в прессе, направленная против лодзинской театральной сцены, окрещенной «большевицким балаганом». Газеты состязались в эпитетах: «Со сцены веет такой гнусностью, такой безнравственностью, таким посевом коммунистического семени, что, кажется, нет ни малейшего сомнения в том, что автор получил серьезную поддержку от советского посольства, из фонда почившего Ленина» — сообщал рецензент газеты «Розвуй». Через пять дней после первого показа дело дошло до остановки спектакля. Во время третьего акта раздались выкрики: «Долой порнографию на сцене! Долой Адвентовича [директор театра]! Долой большевизм!». Затем на сцену упало два стеклянных сосуда со слезоточивым газом, что вызвало панику среди зрителей и необходимость эвакуации зала. Подобное произошло и 21 января, когда в партер вновь бросили

небольшую пробирку, содержавшую сжиженный слезоточивый газ. В театре уже дежурила полиция, поэтому виновников легко удалось задержать. Оказалось, что часть «защитников морали» принадлежала к Лагерю Великой Польши — организации, созданной Романом Дмовским после переворота в мае 1926 года и объединявшей «молодую национальную стихию». Спектакль в Лодзи сыграли всего 27 раз, затем его ставили в варшавском «Капитоле». Адресатом и фактической жертвой протестов стал руководитель Городского театра Кароль Адвентович. В сентябре 1930 года, после поражения Польской социалистической партии на выборах в самоуправление, он отказался от дальнейшего руководства театральной сценой.

Главным фактамонтажом Шиллера, который вызвал скандал, остается «Рычи, Китай!» Третьякова, поставленный в львовском Большом театре (премьера 15 мая 1932 года) в декорациях Анджея Пронашко. Это рассказ о капиталистической эксплуатации, бунте в китайском порту против британских колонизаторов и трагедии рикш, к которым относятся, как к бездушной массе. Рецензии, с одной стороны, были восторженными, признававшими зрелищность и послание спектакля. Однако в то время левый нарратив, который называли прокоммунистической агитацией, и в особенности реакция публики, кричавшей с галерки: «Позор империалистам!», «Да здравствует красный Китай!», были неприемлемы для консервативной части общества.

«Илюстрованы курьер цодзенны» оценивал спектакль однозначно — пропаганда, льющаяся со сцены, «антинациональный», «антиправительственный» за «деньги польского кресового^[9] общества». Все эти голоса привели — под предлогом технических неисправностей — к остановке спектакля после семи показов. «Экспресс илюстрованы» присвоил Шиллеру имя «апостола красного театра». Вследствие событий вокруг премьеры в июне 1932 года, на основании указания прокурора по государственным преступлениям, был произведен обыск у лиц из музыкальных, литературных и театральных кругов, подозревавшихся в коммунистической деятельности. В результате обнаружения оригинальных изданий, относившихся к советским театрам, и обширной корреспонденции, Шиллер был арестован. Последующие постановки в Городском театре в Лодзи (премьера 15 декабря 1932 года) и варшавском театре «Нове Атенеум» (премьера 1 апреля 1933 года) проходили бурно и не обошлись без протестов публики, так же как во Львове. Стоит отметить характерный факт: на представлениях в столице, где настроение в зрительном зале было жарким, дежурила полиция, проверяя документы и увозя в комиссариат выходивших из театра. Это отпугивало публику. Варшавская постановка прошла 34 раза,

лодзинская — 49.

Этот анализ театральных скандалов Шиллера, вызванных его фактромонтажами, следует дополнить другими инсценировками, которые возбуждали споры и противоречия среди зрителей. Они также стали основанием для обвинения режиссера в большевизме. Наиболее знаменательные из них имели место во Львове. Когда Вилям Хожица^[10] принял руководство галицийской сценой, он сразу же пригласил постановщика к сотрудничеству. «Дзяды» Адама Мицкевича (премьера 18 марта 1932 года), являющиеся одним из важнейших произведений в истории польской сцены, были обвинены в «безбожии». Представленной три месяца спустя инсценировке «Серебряного сна Саломеи» Юлиуша Словацкого (премьера 9 июня 1932 года) с горящей церковью, спроектированной Пронашко^[11], поставили в вину «тенденциозную фальсификацию поэмы». Более ранние работы Шиллера в варшавском Театре Польском, руководимом Арнольдом Шифманом, тоже не избежали волны критики и возмущения. «Историю греха» по Стефану Жеромскому (первая польская премьера 19 октября 1926 года) обвиняли в «кощунстве, порнографии, дегенеративном сексуализме, животных инстинктах, большевизации вкуса, пропаганде морального падения»^[12]. В результате вмешательства руководителя театра, постановщик смягчил звучание спектакля. То же самое произошло в случае польской премьеры «Трехгрошовой оперы» Бертольта Брехта и Курта Вайля (4 мая 1929 года), с которой публика демонстративно уходила в конце, когда со сцены раздавались обвинения и инвективы непосредственно в адрес мещанской морали^[13]. Описанные театральные события межвоенного двадцатилетия характеризовались сильным участием прессы, которая разжигала страсти, комментируя жизнь польской сцены. В театре явно отражалась дискуссия о ценностях и идеях разделенного, разнородного общества. Борьба за политические интересы велась посредством большого искусства, целью которого было не только развлекать, но и затрагивать чувствительные, замалчиваемые социальные проблемы. Неприятие приводило к протесту и потрясению — скандалу.

Народная Польша — расхождения в (не)социалистической морали

Политические реалии после Второй мировой войны, в сущности, исключали возможность художественного (театрального) скандала. Юридическое санкционирование в 1946 году цензурного управления^[14] нивелировало возможность появления нежелательного и раздражающего, с

точки зрения властей, содержания. Благодаря этому формировалась и своеобразная социалистическая мораль, в которой не было места политически и нравственно сомнительным темам. Регламентация касалась как спектаклей, так и материалов в прессе. Несмотря на это ужесточение, оставалось пространство, не подверженное полному государственному контролю — проповеди и слова, с которыми Католическая церковь обращалась к верующим. Учитывая, что она является важным субъектом общественной жизни с возможностью влияния на любителей искусства из числа верующих, ее мнение имело большое значение для участников культурной жизни.

Для той эпохи было характерно и другое явление — контролируемый скандал. Его вдохновителем становились сами власти, чтобы создать определенную атмосферу вокруг явлений в искусстве. Это служило конкретным долгосрочным политическим целям правящей партии.

Одной из попыток Католической церкви указать на скандал были события, связанные со спектаклем «История о преславном воскресении господнем» Миколая из Вильковецка в драматургической обработке и постановке Казимежа Деймека и сценографии Анджея Стопки (премьера 7 апреля 1962 года).

Новоизбранный директор варшавского Национального театра использовал старопольский текст для перенесения забытой традиции на современное восприятие: «традиция идет в паре с актуальностью, светскость с религиозным экстазом, проза с лиризмом, стилизованный реализм с великой, глубокой поэзией Воскресения»^[15] —

интерпретировал один из рецензентов. Деймек относился к старопольским инсценировкам как к эстетическо-идейному фундаменту для ряда своих постановок национальных драм, к которым он причислил также творчество Мицкевича и

Выспянского^[16]. Несмотря на положительные оценки прессы, претензии к спектаклю высказывала Католическая церковь.

Секретарь Епископата направил ноту протesta министру культуры и искусства. В ней высказывались обвинения в насмешках над догматом о воскресении — несерьезное отношение к Христу, в одной из сцен колотившему посохом по лестнице, которую держали черти^[17]. На паперти костёла иезуитов в Варшаве появилось предупреждение-рецензия со следующим заключением: «инсценировка в интерпретации Национального театра, оскверняющая величайшие святыни христианской церкви, неприемлема»^[18]. Деймек якобы получал десятки анонимных писем, в которых его обзывали «паршивым жидом, большевиком, предателем народа, разрушителем польской культуры»^[19]. Несмотря на острую

реакцию, предвещавшую скандал и оскорбление религиозных чувств, спектакль без дальнейших потрясений и протестов сыграли 234 раза. Он пользовался неизменным успехом у публики, как отечественной, так и зарубежной.

9 мая 1976 года, во время краковских празднеств в честь св. Станислава, епископа и мученика, покровителя Польши, примас Стефан Вышинский в своей проповеди в костёле на Скалке^[20] осудил два сценических произведения, которых никогда не видел. Он говорил о них: «Бог вернул нам свободу, а что мы творим с ней? На что мы ее используем? Разве это должна быть только свобода пить и напиваться, свобода алкоголизма и распущенности, свобода постановки отвратительных театральных пьес? [...] Мерзости, которые печатаются, ставятся потом в театрах, а поляки, хоть и говорят о таких представлениях — «это настоящее свинство» — но идут на них, платят деньги и плюются. Разве ради этого мы обрели свободу?»^[21]. Использование понятия свободы имело здесь неоднозначный смысл. В своих словах примас делал попытку ограничить свободу высказывания, одновременно подчеркивая ее универсальную ценность.

Первым заклейменным и осужденным спектаклем был легендарный, признанный событием мирового масштаба «Apocalypsis cum figuris» Ежи Гrotовского в Институте исследования актерского метода — Театре «Лабораториум» во Вроцлаве. Закрытые показы состоялись в 1968 году, премьера 1-й версии в 1969. Поразить и оскорбить, вероятнее всего, могла сама идея представления, показывающего возвращение Христа и злобное отторжение его со стороны людей. Константы Пузына писал: «Неясная фабула „Apocalypsis“ рассказывает о возвращении Христа. О возвращении сегодня, среди нас. Христа ради забавы изображают пятеро случайно собранных людей — но не ложного ли? Этот Христос повторно проходит весь свой христов путь и — проигрывает. [...] Миф Христа Гrotовский подвергает испытанию кощунством, испытанию цинизмом, наконец, испытанию словесной аргументацией, самой острой до сих пор, той, из «Карамазовых». Чтобы сорвать с мифа все золотые ризы, которыми обернула его религия, традиция, привычка. Чтобы он стоял перед нами нагим»^[22]. Резкая критика спектакля примасом не была, однако, единственной попыткой его осуждения Церковью. В то самое время, когда прозвучали слова Вышинского, епископ Бронислав Домбровский, генеральный секретарь Конференции епископата Польши, в переговорах с правительством ПНР добивался снятия спектакля с афиши^[23]. До этого не дошло. Постановка стала одним из важнейших творческих достижений польского театра в период ПНР. Обвинения в

оскорблении религиозных чувств или кощунстве со стороны Католической церкви были не единственными отрицательными аргументами по отношению к театральной сцене в период ПНР.

В упомянутом слове божьем Вышинского вторым осужденным произведением стал «Непорочный марьяж» Тадеуша Ружевича. Автор пьесы считал, что это была «сказка для детей, сон о сексуальности». Инга Ивасюк спустя много лет рассказывала, что пуританская публика и ПНР-овские цензоры тоже были не в восторге от произведения, в котором пансионерке всюду видятся фаллосы, мужчины и женщины хрюкают, занимаясь домашними и светскими делами, классика иронично выворачивается наизнанку, а семья становится ареной фрейдистской корриды»^[24], и резюмировала, что сюжеты текста, в частности: пол, семейные отношения, сексуальное образование, репродукция, можно, собрав вместе, определить как гендер. Нравственный шок и нарушение табу вызывали возмущение, но, вместе с тем, и большой интерес публики. С одной стороны, Церковь порицала, ведя тайные переговоры с властями, в которых зондировалась возможность цензурировать произведений Ружевича^[25]. С другой, публика массово посещала театры в Варшаве и Вроцлаве, где проходили первые премьеры пьесы. В Малом театре, на сцене Национального театра, спектакль (премьера 24 января 1975 года) поставил Тадеуш Минц, а сыграли его целых 562 раза! В творчестве Ружевича поражало и грозило театральным скандалом не только несоблюдение унылой нравственности и запретные и замалчиваемые до этого темы. Реинтерпретация новейшей истории также столкнулась с атакой критиков и противников.

Первая постановка пьесы «В расход» состоялась 29 марта 1979 года в Театре на Воле в Варшаве. Чтобы текст мог появиться на сцене, он прошел длинный путь борьбы как с партийными властями, так и с цензурой. Поборником внесения этого произведения в репертуар вольской сцены был ее руководитель и одновременно постановщик спектакля Тадеуш Ломницкий. В невероятно интересной статье об истории спектакля он упоминал, что пьесу обвиняли в «турпизме»^[26], натурализме, скатологии, нигилизме, грязном языке и грязи вообще, фальсификации национальной истории, моральном убожестве, примитивизме»^[27]. Автор демифологизировал военную действительность. Гигантов и героев национально-освободительной борьбы заменили заурядные партизаны. Без патриотических восхвалений и фанфар Ружевич показал реальность войны: грязь, деградацию личности, низость. Пресса соревновалась в комментариях об осквернении доброго

имени воинов и демистификации устоявшихся ценностей. В письмах, поступавших в театр и режиссеру, отрицался смысл постановки иконоборческой пьесы. Спектакль, несмотря на полученное ранее приглашение, исключили из программы вроцлавского Фестиваля польского современного искусства. Прекратить играть его попросил сам Ружевич. Директор театра сделал это после того, как спектакль шел на сцене восемь месяцев. Пьеса редко возвращалась на сцену. Уже после 1989 года телевизионная постановка Казимежа Куца (премьера в Телевизионном театре 24 сентября 1990 года) вновь стала поводом для широкой полемики и дискуссии. Защитники достоинства польского мундира и отечественного партизанского движения не сдавались. Их не устраивало очевидное разрушение идеализированного образа польского оружия. Художественный скандал 1979 года фактически не отличался от сегодняшних споров вокруг интерпретации деяний «проклятых солдат». Их прославление правой стороной политической сцены, по сути дела, закрыло путь для честной оценки их роли в нашей новейшей истории.

Анализ потрясений польской сцены 1944–1989 годов был бы неполным, если не упомянуть о спектакле, который наиболее сильно приблизил театр к политике. «Дяды» Мицкевича в постановке Деймека (премьера 25 ноября 1967 года) в Национальном театре «Народовы»^[28] можно назвать контролируемым скандалом. Спектакль-икона послевоенного театра был подготовлен в честь пятидесятий годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Как отмечала Магдалена Ращевская, «скандал «Дядов» — это история двух переплетающихся и взаимно стимулирующих сюжетов: действий властей и реакции публики, или шире, общества»^[29]. Первые поставили спектаклю в вину религиозность, антирусскость и антисоветизм и, с развитием событий, после одиннадцати представлений заставили прекратить дальнейшие показы. Одновременно постановка была использована в политической игре марта 1968 года. Манипуляции властей с количеством спектаклей, продажей билетов и ограничением рецензий часть общества сочла покушением на и так уже урезанную свободу слова. Очередные показы собирали всё более широкую публику, которая выхватывала самые выразительные и аллюзивные фрагменты, награждая их бурей аплодисментов. Знаменательным оказался последний официальный спектакль 30 января 1968 года, когда в зале оказалось гораздо больше людей, чем мест. После него произошла студенческая демонстрация в защиту свободы высказывания и «Дядов». Она была разогнана милицией, а часть демонстрантов арестована. 19 марта 1968 года Владислав

Гомулка, Первый секретарь Центрального Комитета Польской Объединенной Рабочей Партии, в самый разгар антисемитской и антиинтеллигентской травли, во время встречи с варшавским активом в Зале Конгрессов, провозглашал и клеймил, словно главный цензор: «Но даже если бы какой-нибудь авторитет решил, что Деймеку можно было произвести все эти изменения в «Дзядах» Мицкевича, власти, осуществляющие руководство культурной деятельностью, не могли закрыть глаза на то, что происходило на спектаклях «Дзядов» в постановке Деймека. Ведь эти спектакли стали трамплином для политических демонстраций с антисоветским звучанием»^[30]. Опыт этой постановки произведения Мицкевича стал символом ограничения свободы высказывания властями ПНР. Вследствие данных событий Деймек лишился должности директора театра «Народовы». Интрига использования спектакля в политической игре и создание атмосферы скандала, а через это — подстрекательство к общественной активности, показывает, как близок театр к политике и сколь важна эта область искусства для правителей. Если мы сравним это с нынешними событиями, то сможем обнаружить очень похожие попытки ограничения свободы высказывания со стороны политиков разного уровня. Времена и обстоятельства изменились, но влияние и воздействие на культуру, несмотря на демократический строй и гарантированную конституцией творческую свободу, по-прежнему сильно и заметно. Ассистируют всему (и обычно выполняют инспирирующую функцию) СМИ — участвуя в создании, а иногда и вызывая современный медийный театральный скандал.

После 1989 года. Нет! — другим и Другому: расширение поля боя

Политические перемены и происходившая трансформация начала девяностых годов XX века принесли обществу в целом свободу и демократию. Однако эти ценности стали в современной практике пустым лозунгом. Последний период, фактически после 2000 года, это полоса потрясений и попыток ограничить творческую свободу во всех сферах искусства. Не избежал их и театр, обладающий в этой области необыкновенно важным и интересным опытом. Ниже представлен лишь ограниченный каталог полемических театральных событий последних лет. Тех, что при активном участии прессы, радио и телевидения подверглись обвинениям в нарушении религиозных, моральных или нравственных норм.

Символом крупнейшего театрального скандала Третьей Речи Посполитой, узнаваемого для каждого жителя Польши,

остается отмена показов спектакля «Пикник на Голгофе» на «Мальта Фестиваль Познань 2014»^[31]. Постановка аргентинского режиссера Родриго Гарсии должна была стать одним из важнейших пунктов мероприятия в Великопольше. Это его спектакль-икона, представляющий собой блестящую сатиру на общество потребления, основанную на деконструкции образа и учения Иисуса из Назарета^[31]. Одновременно режиссер был куратором проекта «Латинская Америка: Метисы», демонстрировавшей наиболее интересные художественные явления этого континента. Начатая общественная травля, подхваченная СМИ, вызвала многочисленные протесты, инициированные «Крестовым походом Розария за Отчизну»^[32]. В нее включились многие общественные движения и католические круги при поддержке Парламентской группы по противодействию атеизации Польши. Против представлений высказывались и депутаты, и члены местных советов с правой стороны политической сцены. Архиепископ Станислав Гондецкий, митрополит познанский и председатель Конференции епископата Польши, в письме, направленном директору фестиваля Михалу Мерчинскому, возмущался: «Мы имеем дело не только с оскорблением религиозных чувств, о чем говорится в нашей конституции, но также и с провоцированием выступлений доведенных до отчаяния людей, которые не видят иной возможности положить конец своим унижениям и насмешкам над всем тем, что является для них величайшей святыней»^[33]. Руководитель мероприятия объяснял и растолковывал послание спектакля: «режиссер представляет пессимистическое мировоззрение жителя Запада — скучающего, сосредоточенного на собственных удовольствиях и удобствах. Как Голгофа является метафорой всех мук Христа, так название спектакля «Пикник на Голгофе» является метафорой мук современности, исчерпания возможности придать миру смысл»^[34]. Мэр города Рышард Гробельный, формально не имея никаких правовых возможностей отменить представление, в своем заявлении призвал организаторов принять во внимание возможность эскалации протестов и потенциального риска для «жизни и безопасности горожан, а также их имущества»^[35]. Вследствие этих событий, своего рода травли, усиленной возможностью агрессии со стороны болельщиков футбольных клубов, организаторы решили принять противоречивое решение, равное акту самоцензуры — отменить спектакли. Несмотря на это, 27 июня 2014 года, когда должно было состояться первое из двух первоначально запланированных представлений в Познани, по всей стране прошли спонтанно организованные чтения и показы записанного спектакля. Не обошлось без

очередных протестов противников творческой свободы, включая порчу имущества, а также — как на «Цианистом калии» — вбрасывание зловонных веществ в помещения театров.

Следует отметить, что это был не первый протест в нашей стране против творчества Гарсии. В 2009 году, во время представлений в рамках программы Европейской театральной премии во Вроцлаве, подняли голос защитники животных, протестуя против использования животных в спектаклях. Это относилось к омару, которого актер, на глазах зрителей, четвертовал и жарил на гриле в спектакле «Происшествия: убить, чтобы съесть», а также к хомякам в «Развей мой прах над Микки», которых бросали в наполненный водой аквариум, где они почти тонули. Во время спектаклей происходили бурные протесты. В первом случае зрители выходили из зала, громко комментировали ход спектакля и забрасывали бутылками с водой актера Хуана Лориенте. Во втором — человек из публики подошел к актеру и начал разговаривать с ним, покинув затем зал. В результате, в прокуратуру было подано заявление о совершении преступления — издевательства над животными^[36]. В контексте этих событий может удивлять то, что в нашей стране, в рамках VI Международного театрального фестиваля «Диалог-Вроцлав» (2011), без отклика прошли показы спектакля «О лице. Лик Сына Божьего» в постановке Ромео Кастеллуччи. В спектакле автор поместил на огромном ренессансном портрете изображение Иисуса, который немо смотрит на современную картину страдания, своеобразную современную Голгофу — старость. Сменяющиеся сцены: заливающие пространство экскременты, вонь фекалий, дети, бомбардирующие гранатами образ Сына Божьего, пламя, пожирающее его лицо — завершало появление надписи: «Ты мой/не мой пастырь»^[37]. Уже после польских выступлений начались шумные протесты, в частности, во Франции. Перед парижским «Театр де ла Вилль» католические организации и молодежь организовали пикет. «Демонстранты пели религиозные гимны на латинском языке и молились на коленях, прося у Господа прощения за кощунство, которое допускают дирекция театра, актеры и лица, участвующие в скандальном спектакле, насмехающиеся над лицом Иисуса Христа»^[38]. Эти действия подогревала пресса, охотно информируя о показах спектакля и возможном звучании пьесы.

Как мы видим, СМИ никогда не оставались в стороне, и их можно назвать инспираторами театральных скандалов последних лет в нашей стране. Скандалов было несколько десятков; фактически, они случаются ежегодно, от Белостока и

Супрасля до Кракова и Вроцлава. Можно наблюдать своеобразное расширение поля потенциального скандала. Вопреки логике, в демократическом государстве, где идейный плюрализм должен гарантировать право на разнообразие и непохожесть, происходит крестовый поход защитников общепринятых, консервативных, традиционных взглядов и норм. Сцену чаще всего обвиняют в оскорблении религиозных чувств, но также и в нарушении нравственного табу. В последнее время появляется новое, словно заимствованное из пьесы Ружевича «В расход» обвинение — пренебрежение патриотическими ценностями.

Одним из самых интересных скандалов последних лет, где пресса играла ключевую роль в инспирировании событий ради дешевой сенсации, стали представления коллектива «Сука Офф» по всей стране между 2005 и 2007 годами.

Инспираторами действий становились именно СМИ, выступавшие в роли обвинителей и защитников моральных ценностей. Они отходили от чисто информационной функции в пользу креативной, порой не имеющей ничего общего с фактическим положением. Петр Венгжинский, создатель группы, исполнитель, художник визуал-арта, отмечал:

«Возникавшие ситуации [...] были на 90% вызваны скандальными, непрофессиональными и манипулированными (изнутри) действиями СМИ. Это ни в коем случае не были заказные материалы для данного политического лагеря, они служили лишь для создания точек кипения и общественного беспокойства, основанного на невежестве и наивности, служащего хорошей конъюнктуре на статьи такого типа.

Называть эти явления «цензурой» и действиями чисто политическими, не принимая во внимание роль СМИ, было бы обычным злоупотреблением и далеко заходящим упрощением. Все негативные для нас политические действия того периода в каждом случае стали следствием появившегося в прессе текста»^[39]. У Венгжинского не было сомнений, что если бы не вмешательство прессы и поиски внехудожественной сенсации, то дело никогда бы не дошло до действий, связанных с повышенной активностью местных властей, а также со стремлением ограничить демонстрации спектаклей этого артистического коллектива. Знаменательными оказались варшавское выступление и публикация в прессе, которые в дальнейшем принципиально повлияли на негативные для группы события, в том числе заявление в прокуратуру о совершении преступления или ограничение творческой свободы. В 2005 году, три дня спустя после выступлений в столице, журналистка «Факта» Малгожата Гермак-Блахнио, не посмотрев ни одного спектакля «Суки Офф», опубликовала на страницах газеты статью, проиллюстрированную снимками

обнаженных актеров в извращенных позах. В ней она однозначным образом информировала о содержании представления, подчеркивая лишь визуальную форму и не обращая никакого внимания на художественный замысел спектакля. Она сообщала, что это пьеса, полная разнузданных, тошнотворных сцен. «А зрители не предполагают, что примут участие в столь отвратительном зрелище»^[40]. Далее журналистка указывала на шокирующие сцены: обнажение, мочеиспускание, прокалывание кожи, издевательство человека над человеком. В конце она заключала: «это вовсе не искусство, это вульгарная мерзость. Ибо какое послание следует из жестоких и отвратительных сцен, при виде которых люди отворачиваются?»^[41]. Тенденциозность оценок показывала полное непонимание проблематики пьесы, но стала предлогом для активности защитников морали на территории всей страны.

Немаловажной была роль прессы и для разжигания театрального скандала, связанного с постановкой Яном Клятой пьесы Августа Стриндберга «На пути в Дамаск» в краковском Национальном Старом театре (премьера 5 октября 2013 года). Через пять дней после первого представления «Дзенник Польски» начал публичную дискуссию о театре и новом директорстве Кляты (с 1 января 2013 года). Отрицательная оценка — неоригинальность, левая идеология и задумки, словно со скамейки у пивного ларька^[42] — вынесенная главным редактором газеты Мареком Кенскравцем, повлияла на стимулирование дискуссии о краковской сцене и ее новом руководителе. Критическое суждение о спектакле, не лучшее мнение о новом директоре, а прежде всего, примененные в спектакле средства вызвали акцию протesta зрителей.

Спорными стали два конкретных фрагмента: когда Кшиштоф Глобиш изображал совокупление с декорацией, и когда Дорота Сегда имитировала кровосмесительный половой акт с братом. Возражали и против звучания спектакля: иконоборчества, непристойности и насыщенности вульгаризмами.

Выступление зрителей — это невиданный акт в польском театре. Во время военного положения имели место акции «закашливания» либо «захлопывания» актеров, которые, вопреки отказу театрального сообщества участвовать в программах средств массовой информации, нарушили правила бойкота. Происшествие в Старом театре имело признаки консервативной демонстрации и, в противоположность событиям военного положения, было по деконструкторам, авторам-полемистам, которые противостояли подчинению единственно верной, выдуманной идеологии ошибочно понимаемой национальной культуры. Акция протesta прошла

14 ноября 2013 года. Около двух десятков человек из публики во время сцены изображения одетыми актерами сексуального акта прервали ее и стали протестовать. На сцене солидарно появились все актеры, режиссер и художественный руководитель. Начались полные эмоций монологи об искусстве, прошлом и истории театра, свист и оскорблений, в частности: «Глобиш, стыдно!»; «Фаустина, ты б...»; «Позор, это национальный театр»; «Ты ноль»; «Они проституируют»; «Хватит псевдосатанистской музыки». На сцене появился Клята, который охладил атмосферу и попросил группу недовольных выйти. Через несколько минут, когда один из 90% зрителей, оставшихся в зале, призвал успокоиться, поскольку он пришел посмотреть спектакль, и, после того, как по-прежнему присутствовавшие в зале зрители поддержали актеров аплодисментами, представление возобновилось. Организаторы акции покинули здание театра^[43]. Все происшествие было подготовленным, не имело признаков спонтанного выступления. Автором его идеи оказался Станислав Марковский, фотограф, документалист, бард и композитор. Автор музыки к стихотворению Ежи Нарбутта «Солидарные», ставшему официальным гимном профсоюза «Солидарность».

Примерами спектаклей, которые вызвали противоречия и были (как СМИ, так и заочными критиками) объявлены театральными скандалами еще до того, как состоялись их премьеры, были «Смерть и девушка» по пьесам Эльфриды Елинек в постановке Эвелины Марциняк во вроцлавском Театре Польском (премьера 21 ноября 2015 года), а также «Белая сила, черная память» на основе репортажа Марцина Концкого в постановке Петра Ратайчака в белостокском Драматическом театре им. А. Венгерко (премьера 16 апреля 2016 года).

В первом случае действия, направленные против спектакля, начались с блокирования фан-сайта театра на портале «Фейсбук». Поводом стало появление на нем плаката к спектаклю с изображением модели, державшей руку в трусах^[44]. В местных СМИ поднялся шум, а атмосферу подогревала информация о том, что в проекте примет участие пара чешских порноактеров. Интернет-сайт театра сообщал: «Спектакль предназначен для ДЕЙСТВИТЕЛЬНО взрослых зрителей и содержит сцены секса»^[45]. Этот анонс и стал причиной акции протesta. В дело вмешались члены городского совета, а также новый министр культуры и национального наследия, заявивший, что для такой непристойности и явной порнографии не должно быть места. В качестве субъекта, участвующего в финансировании театра, он потребовал от руководящего органа — самоуправления нижнесилезского

воеводства — приостановить премьеру. Это выразил в своем письме Войцех Квятковский, директор финансового департамента Министерства культуры и национального наследия, указав, что общественное недовольство, выраженное, в частности, в петиции, которую подписали в электронном виде 39 тысяч человек — достаточный аргумент для того, чтобы немедленно распорядиться о приостановке подготовки к премьере в анонсированном виде, нарушающем общепринятые принципы общественной жизни^[46]. Первый показ прошел в сопровождении полиции и нескольких десятков демонстрантов из «Движения возмущенных», «Национально-радикального лагеря» и «Крестового похода Розария за Отчизну». Прибывших на премьеру встречали блокированием дверей и чтением молитв^[47]. Дальнейшие спектакли, однако, проходили без серьезных помех.

В белостокском произшествии поводом для протеста стало локальное измерение спектакля. Книга Концкого рассказывает о региональном расизме, национализме и вытеснении из памяти собственного неудобного прошлого. Члены совета воеводского самоуправления, представляющие партию «Право и справедливость», еще до премьеры, на основании текста театральной версии, невыясненным образом попавшего к ним, обвиняли проект в тенденциозности и одномерности при изображении местной подляской действительности. В подобном же тоне было выдержано письмо, адресованное маршалку воеводства^[48] и написанное представителями католических и правых организаций: «Содержание сценария не имеет ничего общего с искусством. Это насмешка над нашим христианством, патриотизмом, традициями, теми ценностями, которые нам дороги и которые мы будем защищать»^[49]. За несколько часов до премьеры прошла манифестация «Всепольской молодежи». В ней должно было принять участие около 300 человек, в конце концов собралось всего 60. Скандировали лозунги: «Сталинская пропаганда!», «Великая христианская Польша!», «Бог, честь, Отчизна!»^[50]. Несмотря на эти акции, спектакли состоялись. Однако в последние годы имели место и происшествия, исключившие возможность показов спектаклей.

Подобным образом ситуация сложилась в Быдгоще. В 2009 году там планировалось исполнить на пленэре осовремененную версию мюзикла Тима Райса и Эндрю Ллойда Уэббера “Jesus Christ Superstar” под названием “Superstar with Jesus Christ”. Режиссером спектакля был Якуб Яворский. В этой постановке Иисус должен был ходить в джинсах, Мария Магдалина в короткой юбке, а роль Пилата играла женщина. Больше всего споров вызывал финал зрелица — СМС-суд над Христом,

результаты которого должны были выводиться на большой экран. После сообщений в прессе к городским властям обратились с протестом католические организации («Католическая акция») и представители других христианских церквей. Предрекаемый скандал не дождался публичных представлений, поскольку местные власти не дали согласия на использование Старой рыночной площади для постановки во время страстной недели^[51]. Угроза потенциального оскорбления религиозных чувств оказалась сильнее свободы художественного высказывания.

Католиков в XXI веке в Польше также оскорбляет и тематика, шокировавшая наших прабабок и прадедов в случае «Проклятия» Выспянского. Характерен случай постановки «Неоконченной истории» Артура Палыги режиссером Улей Кияк в Новом театре в Забже (премьера 1 апреля 2012 года). После первого показа дирекция сцены получила три электронных письма с требованиями цензурного вмешательства в спектакль. Под их влиянием руководство театра решило соответствующим образом доработать постановку во избежание возможных протестов и пикетов. Одна из спорных сцен показывала героиню беременной, что могло вызвать ассоциации, будто отцом ребенка является священник. Другие вызвавшие недовольство фрагменты касались использования Библии или определенной интонации, с которой произносилась фраза «давайте помолимся»^[52]. Последние годы показывают, что оскорблении религиозных чувств может быть связано с самыми тривиальными элементами искусства. Иногда для защитников католических ценностей, пророчащих очередной художественный скандал, банальный фрагмент становится предлогом для борьбы. Анализируя скандалы после 1989 года, можно отметить расширение поля спорных тем. Уже не только оскорбление религиозных чувств, нравственность, обнаженность и мораль, но также и патриотические ценности становятся поводом для криков о скандале. Знаменательным оказался случай показа на пленэре (3 октября 2015 года) спектакля «Неомонахомахия», вдохновленного произведением Игнация Красицкого и подготовленного краковским театром КТО. Сценарист Бронислав Май и режиссер Ежи Зонь использовали «Монахомахию» для сатирического пародии современной политической, общественной, религиозной и нравственной жизни. Спектаклю мешала группа из нескольких десятков человек, которые скандировали лозунги: «Долой коммуну!» и «Раз серпом, раз молотом по красной сволочи!». Он не пришелся по вкусу правым из городского совета. Представитель «Права и Справедливости» Рышард Капущинский назвал

представление «небывалым скандалом». Он отмечал, что это жалкое зрелище, авторы которого поставили себе целью «опозорить и осквернить всё, что свято для поляка, включая религиозные и патриотические песни. [...] Конечно, речь шла об отвращении к приближающимся выборам, которые рассматриваются как покушение на прежнее статус-кво»^[53]. В прокуратуру было подано заявление об оскорблении религиозных и патриотических чувств. Завели дело. В конце концов, следствие было прекращено.

Всего несколько этих случаев демонстрируют масштаб театрального скандала в нашей стране. Годы проходят, а они остаются. Меняются режимы, протекают десятилетия, а нас теперь оскорбляет большее, нежели около ста лет тому назад. Мы хотим быть свободными и независимыми, а пространство ограничения художественного высказывания расширяется. Странная эта наша действительность, эта наша Польша.

Вместо эпилога

«Проклятие» Фрлича стало предлогом для анализа польского театрального скандала. Всё то, что за последние несколько месяцев происходило внутри и вокруг театра «Повшехны» в Варшаве, сводит воедино описанный опыт польской сцены. Именно СМИ стали главными инспираторами общественного возбуждения. Нелегальная запись фрагментов спектакля и их демонстрация по государственному телевидению с ясно артикулированным перечнем провинностей постановщиков стала импульсом для всех последующих действий. Травля со стороны консервативных СМИ, протесты перед театром, вмешательство правых молодежных организаций, полиция, выстрелы ракетами, субстанции, разлитые в фойе театра, крестовые походы розария, молитвы, осуждение Церковью — это лишь часть практически ежемесячных событий вокруг противоречивого спектакля. А как это совпадает с приведенными историческими примерами! Сегодняшний театр демонстрирует, что у нас есть две Польши, два мира, две реальности. Лишь бы когда-нибудь стал возможен диалог. Когда мы наблюдаем и следим за происшествиями вокруг спектакля, напрашивается еще одна рефлексия, которую стоит сопоставить с протестами во время презентации инсталляции Яцека Маркевича «Страсти» в Центре современного искусства «Уяздовский замок» в 2013 году. В небольшой зал, где были представлены работы, вошли женщины-пикетчицы. Они молились. Художественный вымысел, изображавший фигуру Христа в объятиях мужчины, сливался с фанатизмом противников. Рождалась новая экспозиция искусства. По-своему значительная и необыкновенная. Аналогично, вокруг «Проклятия» возникла новая форма общественного театра.

Театр улицы, борьбы и агрессии. Насилия. Искусство не безразлично к реальности, окружающий мир становится жестоким к нему. Скандал вписался в естественный ритм польской театральной сцены, которая пишет для него самые лучшие сценарии.

Перевод Владимира Окуния

1. [Электронный ресурс]
<http://www.powszechny.com/spektakle/klatwa> [доступно: 25.09.2017].
2. Спектакль был показан в Польше в рамках XXII Международного театрального фестиваля «Контакт» в Торуне. Информация по: буклет и каталог мероприятия, ред. Б. Банасик, Торунь 2014.
3. Спектакль принимал участие в VI Международном театральном фестивале «Диалог–Вроцлав» в 2011 году. Информация по: каталог фестиваля, ред. А. Цардеть, Вроцлав 2011.
4. Ср., в частности: Ханна Арендт. Организованная вина и всеобщая ответственность. / пер. Т. Набатникова, А. Шибарова, Н. Мовнина // Скрытая традиция: Эссе. – Москва 2008; Ханна Арендт. Истоки тоталитаризма / пер. И. Борисовой и др. – Москва 1996; Ханна Арендт. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / пер. С. Кастальского и Н. Рудницкой. – Москва 2008.
5. M. Jędrysik, Bałkańskie strategie. Rozmowa z O. Frljiciem i G. Injacem, "Tygodnik Powszechny" 2014, nr 6.
6. G. Andrijanić, Bałkański skandalista w Krakowie, „wSieci” 2013, nr 49.
7. См. M. Golka, Skandal artystyczny, „Kultura i Społeczeństwo” 2013, nr 1, s. 104–109; M. Ujma, Sztuka i skandal. Sztuki wizualne, Warszawa–Bielsko–Biała 2011, s. 14–15; U. Schueler i R.E. Taeuber, Skandal? Sztuka!, przeł. B. Ostrowska, Warszawa 2010.
8. Faktomontaże Leona Schillera, red. Anna Kuligowska-Korzeniewska, Warszawa 2015. В представленном анализе использован этот источник без указания на конкретные ссылки. Учитываются также: T. Miłkowski, Afera Schillera,

“Trybuna” 2015 nr 231; он же, Teatr faktu Leona Schillera,
“Stolica” 2016, nr 1-2.

9. Кресы — польское название территорий нынешних западной Украины, Беларуси и Литвы, входивших в состав межвоенной Польши — Примеч. пер.
10. Вилям Хожица (1889–1959) — польский режиссер и директор театров, писатель, переводчик, театральный критик, один из создателей польского монументального театра — Примеч. пер.
11. W. Kałużyński Kino, teatr, kabaret w przedwojennej Polsce. Artyści. Miejsca. Skandale, Warszawa 2013, s. 248.
12. Там же, стр. 246.
13. Там же, стр. 247.
14. Dekret z dnia 5 lipca 1946 r. o utworzeniu Głównego Urzędu Kontroli Prasy, Publikacji i Widowisk, “Dziennik Ustaw” [далее: Dz.U.] 1946 nr 34 поз.210.
15. Рецензия Дж. Куккетти в «Оссерваторе романо» 1964 nr 233 [w:] Kronika Teatru Narodowego 1949/50–1973/74, oprac. W. Maj [w:] program Wesele, red. E. Rymkiewicz, Teatr Narodowy, Warszawa 1974, номера страниц отсутствуют.
16. J. Sobczak, Historya o Chwalebny Zmartwychwstaniu Pańskim (1961) [w:] Teatr Kazimierza Dejmka, red. A. Kuligowska-Korzeniewska, Łódź 2010, s. 207. Автор подвергla анализу более раннюю постановку в Новом театре в Лодзи.
17. По: Staropolskie teatra Kazimierza Dejmka, oprac. M. Smolis, Warszawa 2012, s. 15.
18. Kronika Teatru Narodowego 1949/50–1973/74, op.cit., номера страниц отсутствуют.
19. M. Raszewska, Teatr Narodowy 1949–2004, Warszawa 2005, s. 108.
20. Костёл на Скалке или Церковь Святого Архангела Михаила и Святого Станислава — один из самых известных польских санктуариев, ставший местом захоронения для многих выдающихся поляков — Примеч. пер.
21. S. Kard. Wyszyński, Trzy wieże nad Polską, Kraków — Skałka, 9 maja 1976 [w:] там же, Z królewskiego Krakowa, oprac. W. Gasidło, Warszawa 1992, s. 65. Тадеуш Ружевич высказался по поводу слов примаса, обратив их в свою пользу: «Кто-то, видимо, прислал кардиналу «Диалог», чтобы оказать мне услугу. Во всяком случае, вместе с Гротовским я был упомянут в проповеди на Скалке, которая, принимая во внимание погребенных там, определенно является магическим местом» — см. R. Dutkiewicz, Wiersz szuka domu.

Rozmowa z T. Różewiczem, „Tygodnik Powszechny” 2009, nr 39 [приложение: Wrocław — metropolia kultury].

22. K. Puzyńska, Powrót Chrystusa, „Teatr” 1969, nr 19.
23. Информация по: R. Węgrzyniak, Miedzy kruchtą a sceną, „Kontrapunkt” 1999, nr 3-4, s. 5.
24. I. Iwasiów, Kto się boi Bianki, siostry i bracia? [w:] program Biały małżeństwo, red. D. Semenowicz, Teatr Narodowy, Warszawa 2015, s. 11-12.
25. По: A. Legierska, Od Grotowskiego do Garcíi — najgłośniejsze skandale polskiego teatru, [Электронный ресурс] <http://culture.pl/pl/artykul/od-grotowskiego-do-garcii-najglosniejsze-skandale-polskiego-teatru> [доступ 25.09.2017].
26. Турпизм (от turpis (лат.) — уродливый) — прием, состоящий в введении в литературное произведение элементов уродства с целью вызвать эстетический шок — Примеч. пер.
27. T. Łomnicki, „Do piachu” Różewicza: dzieje prapremiery, „Dialog” 1984 nr 3.
28. О «деле «Дзядов» см., в т.ч.: M. Raszewska, Teatr Narodowy 1949–2004, op.cit., s. 131–145; ее же, „Dziady” Dejmka, Warszawa 2008; D. Przastek, Teatr w historii, historia w teatrze, „Studia Politologiczne” 2015, nr 35, s. 141–158.
29. M. Raszewska, „Dziady” Dejmka, op.cit., s. 43.
30. Об этом может свидетельствовать собранная автором документация (информация из прессы, анализ), занимающая 177 страниц нормализованной машинописи.
31. По каталогу „Malta Festival Poznań 2014. Ameryka Łacińska: Mieszańcy”, koncepcja i red. K. Tórz i D. Semenowicz, Poznań 2014, s. 56.
32. «Крестовые походы Святого Розария» — католическое движение с массовым чтением молитв по четкам (розария), посвященное достижению какой-либо богоугодной цели — Примеч. пер.
33. T. Cylka, Arcybiskup Gądecki ostro przeciw „Golgota Picnic”, „Gazeta Wyborcza”, 16.06.2014.
34. P. Markiewicz, Posłowie PiS ponownie szafują „uczuciami religijnymi”, PAP, 7.06.2014.
35. Oświadczenie prezydenta Ryszarda Grobelnego ws. sztuki Rodrigo Garcíi, PAP, 17.06.2014.
36. Это сделала журналистка «Радио Вроцлав» Эльжбета Осович. По: K. Kamińska i M. Podsiadły, Sztuka czy barbarzyństwo?, „Gazeta Wyborcza” 6.04.2009.

37. Каталог VI Международного театрального фестиваля «Диалог–Вроцлав», op.cit., s. 18–22.
38. [без автора], Francja poruszona potężnymi pikietami. Protesty katolików oburzonych bluźnierską sztuką, 7.11.2011, [Электронный ресурс] <http://www.piotrskarga.pl/> [доступ: 25.09.2017].
39. Фрагмент личной переписки автора с Петром Венгжинским от октября 2008 года.
40. M. Germak-Błacnio, Tę potworną ohydę nazwali sztuką, „Fakt” 2005, nr 271.
41. Там же. В тексте появились комментарии авторитетов — людей, которые также не видели спектаклей: театрального режиссера Адама Ханушкевича и актрисы Эмилии Krakowskoy.
42. См. M. Kęskrawiec, Pustka w Czystej Formie, „Dziennik Polski” 2013, nr 240.
43. Происшествие было записано, запись доступна на YouTube. О ходе происшествия писали: W. Mrozek, Po incydencie w Starym Teatrze, „Dwutygodnik.com” 2013, nr 120; R. Pawłowski, Atak na teatr, krzyk z widowni, „Gazeta Wyborcza” 2013, nr 267.
44. Cp. (docz) [D. Oczak], Facebook ocenzurował plakat Teatru Polskiego. Nie spodobała się ręka w majtkach, „Gazeta Wyborcza”, 6.11.2015.
45. [Электронный ресурс]
<http://www.teatrpolski.wroc.pl/przedstawienia/smierc-i-dziewczyna> [доступ: 25.09.2017].
46. Копия письма в собрании автора.
47. (mikar, natsa, docz), „Śmierć i dziewczyna”. Zadyma pod Teatrem Polskim, „Gazeta Wyborcza — Wrocław”, 21.09.2015.
48. Маршалек воеводства — глава исполнительной власти в системе самоуправления воеводства — Примеч. пер.
49. Cp. A. Kłopotowski, Szyderstwo z tradycji? Katolicki protest przed głośną premierą, „Gazeta Wyborcza”, 12.04.2016.
50. См. A. Kopeć, Spektakl „Biała siła, czarna pamięć”. Wiele hałasu o nic, czyli protest przed teatrem, „Kurier Poranny” online, 18.04.2016.
51. См. M. Krygier i A. Lewińska, Jezus w dżinsach? Nie u nas!, „Gazeta Wyborcza — Bydgoszcz” 2009 nr 40.
52. Cp. J. Derkaczew, Szkoda, że nie ma cenzury, „Gazeta Wyborcza” 2012, nr 85.
53. (Sid), Będzie zawiadomienie do prokuratury w sprawie widowiska na Rynku, „Gazeta Wyborcza — Kraków” 7.10.2015.

Виктор Куллерский

Хроника (некоторых) текущих событий

- «До конца сезона отпусков председатель правящей партии уже не будет совершать рабочих поездок по стране. Ему предстоит операция, а после нее — долгая реабилитация. (...) О серьезности ситуации свидетельствует то, что Качинский во время майских праздников отменил встречу с избирателями в Гарволине. (...) Целый год у Качинского очень болела нога — совершенно износился хрящ коленного сустава. Бывало, что председателю приходилось прерывать встречи, так как он был не в состоянии долго сидеть с согнутой ногой. Уже год назад врачи советовали ему сделать операцию на колене, но Качинский отказался. (...) Однако осенью прошлого года наступил кризис, боль усилилась. Вот почему в ноябре Качинский решил не становиться премьером. (...) Качинский, который последние несколько дней провел на обследовании в больнице, лежит не в ортопедическом отделении, а в отделении заболеваний внутренних органов, поскольку только там нашлась вип-палата. (...) Качинский очень тяжело переживает проблемы со здоровьем. Кричит на сотрудников, ко всему придирается. Он был взбешен, когда “Факт” опубликовала снимки, на которых директор военного госпиталя привозит ему домой кости, и когда таблоиды показали, как он на костылях идет к лимузину. (...) Качинский создал систему, в которой он принимает все решения. (...) Войцех Ясинский, теперь уже бывший президент компании “Орлен”, приехал к председателю ПИС на ул. Новогродскую, чтобы тот решил, какая фирма будет продавать сосиски на принадлежащих “Орлену” бензоколонках. Пока председатель правящей партии не даст зеленый свет, ни один кандидат на должность президента крупной кампании с участием государственного казначейства кресла не получит». (Рената Грохаль, «Ньюсук Польска», 14–20 мая)
- «Качинского разместили в специальном изоляторе, отделенном дверями от остальной части коридора. (...) Изолятор состоит из трех палат. В небольшом коридоре находится умывальник. В палате — кровать и два шкафа, на стене висит телевизор. Справа — ванная с душевой кабиной. Никакой роскоши, никакого спецперсонала. Председатель ПИС пользовался услугами медсестер, которые ухаживали также за другими пациентами. Одну палату в закрытом комплексе

занимал председатель, в других размещалась охрана». (Рената Грохаль, «Ньюсук Польска», 11–17 июня)

• «Сегодня, когда 69-летнего Качинского ждет долгая реабилитация после операции колена, вновь возникает вопрос: что будет, если он все же уйдет на пенсию? Вопрос этот важен не только для правящей партии, но и для всей польской политической сцены. (...) Первыми в очереди стоят Йоахим Брудзинский и шеф МВД Мариуш Блащак. (...) Брудзинский годами возглавлял партийные структуры. (...) Министр внутренних дел в результате недавней рокировки в руководстве партии получил также должность вице-председателя, а Качинский даже назвал его “первым вице-председателем”, который заменил бы его, если бы он вдруг не смог исполнять свои обязанности». (Войцех Шацкий, «Политика», 23–28 мая)

• «За два года Брудзинский стал одним из самых влиятельных политиков в стране. Как министр внутренних дел и администрации он осуществляет надзор за деятельностью полиции, устраивает своих людей на руководящие должности в компаниях с участием государственного казначейства. Он также может серьезно повлиять на грядущие выборы, поскольку Национальным избирательным бюро руководит рекомендованный им человек. (...) Именно Брудзинский определяет политику в регионах, решает, кто будет руководить местными структурами, ссорит и мирит, контролирует партийные финансы. (...) Даже заняв пост министра внутренних дел, Брудзинский ни на секунду не выпускает из рук рычаги управления партией. Он взрастил целую плеяду верных себе людей в партийных структурах. (...) Брудзинский по праву считается мастером партийных интриг». (Рената Грохаль, «Ньюсук Польска», 28 мая — 3 июня)

• «Тяжело приходится Йоахimu Брудзинскому, который в отсутствие председателя правящей партии по обыкновению контролирует партийную работу. (...) Не всем нравится, что Брудзинский остается самым влиятельным политиком в партии, поэтому председателю постоянно жалуются — мол, Брудзинский слишком много себе позволяет и слишком легко берет на себя роль председателя. Как известно, ничто так не вредит политику, как подозрение в том, что он пытается стать наследником трона. Поэтому Брудзинский, не дожидаясь дальнейшего развития ситуации, опроверг эту информацию на “TVN24”: “Я могу сказать только одно: Ярослав Качинский не собирается уходить из политики на пенсию, и все, включая его потенциальных преемников, а также тех, кто мечтает сместить премьера (sic!) Качинского либо заменить его на посту лидера партии, придется вооружиться огромным запасом терпения”. Однако, вместо того, чтобы прекратить пересуды,

высказывания Брудзинского только их подстегнули. (...)
Разумеется, вновь стали обсуждаться кандидатуры преемника председателя Качинского». (Камила Барановская, «До жечи», 28 мая — 3 июня)

• «Кто бы мог заменить Ярослава Качинского на посту председателя партии, если бы вдруг возникла такая необходимость? По данным опроса Института рыночных и социологических исследований, фаворитом этой гонки является премьер-министр Матеуш Моравецкий — за его кандидатуру высказались 14,4% поляков. (...) Следующими идут вице-председатели партии “Право и справедливость” — Йоахим Брудзинский (9%) и Beata Шидло (8,6%), (...) Анджей Дуда (7,4%), Збигнев Зёбро (5,4%), Ярослав Говин (4,2%), Антоний Мацеревич (3,4%), Мариуш Блащак (2,7%), Петр Глинский (2,1%). (...) Целых 43% опрошенных не смогли сказать, кто, по их мнению, смог бы заменить Ярослава Качинского». («Газета Польска щодзенне», 30–31 мая)

• «Прошел уже месяц с того дня, как председатель “Права и справедливости” Ярослав Качинский оказался в варшавском Военно-медицинском институте. Говорят, что он находится в отделении гастроэнтерологии и заболеваний внутренних органов. Говорят также, что он лечит колено. (...) Никогда не слышал, чтобы операции на колене занимали столько времени». (Павел Вронский, «Газета выборча», 5 июня)

• «Эндопротезопластика коленного сустава (...) — одна из самых часто проводимых ортопедических операций в Польше. (...) Очереди на эту операцию — самые длинные в Польше. По данным министерства здравоохранения за апрель этого года, лица, чье состояние здоровья требовало срочного медицинского вмешательства, ждали операции в среднем 334 дня, то есть более 11 месяцев». (Каролина Ковальская, «Жечпосполита», 30–31 мая)

• «По неофициальным данным, планируемая операция колена до сих пор не проведена, поскольку “помешало заражение”. Без излечения инфекции операция невозможна. (...) Руководство больницы держит ход лечения в строжайшем секрете. Информацией о состоянии здоровья председателя располагает только узкий круг доверенных лиц». (Доминика Веловейская, «Газета выборча», 5 июня)

• «“Утаивание информации о состоянии здоровья Качинского напоминает стандарты авторитарных стран либо истории болезней советских генсеков”, — считает бывший президент Александр Квасневский. (...) Вот уже больше месяца Польша живет в состоянии раздвоения личности. (...) “Процесс принятия решений в аппарате правящей партии начинает буксовать. (...) Неработоспособность одного человека приводит к параличу целого государства. Кроме того, в ПИС идет борьба за

правопреемство”, — говорит политолог Александр Смоляр». (Рената Грохаль, «Ньюсук Польска», 11–17 июня)

• «Председатель ПИС в пятницу покинул больницу. (...)

Планируемая операция не состоялась, поскольку была обнаружена бактериальная инфекция. Дальнейшее лечение, а также реабилитация, будут вестись амбулаторно, сообщают врачи». («Газета выборча», 9–10 июня)

• «В среду пошел уже 29-й день акции протеста лиц с ограниченными возможностями и их опекунов в Сейме. (...) Постоянно находящиеся в Сейме протестующие заявляют, что не уйдут, пока не будет принят закон о дополнительных выплатах в размере 500 злотых на реабилитацию». (Михал Коланко, «Жечпосполита», 17 мая)

• «Введение реабилитационных доплат (независимо от дохода) в размере 500 злотых для инвалидов, нуждающихся в постоянной опеке и достигших 18 лет, поддерживают 79,9% опрошенных, против — 14,8%, еще 5,3% не смогли определиться с ответом. Установление фиксированного размера социальной пенсии для нетрудоспособных граждан и повышение до этой квоты прожиточного минимума поддерживают 83,2% респондентов, против — 9%, не смогли определиться с ответом — 7,8%. Источник: Институт рыночных и социологических исследований».

(«Жечпосполита», 15 мая)

• «Власти выполнили только одно требование: уравняли социальную пенсию с самым низким пособием Управления социального страхования, выплачиваемым в связи с полной нетрудоспособностью. Второе требование — предоставление пособия в размере 500 злотых на жизненные нужды — было отвергнуто». (Агнешка Кублик, Юстина Сухецкая, Михал Вильгоцкий, «Газета выборча», 28 мая)

• «Ровно через 40 дней протест был приостановлен, а его участники покинули здание парламента. (...) 24–25 мая Институт рыночных и социологических исследований провел опрос относительно дальнейших судеб протеста. 49% респондентов заявили, что нужно протестовать дальше, а 44% высказались за прекращение протестной акции. У 6% опрошенных не было собственного мнения по этому поводу».

(Виктор Ферфецкий, «Жечпосполита», 28 мая)

• «Несмотря на то, что акция протesta опекунов нетрудоспособных семей закончилась, в Сейме (...) продолжают звучать вопросы о роли католической Церкви в этой ситуации. С одной стороны, Церковь делает для инвалидов очень много, (...) с другой — трудно было не заметить очень “громкого” молчания католических иерархов по поводу этого протеста».

(Михал Шулджинский, «Жечпосполита», 2–3 июня)

• Говорит профессор Томаш Гродский, хирург, трансплантиолог,

сенатор от партии «Гражданская платформа»: «На сенатской комиссии по вопросам здравоохранения часто поднималась тема слишком дорогих лекарств для пациентов после трансплантации. Ведь на некоторые из них цены повышались с методичностью достойной психопата. Мы пытаемся объяснять, что это угрожает здоровью людей. Но власти этого не понимают. (...) Трансплантация легких стоит от 160 до 320 тыс. злотых. За эти деньги государство сначала спасает человеку жизнь, а потом говорит: теперь справляйся с этим сам. Те, у кого нет денег, чтобы заплатить за иммунносупрессивные препараты, перестают их принимать и умирают». (Малгожата Свенхович, «Ньюсуик Польска», 21-27 мая)

• «Маршал Сейма Марек Кухчиньский втоптал в грязь уже все неписанные права, которыми в Сейме пользовались журналисты. Он закрыл им доступ в кулуары (...), затем запретил общаться с политиками возле парламентского гардероба и ходить по коридору, рядом с которым работают вице-маршалы, потом очистил от журналистов главную лестницу Сейма. Он методично препятствует контакту прессы с политиками». (Михал Шулджинский, «Жечпосполита», 30-31 мая)

• «Вчера вступил в силу новый закон о маршалковской охране. На работу в Сейм будут приняты дополнительно 120 охранников и 10 гражданских служащих (в настоящий момент в маршалковской охране работает 160 человек). (...) Расширяются и компетенции охранников. (...) Сотрудники охраны смогут отдавать распоряжения (...), проверять документы, осуществлять личный досмотр, использовать огнестрельное оружие и средства непосредственного принуждения». («Газета выборча», 22 мая)

• «У ПИС по-прежнему крепкие тылы, обеспечивающие партии безнаказанность действий и предоставляющие оправдывающие аргументы. Это те, кто выстраивает чувство идентичности и собственного достоинства на ненависти к некоторым элитам и на презрении к тем, кого считает слабыми и недоразвитыми. (...) Именно это д-р Мачей Гдула продемонстрировал в исследовании, проведенном в городе Миастко: низшие и средние классы формируют чувство своей идентичности и чувство собственного достоинства на ненависти к тем, кто лучше их, а также на презрении к тем, кто слабее, и, в их понимании, хуже. (...) К сожалению, большинство поляков демонстрируют явно антиинтеллектуальную позицию. И это касается даже людей с высшим образованием», — Яцек Санторский, социальный психолог, почетный профессор Школы бизнеса варшавской Политехники, преподаватель Университета социальных и гуманитарных наук. («Газета выборча», 30-31 мая)

- «Война не только разрушила объекты материального мира — дома, города, фабрики, но уничтожила элиты. Польша, передвинутая на 200 км западнее, пережила самую масштабную миграцию населения за всю свою историю. Как писал Анджей Ледер в “Приснившейся революции”, в Польше были уничтожены градообразующие социальные слои — немцев высыпали, евреев убили. (...) Поколению отцов-основателей — Куроню и Мазовецкому, Скубишевскому и Бартошевскому, Геремеку, Туровичу, Яну Юзефу Липскому, Бальцеровичу и многим другим — мы обязаны последними 25 годами нормальной жизни. Ни в одной стране посткоммунистической Европы либералы не получили всей полноты власти. В Польше это произошло. И хотя они правили очень недолго, им удалось задать переменам нужное направление. (...) Это правительства Унии свободы и Демократической унии проложили Польше дорогу в НАТО и ЕС, обеспечили цивилизационный переход от плановой экономики к рыночной. И что самое важное — Польша избежала масштабной коррупции и олигархизации политической жизни», — проф. Адам Даниэль Ротфельд, бывший министр иностранных дел, директор Стокгольмского института исследования проблем мира, сопредседатель Польско-российской группы по сложным вопросам. («Газета выборча», 12-13 мая)
- «Год, в течение которого Польша празднует столетие обретения независимости, дает уникальный повод для исторической агитации. (...) Распространяемая в публичном пространстве версия исторических событий не учитывает ни международного контекста перед Первой мировой войной и во время этой войны, ни социальных различий между тремя частями Польши, входившими тогда в состав России, Германии и Австро-Венгрии. Она также игнорирует элитарный характер стремления к независимости. Стирает из памяти факт существования пассивных и равнодушных, а также лояльных по отношению к странам-участницам разделов кругов и социальных групп. Сегодня усиление патриотической ноты в интерпретации истории Польши и ее места в мировой истории напоминает ситуацию после обретения независимости, описанную в воспоминаниях Винсенты Витоса. Он писал о тех, кто “превратил патриотизм в обычный бизнес, когда в речах и на бумаге рекламируют и раздувают свои большие и малые заслуги, и даже — что еще хуже — приписывают себе заслуги других”. (...) Годовщину обретения независимости нам придется отмечать в глубоком убеждении, что западный мир нас не слушал и предал, а мы, благодаря Папе-поляку, принесли свободу народам Центрально-Восточной Европы. Обязательный рассказ об истории

независимости требует назвать героев борьбы за свободу. Так что консервативные интернет-порталы и журналы соревнуются между собой в попытке смешать с грязью наиболее заслуженных оппозиционеров 70-х и 80-х годов XX века. (...) Проповеди на историческую тему, раздающиеся с амвона правящей партии, очень опасны. Системе образования и историческому самосознанию они предвещают примерно то, о чем говорил Владислав Гомулка в декабре 1945 г., заявивший на открытии I съезда Польской рабочей партии: “В этой нашей новой Польше мы хотим до конца упразднить все обветшалое и плохое, вредное и опасное, что было в старой Польше. Мы хотим это уничтожить и не остановимся ни перед чем”», — проф. Анна Вольф-Повенская, бывший директор Западного института в Познани. («Газета выборча», 26–27 мая)

• «В соответствии с распоряжением районной прокуратуры Щецин-Запад 11 мая полиция явилась в здание филиала Щецинского университета в Поберово, где проходила научная конференция “Карл Маркс 1818–2018”. Сотрудники полиции проверяли, не занимаются ли участники конференции пропагандой “тоталитарных идей”. (...) Дошло до беспрецедентного события: впервые после 1989 года полиция без согласия и уведомления ректора пришла на территорию университета и заявила, что сейчас проверит, не пропагандируются ли тут тоталитарные практики и антинациональные действия. (...) Об этом произшествии написали газеты “The Economist” и “Washington Post”. (...) Информация о визите полицейских на научную конференцию в Польше появилась даже на... Гаваях». (Тимотеуш Кохан, «Газета выборча», 18 мая)

• «Министр внутренних дел и администрации Йоахим Брудзинский извинился перед ректором Щецинского университета и организаторами научной конференции “Карл Маркс 1818–2018” за пятничное вторжение полиции во время конференции. Полицейские по распоряжению прокуратуры проверяли донесение “о подозрении в публичной пропаганде тоталитарного строя”». («Газета выборча», 16 мая)

• «Законопроект, который будет обсуждаться в Сейме, вводит внешний контроль за университетом и академическим сообществом — то есть создает внешние структуры, в которых большим влиянием будет пользоваться доминирующая политическая сила. (...) Это может привести к навязыванию академическому сообществу политических назначенцев, которые станут проводить политику властей в стенах университета», — проф. Анджей Ледер, институт философии и социологии Польской академии наук. («Газета выборча», 7 июня)

• «Уже в трех университетах — Варшавском, Лодзинском и

Ягеллонском в Кракове — проходит сидячая забастовка против реформы высшей школы авторства вице-премьера Ярослава Говина, которую сейчас обсуждает Сейм. Еще пять вузов протестуют, не занимая зданий. В понедельник к бастующим вузам присоединится университет им. Николая Коперника в Торуне». («Жечпосполита», 11 июня)

• «Сидячую забастовку начали вчера студенты краковской Горно-металлургической академии и Гданьского университета. Они выступают против реформы высшего образования, подготовленной министром Ярославом Говиным». («Газета выборча», 12 июня)

• «Университеты бастуют в знак протesta против реформы Говина, то есть закона, преобразовывающего систему науки и высшего образования. (...) В ходе этой дискуссии часто ссылаются на позицию академического сообщества. (...) Однако университетская общественность слишком расколота, чтобы сформулировать какую-то общую цель. (...) Как заметил Марцин Заруд из Варшавского университета: “Закон и дебаты вокруг него отражают общее состояние научного сообщества, стоящего по обе стороны баррикад. Мы, как ученые, не в состоянии разработать концепцию и основные понятия этого закона, а также промежуточные этапы его внедрения. Как ученые, мы не в состоянии также дискутировать о конкретных правовых нормах, зато охотно прибегаем к известным нам ритуалам протesta». (Эдвин Бендык, «Политика», 13–19 июня)

• «11 декабря силезский воевода Ярослав Вечорек присвоил вокзальной площади в Катовице имя Марии и Леха Качинских. (...) Городской совет Катовице обжаловал решение воеводы в суде. Вчера Воеводский административный суд в Гливице отменил решение воеводы». («Газета выборча», 18 мая)

• «Варшавская мэрия вчера выиграла 12 предварительных заседаний по делам об изменении названий улиц в связи с декоммунизацией, в том числе по делу о присвоении Лазенковской трассе названия “проспект Леха Качинского”. (...) В общей сложности до среды Воеводский административный суд должен вынести 50 решений, касающихся “декоммунизированных” названий варшавских улиц. Все жалобы в суд направила столичная мэрия, которая не согласилась с названиями, навязанными городу мазовецким воеводой». (Рената Крупа-Домбровская, «Жечпосполита», 29 мая)

• «Мазовецкий воевода пообещал обратиться в Высший административный суд. (...) В большинстве случаев в судах выигрывают города и гмины, а не воеводы». (Рената Крупа-Домбровская, «Жечпосполита», 29 мая)

• «Муниципалитеты по всей Польше выигрывают в первой инстанции большинство дел, касающихся сохранения

названий улиц. (...) В Гданьске суд вернул семь наименований. (...) Аналогичное решение по поводу улицы Интербригады Домбровского вынес суд в Ольштыне. (...) Суд во Вроцлаве решил, что нижнесилезский воевода (...) "использовал свои полномочия для вмешательства в компетенцию гмины", гарантированную конституцией и законом о местном самоуправлении. В Катовице суд вернул старое название привокзальной площади. (...) В Krakове суд сохранил измененное малопольским воеводой название одной улицы, (...) зато вернул наименования двух других. (...) В Познани после благоприятного для города решения суда, (...) велкопольский воевода обратился в вышестоящую инстанцию. И заявил, что согласится только с решением Высшего административного суда». (Ярослав Осовский, «Газета выборча», 29 мая)

• «Тадеуш Климановский (68 лет), Августин Скитец (65 лет) и Кшиштоф Кенский (57 лет) — эти трое офицеров службы безопасности сотрудничали с католической Церковью и "Солидарностью". Им удавалось выносить и передавать оппозиции самые секретные документы польских спецслужб того времени. Это подтверждается и решением суда. Несмотря на это, министр Мариуш Блащак урезал им пенсии. Не помогло даже заступничество "Солидарности", представителей Церкви и Уполномоченного по правам человека». (Лешек Костшевский, «Газета выборча», 21 мая)

• «"Мне дали понять, что я больше не буду возглавлять Международный освенцимский совет", — говорит Барbara Энгелькинг, которая вместе с проф. Яном Грабовским недавно выпустила книгу "И не кончается ночь. Судьбы евреев в некоторых повятах оккупированной Польши". (...) "Я уже слышала о весьма резком высказывании на эту тему Ярослава Говина, находящегося сейчас в Израиле", — говорит проф. Энгелькинг. (...) Говин назвал книгу противоречивой. И добавил, что при формировании нового состава совета премьер-министр будет руководствоваться "чувствами поляка". (...) Совет также критиковал новый закон об Институте национальной памяти, спровоцировавший кризис в отношениях Польши с Израилем и США». (Бартоломей Курась, «Газета выборча», 30–31 мая)

• «11 мая интернет-газета "The Times of Israel" сообщила, что "свыше полумиллиона погибших в Холокосте евреев были жертвами поляков, а не немцев". Газета при этом ссылается на недавно выпущенную в Польше книгу "И не кончается ночь" и ее авторов, утверждающих, что двое из трех евреев, спасшихся от немецкого геноцида, погибли затем от рук поляков. (...) По мнению авторов исследования, во время акций по ликвидации евреев каждому десятому еврею удавалось бежать, так что количество беглецов оценивается примерно в 200 тысяч. (...) 40

тыс. человек — примерно столько евреев погибли в 1942–43 гг. по вине людей, которые по состоянию на 1939 г. имели польское гражданство. (...) Это одна пятая от вышеупомянутых 200 тысяч бежавших евреев. (...) Проф. Ян Грабовский до недавнего времени утверждал, что поляки убили 200 тыс. евреев. (...) Сегодня Грабовский дистанцируется от тех своих высказываний и даже их отрицает. (...) Те несколько десятков тысяч евреев, которые погибли по вине поляков — это жуткая реальность. (...) Эта гекатомба стала результатом хаотического переплетения событий, а не спланированной операции подпольного государства. (...) Как народ мы не можем считаться соучастниками Холокоста». (Яцек Боркович, «Жечпосполита», 19–20 мая)

- «По моим оценкам, можно говорить о нескольких десятках тысяч евреев, в чьей гибели виноваты поляки. Это и так огромная цифра», — Дариуш Либёнка, один из авторов книги «И не кончается ночь». («История До жечи», №6/64, июнь 2018)
- «В 2011 году (...) я выдвинул гипотезу, что во время оккупации мы воевали не на той стороне, на которой, как нам казалось, мы сражались, раз уж мы убили больше евреев, чем немцев. Благодаря немецким статистикам (...) мы знаем, что за 57 месяцев немецкой оккупации Третий Рейх потерял на территории Генерального губернаторства, которым тогда была Польша, 2 374 военных и служащих, из которых только 1 384 человека были немцами», — Марцин Заремба. («Политика», 23–29 мая)
- «Министр культуры отказался принять участие в финансировании известного ежегодного издания “Геноцид евреев. Исследования и материалы”, выпускаемого Центром изучения Холокоста. Этот же центр недавно выпустил книгу “И не кончается ночь”, в которой, в частности, показан масштаб преступлений, совершенных поляками в отношении евреев. Абсурдность ситуации в том, что профессор Польской академии наук хочет уничтожить выходящий много лет иуважаемый в Польше и за границей научный журнал. Более того, журнал, связанный с институтом философии и социологии Польской академии наук, в котором он сам работает (...). Подобные действия противоречат всем научным стандартам, считает профессор, доктор наук Дариуш Либёнка, главный редактор ежегодника. (...) Как оказалось, польское государство теперь не заинтересовано в существовании единственного в стране научного журнала, посвященного теме Холокоста». (Эстер Флегер, Витольд Мрозек, «Газета выборча», 7 июня)
- «Популярность националистического движения в современной Польше, особенно среди молодежи — это факт. (...) С 2015 года, когда к власти пришла партия “Право и

справедливость”, деятельность Национально-радикального лагеря пользуется явной благосклонностью правящих кругов, что выражается в крайне снисходительном отношении к различного рода ксенофобским и расистским выходкам. (...)

Возникает также странный альянс между националистами и футбольными фанатами (...), тоже, впрочем, поддерживаемый властями и Церковью. (...) Все чаще случаи физического либо вербального насилия оказываются следствием повышенной активности националистов, а также толерантного и даже одобрительного отношения к ним со стороны власти и Церкви», — Станислав Обирек, теолог, бывший иезуит, Ян Воленский, профессор философии. («Жечпостолита», 5 июня)

- «Нет никаких сомнений, что к созданию культа Степана Бандери приложило руку межвоенное польское государство. Украинцы и другие национальные меньшинства подвергались тогда дискриминации практически во всех сферах жизни. Школ и гимназий для украинцев было непропорционально меньше. Украинцам было гораздо труднее получить образование, они намного меньше зарабатывали. Украинцы были гражданами второго сорта. Поляки вели себя по отношению к украинцам примерно так же, как россияне и пруссаки по отношению к полякам во время разделов Речи Посполитой. Но все это нужно рассматривать отдельно от того, чем занималась ОУН во время Второй мировой войны.

Политика польского государства не должна оправдывать террора, проводимого ОУН — даже несмотря на то, что она этот террор провоцировала. Тем более она не может служить оправданием для позднейших этнических чисток», — Гжегож Россолинский-Лебе, автор биографии Бандери. («Ньюсуик Польска», 14-20 мая)

- «В Польше сегодня учится 37 683 студента из Украины. За пять лет их количество выросло почти вдвое. (...) По данным министерства науки и высшего образования, в 2014 году в польские вузы поступили 22 511 студентов из Украины. Спустя год их было уже на 7 тысяч больше. В 2017 году они занимали уже почти 39 тыс. мест». (Юлиуш Цвельюх, «Политика», 16-22 мая)
- «Эластри Абдеррахим, 35-летний марокканец, победитель Марафона Конституции 3 мая 2018 г. в Скаржиско-Каменна. Когда он узнал, что ему не положен главный приз, потому что он не поляк, то отказался вставать на подиум и не принял кубок. В официальных результатах его фамилии нет. (...)

Победителя марафона ожидали 1 100 злотых, а каждый участник перед забегом расписывался в том, что ознакомлен с регламентом, где была такая фраза: “Ввиду патриотического характера мероприятия награждаться будут исключительно участники польской национальности”». (Марцин Колодзейчик,

«Политика», 16–22 мая)

• «Мы живем в стране, где вот уже два года нарушаются все законы и все нормы, в стране, где хамство стало обычным делом, речь полна яда, а отдельный человек не представляет никакой ценности. Стране, где ложь стала правилом, к которому все привыкли и не считают это позором. (...) Каждое агрессивное слово политика вызывает каскад браны в интернете, и таких потоков дерьяма еще несколько лет назад мы не наблюдали. (...) Каждое “идиот”, брошенное с парламентской трибуны, каждое “проваливай”, выкрикнутое с депутатских мест, каждое нарушение конституции (...) превращает нас в орду дикарей, неспособных к дискуссии и компромиссу. И когда полицейский в ответ на вопрос Богдана Борусевича, стал бы он стрелять в народ по приказу властей, отвечает “Стал бы!”, что ж... Пусть стреляет», — Збигнев Холдыс. («Ньюсуик Польска», 21–27 мая)

• «Высший адвокатский совет принял резолюцию, в которой призвал Европейскую комиссию не допустить реализации принятых польским Сеймом законодательных решений, угрожающих системе разделения властей, независимости судов и, как следствие, правам и свободам поляков и других европейских граждан». (Анна Кшижановская, «Жечпосполита», 13 июня)

• «В своем официальном заявлении, сделанном 31 мая, европейские судьи (Европейская сеть советов правосудия) в очередной раз дистанцируются от польского Национального совета правосудия, сформированного правящей партией с нарушением норм конституции. Как пишут судьи, статус организации “требует от ее членов независимости от исполнительной и законодательной властей”. В течение нескольких месяцев европейские судьи должны будут решить, может ли Национальный совет правосудия по-прежнему состоять в их организации. (...) Их новый председатель Кеес Стерк дал весьма жесткий комментарий агентству “Рейтер”: “То, что происходит в Польше и Венгрии, нельзя назвать отдельными инцидентами, это системная угроза. И эта болезнь имеет свойство прогрессировать...”». (Войцех Чухновский, «Газета выборчая», 4 июня)

• «Европейская комиссия не собирается сворачивать процедуру проверки законности в отношении Польши. (...) “Принятые поправки не ликвидировали системную угрозу правопорядку в Польше”, — заявил в понедельник вице-председатель Европейской комиссии Франс Тиммерmans. В этот день министры стран ЕС также впервые обсудили проект бюджета ЕС на 2021–2027 годы. (...) Плательщики “нетто” настаивают на дальнейшем сокращении финансирования важных для Польши направлений, связанных с “политикой слияния” и

сельским хозяйством». («Жечпосполита», 15 мая)

• «Европейская комиссия обратилась в Совет Европейского союза за согласованием очередного шага в рамках процедуры, предусмотренной статьей 7 договора о ЕС. Комиссия также хочет 26 июня официально заслушать позицию Польши. Депутаты Европарламента, в свою очередь, призывают Европейскую комиссию обжаловать в Европейском суде закон о Верховном суде и попытаться приостановить действие этого закона. В ходе дебатов Польшу защищал депутат Европарламента от ПИС Здислав Краснодембский. Он заявил, что правительство пошло на уступки. “Законность — это не торговля лошадьми”, — парировал вице-председатель Европейской комиссии Франс Тиммерманс». («Жечпосполита», 14 июня)

• «Сегодня самой большой угрозой для Польши — а из-за Польши и для всего Евросоюза — стал демонтаж системы законности. (...) По мнению многих европейских и польских юристов, принятый ПИС закон о Верховном суде противоречит законодательству ЕС и должен пройти проверку в Европейском суде. (...) Правом обжаловать закон обладают страны, состоящие в ЕС, а также Европейская комиссия. (...) В самой же комиссии сегодня сталкиваются две точки зрения. Согласно одной из них, необходимо обжаловать польский закон, поскольку это фундаментальный для Европейского союза вопрос. Если отказаться отстаивать принцип законности, единое правовое пространство развалится. (...) Другая точка зрения такова: пусть поляки сами занимаются своими проблемами. Если их внутренняя политика приведет к провалу, Польша и Венгрия превратятся в маргиналов. Никто не станет их выгонять из ЕС, однако они окажутся на периферии. У нас будет все меньше денег, и место Польши окажется в чулане для швабр. (...) 40% жителей Польши нравится риторика ПИС, около 30% поляков являются сторонниками либеральной демократии в ее широком понимании, а еще 30% вообще не осознают, в каком мире они живут», — Катажина Печинская-Наленч, социолог и политолог, специалист по европейской и восточной политике Польши. («Газета выборча», 9-10 июня)

• «Проект реформы “политики слияния” ЕС сокращает финансирование Польши с 83,9 млрд евро (в бюджете 2014–20) до 64,4 млрд евро в бюджете 2021–27, то есть на 23%. Эти цифры выражены в ценах 2018 года. (...) Проект Европейской комиссии — это лишь начало обсуждения. Конкретные правила, касающиеся распределения денег, выделяемых на реализацию “политики слияния”, должны быть утверждены на мажоритарном голосовании Совета ЕС (министры стран ЕС) и Европарламента. (...) Не исключено, что решения будут приняты только во второй половине 2019 года. (...) Мы по-

прежнему не знаем подробностей калькуляции для новой сельскохозяйственной политики ЕС после 2021 года. В теперешнем бюджете на Польшу приходится 21 млн евро на непосредственные сельскохозяйственные дотации, а также 10,9 млн евро (в ценах 2011 года) на программы развития сельских территорий, которые, согласно расчетам Европарламента, в проекте бюджета на 2021–27 годы уменьшены более чем на 20%». (Томаш Белецкий, «Газета выборча», 29 мая)

• «Европейская комиссия не хочет признавать, что на планы по распределению денег повлияла основательно подорванная дискуссией о законности позиция Польши». (Томаш Белецкий, «Газета выборча», 30–31 мая)

• «“Распределение средств должно происходить честно. Предложение урезать фонды для Польши и других стран нашего региона неприемлемо”, — заявил замминистра иностранных дел Конрад Шиманский». (Петр Хмеляж, «Газета Польска їодзенне», 30–31 мая)

• «В новых семилетних финансовых планах Европейской комиссии для нас предусмотрены большие деньги. Однако полностью мы получим их только тогда, когда Польша будет считаться правовым государством, соответствующим европейским стандартам. В противном случае выплаты из бюджета для Польши могут быть урезаны, приостановлены либо заблокированы. (...) Политика ЕС исходит из того, что мы должны доверять друг другу, причем на многих уровнях — экономическом, правовом и даже политическом. Однако это доверие оказалось бесповоротно утрачено, поскольку в некоторых странах, в основном в Центрально-Восточной Европе, произошла дестабилизация демократической системы. (...) Поэтому ЕС сделал ставку на новые процедуры. Они не будут основаны на доверии, как раньше. Их продумают таким образом, чтобы государству невыгодно было нарушать законодательство ЕС. Вот почему обязательным условием для выплат из бюджета ЕС теперь будет соблюдение законности», — Роберт Гжешчак, профессор кафедры европейского права Варшавского университета. («Газета выборча», 12 июня)

• «Почти 53% поляков отрицательно относятся к идее Анджея Дуды провести референдум по поводу изменений в конституции. Только 35,6% респондентов считают, что это хорошая мысль — таковы результаты опроса, проведенного Институтом рыночных и социологических исследований. (...) Работу президента положительно оценивают 45,8% опрошенных. С февраля этого года поддержка Анджея Дуды снизилась на 7,4%». («Жечпосполита», 22 мая)

• «Президент Анджей Дуда не встретился в Белом доме с Дональдом Трампом. Зато на Exchange Place в Джерси-сити ему удалось пообщаться с мэром этого 240-тысячного города

Стивеном Фулопом. (...) После радушного приема в Варшаве в июле прошлого года Трамп должен ответить обедом на государственном уровне, так называемым state dinner. Однако приглашения для Дуды так и не последовало». (Бартон Т. Велинский, «Газета выборча», 18 мая)

• «Имидж Польши в Америке — это проблема. Пять лет назад о Польше в США отзывались лишь в восторженном тоне. (...) США сотрудничали с Польшей без всяких проблем, с любой властью: с правыми, левыми, либералами. Мы даже готовы согласиться, что для польских властей реформа судебной системы была действительно необходима. Но следовало ли проводить ее именно таким образом? Раздувать вокруг нее столь масштабный конфликт? Мы, американцы, не в состоянии этого понять. (...) Кто-то хочет вернуть Польше ее величие. Но ведь она уже достигла его после 1989 года. Если взглянуть на польскую историю с американской точки зрения, то вы переживаете лучший период своей истории со времен Батория. (...) У польского правительства есть успехи, такие, как «Программа 500+», герметизация налоговой системы. Есть серьезный экономический рост. Правительство вполне могло бы реализовать свои программы, не устраивая таких политических конфликтов, особенно на международной сцене. Разногласия одновременно с Брюсселем, Берлином и Киевом ничего хорошего Польше не принесут. (...) Эти изменения в законе об Институте национальной памяти совершенно ни к чему. (...) Свобода и зрелость — это когда ты понимаешь и признаешь свое несовершенство. (...) Очень важно признавать общие ценности. Польско-американский союз основан на уважении к правовому государству, демократии, правам человека. (...) Без реального признания общих ценностей союз Польши и Америки будет ослабевать», — Дэниэл Фрид, бывший посол США в Польше. («Газета выборча», 24 марта)

• «Польша сама маргинализируется, что, впрочем, уже происходит. Мы услышали это от некоего политика из одной большой страны на конференции в Варшаве. Дескать, мы не понимаем, что Польша сейчас ничего не значит для Евросоюза. Именно так он и сказал. Польша никак не влияет на переговоры, на реформу общей политики, у нее нет союзников, кроме Венгрии. (...) ЕС пойдет дальше. Словами здесь никого не напугаешь. За ними должны стоять авторитет и сила государства. И соблюдение демократических стандартов. А обоих этих вещей сейчас не хватает. (...) Никто не станет выгонять Польшу из ЕС или наказывать. Польша просто будет стоять в стороне. И заплатит за это очень высокую цену. (...) Наши пути с цивилизованным миром расходятся. Мы сжигаем мосты, соединявшие нас с Евросоюзом, который обеспечивает нам гигантскую модернизацию и цивилизационное

продвижение. (...) За прошлый год заграничные инвестиции сократились на 55%. (...) В международных рейтингах, где критерием служит уровень инноваций, место Польши ниже, чем десять лет назад. Резервы так называемой мелкой конкуренции, в связи с удешевлением рабочей силы, уже закончились. (...) У нас огромные демографические проблемы. (...) Молодые поляки, в том числе образованные, продолжают уезжать из Польши. Мы совершенно не занимаемся такими важными делами, как миграционная политика. (...) За последнее время назначены 45 новых послов ЕС.

Предполагалось, что на нашу страну придется 7–8%, то есть 3–4 представителя Евросоюза. Мы не получили ни одного», — Марек Греля, бывший посол Польши при ЕС, затем директор по трансатлантическим вопросам при представительстве дипломатической службы Евросоюза. («Пшегленд», 21–27 мая)

• «“Я очень рад, что у меня есть надежные друзья”, — заявил премьер-министр Матеуш Моравецкий в ходе вчерашнего визита в Польшу венгерского премьера Виктора Орбана. (...) В подобном тоне высказался и Орбан. “Полякам и венграм нужна сильная Европа, и мы уверены, что это служит нашим интересам”, — заявил он». (Клаудия Дадура, «Газета Польска 24», 15 мая)

• «В структурах Евросоюза и правительствах отдельных стран всегда могут сказать: если вы поступили так один раз, то наверняка поступите во второй. Не надо строить иллюзий, что можно вернуть утраченное доверие. (...) Нам теперь не избавиться от мучительного вопроса: “Как это могло с нами случиться?”. Он останется с нами навсегда. И какое мне дело, что проблему утраты доверия скоро разделят с нами другие страны юга Европы?», — Евстахий Рыльский, прозаик и драматург. («Ньюсук Польска», 21–27 мая)

• «В ходе варшавского заседания Парламентской ассамблеи НАТО нашей стране говорили комплименты и президент ассамблеи, итальянский политик Паоло Алли, и генеральный секретарь альянса норвежец Йенс Столтенберг. (...) “С точки зрения расходов на оборону, Польша — идеальная страна”, — хвалил нас Столтенберг. Среди 29 членов НАТО мы входим в пятерку тех, кто достиг установленного порога этих расходов — 2%. (...) Появилась информация о том, что польское правительство старается организовать постоянное (а не ротационное) присутствие американских воинских подразделений на территории нашей страны. (...)

Одновременно в американском Сенате началось обсуждение бюджета на 2019 год, в котором также заложено предложение о размещении такой военной базы в Польше. (...) Наша страна готова принять участие в финансировании этой базы и выделить на эти цели 1,5–2 млрд злотых». (Анджей

Ломановский, «Жечпосполита», 29 мая)

• «Парламентская ассамблея НАТО — это форум, на котором делегации состоящих в альянсе стран, представляющие разные политические партии, обсуждают вопросы безопасности. Ассамблея собирает эти мнения и готовит отчеты, которые затем изучают главы стран НАТО во время саммитов. Сегодня в состав ассамблеи входят 266 делегатов из 29 стран. В заседаниях участвуют также представители стран, сотрудничающих с НАТО, Европейского парламента и ОБСЕ. Варшавское заседание будет посвящено в основном угрозам со стороны России, таким, как продолжающаяся война на Украине, (...) гибридная война, кибератаки и вмешательство Кремля в выборы на Западе. Участники заседания обсудят также ситуацию на Ближнем Востоке, Корейском полуострове и в Венесуэле». (Бартош Т. Велинский, «Газета выборчая», 26-27 мая)

• «В первом квартале 2018 года темпы роста ВВП в Польше составили 5,1%, сообщает Главное управление статистики». «Эксперты полагают, что рост польской экономики подстегивается за счет потребления со стороны домашних хозяйств. “Рост зарплат и рабочих мест, социальные трансферты, умеренная инфляция и позитивный настрой в обществе способствуют увеличению потребительских расходов. Кроме того, рекордно низкие процентные ставки располагают скорее к потреблению, нежели к экономии”, — считает главный экономист Почтового банка Моника Куртек. (...) Безработица снизилась до 6,3%. Также отмечается быстрый рост зарплат. Так что у поляков сейчас становится все больше денег, чтобы их потратить. Семьи получают поддержку благодаря «Программе 500+». (...) Серьезная проблема — это отсутствие инвестиций. Обуславливать рост ВВП потреблением — все равно, что топить печь соломой». (Анна Попёлек, «Газета выборчая», 16 мая)

• «Крайне бедным считается тот, кто живет на сумму ниже прожиточного минимума. В 2017 г. этот потолок для единоличного домашнего хозяйства составил 582 злотых, а для семейной пары с двумя детьми — 1571 злотых. В 2015 г. на сумму, меньше прожиточного минимума, в Польше жили 6,5% домашних хозяйств. Два года спустя — 4,3%». (Адриана Розвадовская, «Газета выборчая», 5 июня)

• «Согласно исследованию британского Совета по вопросам безопасности детей в интернете, более половины детей в Польше имеет собственный ноутбук. Это самый большой показатель в Европе. По количеству смартфонов только шведские дети опережают польских», — Якуб Вонтор. («Газета выборчая», 16 мая)

• «По данным фонда “Дадим детям силу” и министерства

здравоохранения, почти 70% детей в Польше сталкивались с порнографией». (Мартина Бунда, «Политика», 6-12 июня)

• «В 2017 году количество возбужденных прокуратурой дел о жестоком обращении с животными выросло на 20%. За тот же самый период почти на 30% выросло количество направленных в суд обвинительных заключений по делам о нарушении закона об охране животных. (...) В 2017 году общее количество таких дел в прокуратурах всей Польши составило 4140, при этом 2380 дел были связаны с издевательствами над животными, 1760 — с их убийством. (...) Начиная с апреля штраф за жестокое обращение, к примеру, с собакой или ее убийство может составить 100 тыс. злотых. Злоумышленникам, изевающимся над животными, сейчас грозят три года тюрьмы. (...) За особо жестокое обращение с животными преступник можно получить даже пять лет. (...) 84% опрошенных ЦИОМом поддерживают ужесточение наказаний за издевательства над животными». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 15 мая)

• «Начало апреля. Депутат Дорота Арейшевская-Мелевчик из ПИС рассказывает в интервью, что тюлени — вредители, а Балтийское море не является их естественной средой обитания. По ее мнению, лучше всего было бы их отстрелять. (...) 26 мая в гдыньском приморском районе Оксыве прохожий нашел двух мертвых детенышей тюленей с привязанными к шеям кирпичами. У животных были раны в районе живота. 1 июня на Хельском полуострове обнаружили молодую самку Хеленку, которая несколькими днями ранее находилась под ветеринарной опекой в местном тюленариуме. У нее был размозжен череп. 3 июня (...) обнаружен очередной мертвый детеныш с распоротым животом. 6 июня патруль Всемирного фонда дикой природы нашел пятого тюленя, на этот раз в Ястшембей Гуре, также с распоротым животом... (...) За обнаружение преступников фонд “Мир животных” назначил награду — 30 тыс. злотых. (...) Известная писательница Мария Нуровская предлагает 20 тыс. злотых тому, кто назовет имя убийцы тюленя Хеленки. Следствие по делу ведет полиция». (Иоанна Вишневская, «Газета выборча», 9-10 июня)

• «Тюлени, которые погибли — это совсем юные особи, тюленьи детеныши, которые только учатся самостоятельной жизни, осваивают среду обитания, очень доверчивы и любознательны. Они не убегают от человека на берегу, подплывают к лодкам. У них еще нет выработанного навыка спасаться при виде человека», — Ивона Павличка, руководитель морской станции Института океанографии Гданьского университета. («Газета выборча», 9-10 июня)

• «Рыбаки говорят об экологической катастрофе, об агонии Балтики. “Состояние вод Балтийского моря оценивается нами как плохое либо очень плохое, — говорит Себастиан Кобус из

Всемирного фонда дикой природы. — Польша производит 37% всех соединений азота и почти 48% всех соединений фосфора, которые попадают в Балтийское море». (Рышарда Соха, «Политика», 16–22 мая)

• «Высокая смертность пчел отмечается вот уже больше десяти лет. (...) Все больше появляется доводов, свидетельствующих, что основная причина такой ситуации — химизация сельского хозяйства. (...) Сельхозпроизводители используют химикалии во время цветения садов, рапса и зерновых культур». (Адам Гжешак, «Политика», 16–22 мая)

• «Электростанция в Белхатуве — самый крупный отравитель Европы. (...) Об этом свидетельствуют данные Европейского реестра выбросов и переноса загрязнений. (...) Только в 2016 году Белхатув выбросил в атмосферу 2,82 тонны ртути». (Доминика Вантух, «Газета выборча», 5 июня)

• «С начала года у нас горело более 70 свалок с отходами. И это не случайность! Число пожаров растет с тех пор, как Китай перестал принимать отходы из-за границы. Так легче всего избавиться от залежальных тонн мусора и освободить место для новых». («Газета выборча», 29 мая)

• «В Польшу практически без всякого контроля можно привозить, к примеру, медицинские отходы (...) из Германии и даже из (...) Австралии. Никто не знает, сколько такого мусора попадает в страну, и что с ним происходит. А изворотливый предприниматель, когда “товар” уже попадает в Польшу, может без особых последствий бросить бизнес либо... случится пожар, который решит проблему. Привезти мусор легко, а вот его утилизация стоит денег, причем больших». (Томаш Петрыга, «Жечпосполита», 1 июня)

• «Проф. Ян Шишко (бывший министр окружающей среды из ПИС) вместе с горсткой молодежи сажает лес в... Беловежской пуще! Они посадили уже что-то около двух тысяч лиственных и хвойных деревьев. (...) Тем временем Европейский суд однозначно решил, что “ренатурализация древостоя после размножения жука-короеда” нарушает законодательство ЕС. (...) Своим постановлением от 12 апреля этого года окружной суд в Варшаве (...) запретил лесникам вывозить вырубленные в Беловежской пуще столетние деревья. (...) Это постановление действует с 16 апреля. Тем временем с 20 апреля патрули волонтеров из “Лагеря для пущи”, “Гринпис” и Всемирного фонда дикой природы зафиксировали вывоз вырубленных деревьев, чей возраст составляет сто и более лет». (Радослав Слюсарчик, «Дзике жиче», май 2018, №5/287)

• «Министру окружающей среды Хенрику Ковальчику. Уважаемый господин министр, Комитет экологической и эволюционной биологии Польской академии наук выражает глубокую обеспокоенность планами холдинга

“Государственные леса” относительно обновления леса посредством высадки насаждений в Беловежской пуще. (...)
Искусственный засев вырубки в Беловежской пуще с использованием саженцев из лесных питомников (...) приведет к необратимым изменениям в экосистеме Беловежской пущи и будет способствовать утрате ее уникальных природных достоинств. (...) Планируемые лесопосадки станут серьезным и вредоносным вмешательством, которое в перспективе может оказаться гораздо более опасным явлением, нежели предшествующая ему вырубка. Столь радикальное вмешательство в экосистему может также стать причиной очередного конфликта с Евросоюзом. (...) От имени Комитета экологической и эволюционной биологии Польской академии наук, проф. Кшиштоф Спалик, председатель комитета». («Газета выборча», 30–31 мая)

- «Поддержка партий: «Право и справедливость» — 33%, «Гражданская платформа» — 26%, Союз демократических левых сил — 10%, Кукиз'15 — 6%, крестьянская партия ПСЛ — 6%, «Современная» — 4%, партия «Вместе» — 3%, не определились с симпатиями — 10%. Опрос Института рыночных и социологических исследований, 7–8 июня. («Жечпосполита», 11 июня)

Экономическая жизнь

В Польше проживает 9 млн человек в возрасте старше 60 лет. Их покупательская способность выше, чем у остальной части общества, что делает их привлекательными клиентами.

Старшая возрастная группа (как и любая возрастная группа) дифференцирована по имущественному положению, так что нельзя всех пожилых людей называть бедными пенсионерами. Как следует из доклада фирмы «Nielsen», который приводит газета «Жечпостолита», ситуация, скорее, противоположная: душевой доход в хозяйствах пенсионеров выше, чем в других группах. Поэтому и торговля должна принимать во внимание потребности пожилых покупателей. Для 55% таких клиентов приобретение здоровых (часто более дорогих) продуктов питания весьма важно, и такие артикулы пожилые люди приобретают чаще, чем представители остальных возрастных групп. Торговые сети не забывают о старших клиентах и борются за них, используя, в частности, специальные карты с десятипроцентной скидкой. Пожилые люди преимущественно не склонны интересоваться новыми товарами, чаще обращаются за традиционными польскими продуктами. Политика продаж — не только в товарном предложении. Крупные торговые сети стремятся также повысить покупательский комфорт: в частности, расширяя проходы, обеспечивая удобный подъезд и места парковки для лиц с ограниченными возможностями.

В крайней бедности находится тот, чей доход ниже прожиточного минимума. Для одинокого человека этот порог в 2017 году составлял 582 злотых, а для родителей с двумя детьми 1571 злотый. В 2015 году домашних хозяйств, где доход был ниже прожиточного минимума, было 6,5%. Спустя два года — 4,5%. Уменьшение процента бедных Главное статистической управление (ГСУ) объясняет улучшением положения на рынке труда: ростом заработной платы и снижением уровня безработицы, а также введением программы «Семья 500+». Улучшение коснулось, прежде всего, многодетных семей. Это даже удивительно. По сведениям ГСУ, крайняя бедность в 2016 году касалась 5,6% семей, самостоятельно растягивавших детей. Принимая во внимание, что в результате ужесточения программы помощи часть семей, ранее получавших пособие, его утратила, ситуация в этой группе должна, скорее, ухудшиться. Однако, вероятно, процент бедности снижается благодаря улучшению положения на рынке труда. Данные ГСУ,

которые комментирует «Газета выборча», показывают, что прежде всего улучшилось положение лиц с невысоким уровнем образования. Среди домашних хозяйств, глава которых имеет всего лишь начальное образование, процент бедных снизился с 12,4% до 10%. Есть, однако, и те, у кого положение не только не улучшается, но даже ухудшается, среди них, в частности, лица, работающие на себя, и пенсионеры.

Для польской экономики производство в домашних хозяйствах — одна из важнейших отраслей с точки зрения занятости, инвестиций, инноваций, логистики и распоряжения изношенным оборудованием. Это также один из наиболее динамично развивающихся секторов. Производители артикулов домашнего хозяйства создают в Польше почти 27 тыс. непосредственных рабочих мест. И дополнительно около 75 тыс. работников заняты опосредованно в смежных секторах — от производства материалов и компонентов до логистики и рециклинга. Пять крупнейших фирм, производящих домашнее оборудование, инвестировали в Польше до 2017 года около 13 млрд злотых, благодаря чему были созданы современные, соответствующие самым высоким европейским меркам заводы, на которых занято около 90% всех работников промышленности. Продукция предприятий по производству домашнего оборудования попадает не только на отечественный рынок, прежде всего она идет на экспорт, поглощающий 85% изделий. В Польше сейчас около 14 млн домашних хозяйств. По статистике, в каждом из них находится 15 единиц оборудования, то есть суммарно около 200 млн. В год для перевозки польского экспорта в путь отправляется свыше 125 тыс. грузового транспорта, перевозящего 1 млн тонн оборудования и преодолевающего 170 млн километров.

Как сообщает газета «Жечпосполита», доходы польских крестьян растут быстрее, чем в других профессиональных группах. В пересчете на одного человека, доходы в семьях крестьян-единоличников в 2017 году достигли около 1576 злотых. По отношению к предшествовавшему году рост составил 424 злотых, то есть почти 37%. Это следует из материалов исследования бюджета домашних хозяйств, проведенного ГСУ. Выяснилось, что на эти изменения повлиял, прежде всего, рост доходов от индивидуального крестьянского хозяйства, составляющий из года в год до 50%. В минувшем году значительно увеличилось производство зерна, молока, крупного рогатого скота и свиней на убой, яиц, а одновременно значительно выросли цены сельхозпродукции. Для сельского хозяйства сложилась благоприятная рыночная ситуация: цены и продажи продовольствия динамично растут, а при

стабильности издержек прибыль оказалась выше. Согласно статистике, общая стоимость закупки сельскохозяйственной продукции составила 65,3 млрд злотых, то есть почти на 12% больше, чем годом ранее. Однако не только это объясняет феномен роста среднедушевых доходов. Здесь также может оказываться влияние социальных перемен на селе. В сельском хозяйстве занято все меньше работников, в том числе помощников из членов семьи. Крестьяне переходят в другие сектора, в промышленность и сферу услуг, где заработки выше.

По данным ведомства сельского хозяйства, которые приводит «Газета выборчая», экспорт сельскохозяйственной продовольственной продукции в первом квартале 2018 года вырос на 4%, то есть составил 6,7 млрд евро, а стоимость импорта составила почти 4,8 млрд евро (рост на 2%). Увеличение объема торговли продовольствием составило 10% или почти 2 млрд евро. В молочном секторе экспорт удержался на уровне прошлого года, составив 482 млн евро. С количественной точки зрения, экспорт сильно вырос — на 29%. Голландия закупила значительно больше польского масла — на 118,4% (!). Увеличили закупки масла также Чехия (на 81,1%) и Франция (на 88%). Саудовская Аравия приобретает все больше польских сыров: рост составил 22%, что сделало эту страну крупнейшим импортером сыра из Польши. США стали главным покупателем польской свинины — как по количеству (20 тыс. тонн), так и по стоимости (52,5 млн евро). Хорошие результаты у производителей птицы. Экспорт мяса птицы возрос в первом квартале текущего года на 12,5%. Охотно покупают польскую птицу в Германии и Британии. Зато не лучшие времена у производителей зерновых. С июля 2017 по март 2018 года пшеницы продано на 62% меньше, чем в соответствующий предыдущий период. Стоимость экспорта свежих фруктов (преимущественно яблок) составила в первом квартале 145,8 млн евро, что на 19% меньше прошлогоднего.

Как пишет «Жечпостолита», отмена налоговых льгот для инвесторов в особых экономических зонах вызывает тревогу. Вообще-то, правительство намеревается заменить их новыми — теоретически по всей стране, но в действительности льготы будут доступны для немногих регионов. Фирма MTU (авиационные моторы) из Есёнки под Жешувом — пример того, как льгота в подоходном налоге сказалась на конкретном регионе и по всей стране. Фирма на сегодняшний день инвестировала свыше 100 млн евро и в ближайшие годы планирует вложить еще несколько десятков миллионов. Предприятие обеспечивает работой 800 человек, что в два раза больше, чем предусматривал начальный инвестиционный

план. Вскоре работников станет более тысячи. Сейчас в сфере налоговых льгот ожидаются новые правила. Льготы будут обусловлены уровнем безработицы: чем он ниже, тем легче их получить. В самой выгодной ситуации окажутся регионы, где безработица превышает средний показатель по стране в 2,5 раза. Если углубиться в новую концепцию налоговых льгот для инвесторов, то может оказаться, что далеко не вся Польша станет «экономической зоной», как заявляли разработчики закона. Сегодняшние инвесторы могут рассчитывать на льготы до 2026 года. После этого в особых экономических зонах возникнут серьезные трудности.

E.P.

Речь Посполитая сарматская

2.0

Откуда это движение вспять? Почему власти ведут нас против объединенной Европы? Откуда этот страх дальнейшей интеграции и вообще изменений в Брюсселе, если известно, что в нынешней переходной и в значительной мере случайной форме Евросоюз ожидает, возможно, дальнейший распад?

Если мы начинаем объяснять, что это потому, что Ярослав Качинский и его окружение не понимают, как устроен мир, внешнюю политику подчиняют внутренним партийным играм, а усугубляет все личная мстительность премьера, то мы пройдем мимо самой, возможно, острой польской проблемы, даже не коснувшись ее. Появилась она не с приходом к власти «Права и справедливости», у нее давние источники, во многом она нам навредила, мы неоднократно считали ее искорененной или, по крайней мере, усыпленной, и только перемена правительства в 2015 году обнажила ее разрушительную силу. Поэтому давайте поставим вопрос немного по-другому: почему мы постоянно расходимся с современностью? Почему суверенность и независимость мы понимаем главным образом как покрикивание о них да ярмарочное переодевание в национальную символику? Почему мы никак не можем понять, что патриотизм в независимом государстве — это прежде всего выполнение непростых гражданских обязательств? Почему из польской традиции мы выбираем проигранные восстания и самое бессмысленное из них — борьбу «отверженных солдат», а не то, что мы сумели построить и отстоять? Почему выбор национальных реквизитов нас скорее разделяет, чем объединяет, служа главным образом самовосхвалению и становясь критерием оценки лояльности по отношению к нам? И откуда, наконец, этот ископаемый клерикализм с Христом-Королем во главе государства вместо христианской рефлексии над человеком и его родиной, к которой тщетно призывал нас поляк Иоанн Павел II? Ведь от его величия остались только гигантские памятники да запыленные, потому что все реже открываемые, тексты. Почему, наконец, многие из нас считают, что миф Смоленска более важный и поворотный, чем легенда «Солидарности»?

Патриотизм поражения

Вероятно, над нами тяготеет проклятие потерянного XIX века.

Когда другие — счастливые — европейские народы строили свои исправно функционирующие государства, когда там зарождались современные общества, мы безуспешно боролись за главное — за свободу. Когда другие в лабораториях и фабриках осуществляли промышленную революцию, мы поднимали тщетные революции за независимость.

Единственное, что объединяло поляков, силой разделенных между тремя разными государствами, был язык и вероисповедание. Именно поэтому Костел стал учреждением не столько религиозным, сколько национально-освободительным. С таким сознанием и таким отставанием мы вступили в независимость, счастливо обретенную в 1918 году. Трудно удивляться тому, что воспевание национального мученичества и культ проигранных восстаний сделался корнем польского патриотизма.

Но в межвоенное двадцатилетие мы сделали очень мало, чтобы превратить его в патриотизм независимого и исправно функционирующего государства. Героями провозгласили последних живых участников Январского восстания 1863–1864 гг. — самого бессмысленного, изначально обреченного на поражение. Еще у Ноябрьского в 1830 г. были какие-то призрачные шансы, у Январского — никаких. О единственных успешных восстаниях, которые легли в основании вновь обретенной независимости — Великопольском и Силезском, — постарались как можно скорее забыть, поскольку их предводители не принадлежали к лагерю Пилсудского. В качестве строительного материала патриотизма остались Легионы и победная война с большевиками. Историческое обращение к наиболее крупному польскому достижению, каким была опережающая Европу польско-литовская шляхетская демократия, не очень приветствовалось, потому что два наиболее сильных политических лагеря межвоенного времени — эндеция^[1] и санация^[2] — к демократии относились прохладно. То, что об этом великом и в течение по меньшей мере двухсот лет успешно функционирующем демократическом эксперименте писал когда-то Иоахим Лелевель^[3], а в межвоенное двадцатилетие — Владислав Конопчинский^[4], осталось незамеченным.

С этим мы вступили в период жестокой войны, которая снова потребовала от нас героизма. Послевоенная Народная Польша с самого начала была заражена ложью навязанного извне строя, фальшивой идеологией, ялтинским предательством, не говоря уже о катынской лжи и менее крупных фальсификациях. Достаточно было того, чтобы всё, что в ней говорится, считать лживой пропагандой. В том числе и попытку объективно

оценить силы и более разумно посмотреть на трагедию Варшавского восстания. Если не было ответа на вопрос о том, почему бездействовали стоящие у ворот Варшавы советские войска, то и остальной вывод тоже казался ложью. Впрочем, послевоенные усилия построить новый, «социалистический» и более благоразумный патриотизм были не только заражены идеологией, но и оставались половинчатыми, потому что в ПНР-овской школе в головы молодежи вкладывали всё те же романтические стереотипы, что и до войны, а мысль о польско-литовской демократии была идеологически еще более неправильной. Этим пользовался Костел, укрепляющий свои позиции в качестве единственной не зараженной коммунизмом институции; впрочем, это именно он помог нам достойно пережить ночь военного положения и восьмидесятых годов.

Апатия и укорененные в поколениях стереотипы

Самые сильные упреки слышатся, однако, в адрес независимой Польши после перелома 1989 года. Когда наконец исчезла цензура и идеологические сервитуты, никто не взялся за современное общественное воспитание, либерально полагая, что правда сама себя защитит. Довершила всё апатия и укорененные в поколениях стереотипы. Два больших гражданских достижения Польши — шляхетскую демократию и «Солидарность» — не захотели или не сумели сделать строительным материалом патриотизма. Всем правительствам свободной Польши следует поставить «двойку» по гражданскому воспитанию. Словно по иронии, инициатором создания культа «отверженных солдат» стал сам президент Бронислав Коморовский. Это не означает, что герои тщетной и с самого начала обреченной борьбы с коммунизмом не заслуживаютувековечения. Но пусть это будетувековечение вправде, без почерпнутого у Юзефа Мацкевича (прекрасный писатель, но вредный публицист) убеждения, что всё, что после войны не было стрельбой по коммунистам, заслуживает осуждения как подлый коллаборационизм. Если правы были только «отверженные», то изменой будет считаться демократическая оппозиция в ПНР, затем «Солидарность» и, наконец, «круглый стол».

Так что Ярослав Качинский пришел уже на готовое. Но — в отличие от предшественников — он проявляет поразительное усердие в деле общественного воспитания. Не только трагедия неудавшихся восстаний и «отверженных солдат» выдвигается сегодня на первый план, но и вся романтическая традиция XIX века, которая изображала Польшу «Христом народов», страдающим за грехи других наций, и теперь мы требуем компенсации за героическую защиту от турок, от Москвы, от

большевизма, от «левицкой заразы», в конце концов. Этому служит союз «трона и алтаря», клерикализация государства (по-прежнему светского, согласно Конституции), втягивание в орбиту патриотического церемониала националистических и даже полуфашистских кругов, не принадлежащих к лагерю власти, но в этом отношении полезных ей. Этому служит поспешно проведенная реформа школы, истинная цель которой была не столько ликвидация гимназий, сколько внедрение программ, продвигающих именно эту модель косного патриотизма. Проходит всё больше времени, которое отделяет нас от войны, забываются ее ужасы, и это способствует восхвалению доблести солдат и повстанцев. Более того, позволяет беззаботно воспринимать войну как испытание национальных добродетелей, как мужское приключение, как бравую песню. А это уже создает наклонную плоскость, подталкивающую к трагическому повторению. Однако, чтобы дать более полный ответ, надо пойти еще дальше и еще болезненнее в глубь польской души.

Барокко против ренессанса

Шляхетская демократия польско-литовской унии — это времена позднего средневековья и ренессанса; тогда она была сильна заботой своих граждан об «Общем Деле», была единственной европейской демократической державой в окружении despотических монархий и умела неплохо с ними ладить. Она была демократическим экспериментом, опережающим на две-три пятьдесят лет то, что начало проклевываться на Западе только в конце XVIII и в первой половине XIX века. Мы стали забывать, что эта демократия не ограничивалась выборами и сеймиками, а за два столетия до Монтескье осуществила разделение властей и имела конституцию, в роли которой с 1573 года выступали «Генриковы артикулы». Причин ее упадка было много: сокращение торговли зерном в Гданьске, а отсюда обеднение средней и мелкой шляхты, перевес магнатов, слабость городов и городского населения, усиление враждебно настроенных соседних государств и многое другое. Этот упадок пришелся уже на период контрреформации и барокко. Ренессанс был терпимым, многоконфессиональным, либеральным. В искусстве он отличался скромностью и свободой, продолжая традиции античности. Ренессанс неставил перед людьми высоких целей, но, даря свободу, позволял им быть такими, какие они есть. На пьедестал он возвел не веру, а разум, смиряясь со всеми его недостатками. Он был глотком свежего воздуха, ворвавшегося в освещенную веками, но уже немного затхлую атмосферу средневековья. Барокко — при всём его богатстве и великолепии — захлопнуло

это на мгновение приоткрытое окно. Оно было искусством и мировоззрением контреформации — могучим, богатым, динамичным, но вместе с тем угнетающим. В скульптуре, живописи, оформлении храмов барокко указывало единственный путь, которым следовало идти. Королевский проповедник Петр Скарга, считающийся бескомпромиссным критиком пороков шляхетского государства (памятник ему установлен на площади Марии Магдалины в Кракове), был сторонником абсолютизма и непримиримым врагом свободной мысли и религиозной терпимости.

Постепенный упадок демократии, а с нею и самого государства в барочной Речи Посполитой продолжался, и никто этого упадка не осознавал. Более того, всё это сопровождалось растущим самодовольствием шляхетской нации, считавшей себя не только лучше остальных сословий, но и выше других представителей Европы. Магнат Лукаш Опалинский в середине XVII века, незадолго до шведского потопа, писал: «Мы живем в безопасности, не зная ни насилия, ни страха. Нас не грабит солдат, не угнетает сборщик податей, правитель не притесняет и не принуждает к повинности... Мы занимаемся Республикой, когда нам хочется». С таким самодовольствием они срывали сеймы, купались в свободе, за которую уже давно принимали анархию. Не важно, какой ты гражданин, не важно, что за власть в твоем государстве, и имеешь ли ты на нее какое-то влияние, главное, что ты можешь кричать любые глупости, какие взбредут тебе в голову, что ты «ешь, пьешь и катаешься как сыр в масле». Драматичное отрезвление времен майской конституции — принятой, впрочем, обманным путем меньшинством тогдашней шляхты — пришло гораздо позже. Отсюда и разделы.

Мутный мессианизм, подшитый безудержным высокомерием

Этот наихудший в нашей истории период был воспет польским романтизмом XIX века и в последующее время вбивался в головы учеников. Это Мицкевич уже в «Песне филаретов» поднялся высоко над реальностью, призывая: «Но силы измеряйте Стремлением благим!»^{5[5]}. Этот же национальный пророк поляков в III части «Дзядов» назвал Польшу «Христом народов», жестоко страдающим за грехи всех других.

Но самую разрушительную роль сыграл Юлиуш Словацкий со своими поэмами или, скорее, эпическими стихотворениями «Генезис Духа» и «Король-Дух», которые больше напоминают длинные молитвы (именно такой подзаголовок носит «Генезис»), представляющие историю как шествие духов, восставших против Бога, но вместе с тем стремящихся к

величию и правде. «Всемирный Дух» вселяется в самых выдающихся людей и толкает их на великие дела, порой кровавые и жестокие. Здесь наш пророк уже предвосхищает философию Ницше. Драму «Самуэль Зборовский» он напишет позднее, но заглавный герой становится для него примером такого воплощения. Спор представляющего государство канцлера Яна Замойского со Зборовским — это не спор Креона и Антигоны, потому что за Самуэлем нет никакой моральной правоты, а только гордое, дикое и ни с чем не считающееся своеование. У Словацкого Замойский — тривиальный рационалист, а Зборовский — воплощение свободы. Король Баторий, приказывая по совету канцлера казнить Зборовского, казнит польскую свободу, казнит Мессию. Польская шляхта — это «сто тысяч Христов, на конях, штурмующих Новый Иерусалим». Польскость — это последняя и самая высокая стадия эволюции человека, через которую должны пройти все народы. Вот наша миссия и наш смысл! Мутный мессианизм, подшитый безудержным высокомерием.

Измученный проигранными восстаниями и страданием народа, польский романтизм XIX века высосал соки из сарматизма XVII столетия, напитался им, возвеличил его. Так возникла та «темная сторона» нашего романтизма, о которой проникновенно писала Мария Янион, хотя ее призыв остался напрасным. Так возник романтический, барочный и мессианский польский патриотизм, которому необходимы поляки, но совершенно не нужна Польша, потому что ее предназначение — очередная бойня, а ее действительность — смертельная борьба благородных призраков, как у Словацкого. Чем в Польше хуже, тем лучше для «Короля-Духа». К своему несчастью, «Солидарность» — уже с момента своего возникновения — апеллировала к этому мифу, прочно укрепившемуся за время военного положения.

Немногочисленные голоса рассудка заглушил набожно-патриотический лязг.

Ярославу Мареку Рымкевичу не пришлось особо стараться, чтобы в своей книге сделать смутьяна Зборовского символом польскости: у него была для этого почва, подготовленная Ю. Словацким. Ведь его Зборовский не кто иной, как мифический «суверен», поступающий так, что ему заблагорассудится, лишь только почувствует в себе силу... Поэтому этот сарматский миф пытается теперь возвеличить политическая публицистика правого толка, видя лучшие традиции не в тех временах, когда польский ренессансный республиканизм был созидаательным и демократическим, а в эпохе сарматизма, когда он стал закрытым, нетерпимым, клерикальным и баухальствующим. Как писал один из ее нынешних представителей, «мы дорастем до роли истинно великих поляков — барских конфедератов,

которые понимали, что бороться и умирать мы должны только в Окопах Святой Троицы».

Уже было

На извечный польский вопрос «Когда будет лучше?» я отвечаю выше, в подзаголовке. Ведь исторически на смену ренессансу приходит барокко, и не только в былые времена. После короткой ренессансной передышки, которая началась у нас в 1989 году — хотя в остальном мире значительно раньше, у нас снова наступило барокко. Снова контрреформация и не только в Польше, направленная против «посткоммунистического левачества», открытого соборного христианства, но и против «Солидарности» — той благороднейшей и достопамятной «Солидарности» 1980–1989 годов. Снова контрреформация во всём мире, направленная против либерализма, против свободного, толерантного общества, против плодотворного сотрудничества между людьми и государствами. Мало кто сохранил еще сегодня доверие к холодным, но рациональным процедурам, которыми жива либеральная демократия. Опять наступила эра харизматичных вождей, которые безошибочно укажут покорным массам единственно верный путь.

Когда «было лучше», мы не сделали ничего или очень мало, чтобы побороть уснувшего тогда сарматского дьявола, откормленного на романтической мистике, столь близкой польской душе. Теперь слишком поздно. Теперь он уже впряжен в колесницу премьера Качинского, чтобы повести всех нас — хотим мы этого или нет — в выбранную им не столько обетованную землю, сколько темную пещеру прозябания в неспокойном мире, который подбирается всё ближе. В этом мире, зыбком ввиду непостоянства союзов и нестабильной экономики, на этом перекрестке Европы, где испокон веку грызлись вражеские армии, Польша может устоять — по его убеждению — только будучи закрытой, темной, ксенофобской страной, посكونно католической (но не христианской), отвергающей всё, что исходит от вредного окружения. Потому этот дьявол так нужен премьеру, и он так о нем заботится. А барокко благоприятствует темноте, к сожалению...

Впрочем, кто и как может сегодня с ним бороться? Пойти против общественных настроений, против доминирующего типа патриотизма, против официально поддерживаемой и поощряемой историографии. Трудно будет из этого выйти, даже если «Право и справедливость» проиграет на выборах или — что порой случается с правящими партиями — запутается в собственных ногах. Мифы живут намного дольше, чем политики и их партии. Политики обретают власть, когда им удается перетянуть миф на свою сторону, сделать из него знамя, привлекающее растерянную толпу. Именно так и

случилось. Это, однако, свидетельствует лишь об их оборотливости, но уж никак не о величии. Политик и его партия уйдут, а мифы будут жить еще очень долго. Возможно, они сослужат службу новому шарлатану, а может, со временем окажутся на свалке национальной истории. Остается верить, что так оно и будет, но для этого необходимо невероятное интеллектуальное усилие, да к тому же в условиях, менее благоприятных, чем когда бы то ни было.

Темноту вижу

В силу возраста и принадлежности к другой, по сравнению с сегодняшним барокко, эпохе, я считаю, что существует и другой, нежели предложенный партией ПИС, а именно — ренессансный — рецепт того, как выстоять в нестабильном мире. Надо оказаться в твердом ядре объединенного Европейского союза, слиться с ним политически, не утратив при этом национального сознания, языка и культуры — ведь никто, будучи в здравом уме, не собирается нас всего этого лишать. Сделать ставку на солидарность и сплоченность этого ядра и самому быть солидарным с ним. Это тоже рискованно, но не менее реально, чем картина, представляющаяся с улицы Новогродской в Варшаве^[6]. Однако это путь против доминирующего сегодня сознания и милых польской душе мифов. Поэтому на вопрос о будущем я могу ответить только словами героя популярного некогда фильма «Новые амазонки или Сексмиссия», который боролся с фальшивым миром вокруг себя: «Я вижу темноту!»

-
1. Энденция, или Национально-демократическая партия, — правая националистическая партия Польши, существовавшая в 1897–1947 годах. — Здесь и далее примеч. пер.
  2. Неофициальное наименование реакционного режима, господствовавшего в Польше с 1926 по 1939 г.
  3. Иоахим Лелевель (1786–1861) — польский историк и политический деятель; основатель и главный представитель романтического направления в польской историографии, идеализировавший в своих трудах политический строй Речи Посполитой с целью доказать существование республиканских форм правления в истории польского государства.
  4. Владислав Конопчинский (1880–1952) — польский историк, специалист в области истории польского государства, политической истории и генеалогии, профессор Ягеллонского университета, член Варшавского научного

общества, Польской академии знаний, инициатор и первый редактор Польского биографического словаря.

5. Перевод Д. Д. Минаева.
6. На улице Новогродской в Варшаве располагается штаб-квартира партии «Право и справедливость».

Существует непостижимый порядок

О Витольде Вирпше с Лешеком Шаругой беседует Кароль Самсель

Витольд Вирпша. Фото из архива НП

Кароль Самсель: Витольд Вирпша — это загадка. С ним должно быть сложно, а на самом деле — не сложно. В каком-то значимом и, пожалуй, фундаментальном смысле он по-прежнему не присутствует в современной литературе. С чего начать разговор о Вирпше — так, чтобы избежать ловушек, расставленных им самим, а также восприятием его творчества?

Лешек Шаруга: Я, в сущности, не уверен, так ли уж ли он не существует, ведь существует ряд посвященных отцу исследований, существует издательство, специализирующееся на издании его произведений, в данный момент печатается десяток его книг, правда, «задним числом». У него есть свои поклонники, недавно книгу об отце издал Дариуш Павелец, так что я бы не сказал, что он полностью отсутствует, хотя да — его относят к так называемым «трудным» писателям, и уже сам

этот ярлык...

— *Писателя недоступного...*

— Да, недоступного, трудного, запутанного, использующего тяжелый язык с налетом языка науки — все это действительно создает множество проблем для восприятия. Но ведь если оглянуться назад и обратиться к программной книге Станислава Баранчака «Недоверчивые и самоуверенные», то мы увидим, что Баранчак называет отца в числе четырех представителей того феномена, который он именует «школой без учеников»: это Тимотеуш Карпович, Мирон Бялошевский, отец и Эдвард Бальцежан, поэты-лингвисты, не доверяющие языку (Баранчак вводит в своем тексте разделение на доверчивых, вроде Збигнева Беньковского или Юлиана Пшибося, и недоверчивых, разрушающих языковые окаменелости и пытающихся их «обыграть» в новом контексте). Так что нельзя сказать, будто Вирпша не присутствует. В творчестве отца важным, просто-таки переломным сборником (недавно переизданным) стали «Комментарии к фотографии». В него вошли стихи, написанные к снимкам с нашумевшей в 1960-е годы выставки «Семья человека». Эти стихотворения разоблачают ложь фотоискусства и одновременно показывают, насколько несентиментально могут быть восприняты те или иные фотографии цикла.

— *Прежде всего именно поэтому Вирпшу ставили в один ряд со Сьюзен Сонтаг...*

— Но он значительно опередил Сонтаг с ее эссе «О фотографии», ведь «Комментарии к фотографии» были изданы в 1962 году, а текст Сонтаг — лишь в семидесятие. Так что нельзя сказать, будто отец не присутствует. Он присутствовал в литературной жизни до своего отъезда из Польши, хотя, конечно, к нему относились настороженно как к поэту «нетипичному», но зато он дождался своего читателя в поколении, которое родилось после его эмиграции — в семидесятие годы. Вот это как раз самое интересное. Потому что я осознал: тексты, которые мы воспринимали с трудом (я имею в виду поколение «Новой волны»), например «Перевернутый свет» Тимотеуша Карповича, молодежь — та же Иоанна Мюллер — читает без проблем.

— *Без запинки...*

— Да, они интерпретируют целое без запинки, без малейшего труда. Вирпши, впрочем, это тоже касается. Это особенно заметно у Яцека Гуторова, который читает отца совершенно свободно. Быть может, есть поэты, которым приходится ждать своего времени. Одни не дождутся — и канут в Лету, других удается реанимировать. Думаю, что отец относится ко второй категории.

— А в какой момент Витольд Вирпша — еще вполне живой и активный — начинает представлять сложность для восприятия? Исследователи обычно называют в этом контексте два сборника — «Малый вид человеческий» и «Дон Жуан» — и 1960 год, когда писатель «углубил» свой стиль, хоть это и не самая удачная формулировка. «Глубина» присутствовала в нем с самого начала, уже дебютный сборник «Соната» включал в себя стихи, совершенно не напоминающие первые пробы пера...

— А с другой стороны, «Сонату» очень часто относят к соцреалистическим произведениям...

— Я бы хотел как раз оттуда привести знаменательную цитату: «Музыкальная тема очаровывает меня, как если бы за последние двадцать лет в Европе никого не убили». Вот именно. Эти слова пишет тридцатилетний поэт. Он пишет их в 1949 году.

Преданность Моцарту и преданность Баху оказываются здесь реальностью в, пожалуй, не меньшей мере, чем выразительные «жанровые сценки» вроде образа Гданьска 1945 года. Быть может, Вирпша, как писал Эдвард Бальцежан, желая избежать ловушек соцреализма, сосредоточился на том, чтобы дать сперва перевести дух выжившим?

— И да, и нет, потому что — если, с другой стороны, взять «Полемический трактат», то есть текст, адресованный Чеславу Милошу, отцовский ответ на его «Моральный трактат», то следует констатировать, что Вирпша с Милошем спорил с самого начала. Что считал его... как бы это получше сформулировать...

— Самоуверенным?

— Нет... Наивным. Да, наивным. По отношению к языку и к миру. Милош слишком легко прибегает к готовым клише. Отец же никогда этим клише не доверял. Хотя, конечно, «Полемический трактат» остается соцреалистическим, сохраняет эту основу...

— Но в нем присутствует также ироническое обыгрывание литературной традиции. «Нет, мой пан...» — что ж, точно так же Словацкий обращается к Красиньскому в «Ответах на „Псалмы будущего“».

— Да, конечно.

— Однако здесь мы видим явное отражение романтического спора и романтизма, по отношению к которому Вирпша — воспринимавшийся как поэт антиромантический — всегда относился скептически...

— Нет-нет, он не выступал против романтизма. Мы уже несколько раз обсуждали эту проблему. Витольд Вирпша был против разделения на классицизм и романтизм, считал его устаревшим, малозначимым, предполагал, что это синусоидальное движение Юлиан Кшижановский сам придумал, а в литературе — в конечном счете — дело обстоит

иначе. Ведь в сущности одно сплетается с другим. Помню, у нас с отцом как-то состоялся довольно серьезный разговор об «Оде к молодости» Мицкевича. Так вот, ода ведь классический жанр, а считается манифестом романтизма, это парадокс, свидетельствующий о том, что Мицкевич выше всех этих классицизмов и романтизмов. А, впрочем, как вместить в подобные формулы исключительную во всех отношениях Лозаннскую лирику? И как быть с «Паном Тадеушем», который от начала до конца — в определенном смысле — шутка? В этом смысле отец очень ловко меня сориентировал: перед тем, как мы в школе начали проходить «Пана Тадеуша», дал мне прочитать одну только девятую книгу.

— «Битву»...

— Да, «Битву». Я до сих пор помню наизусть целые фрагменты.

— Самая страшная книга «Пана Тадеуша»... И в наибольшей степени проникнутая черным юмором...

— Да-да. Кроме того — именно там ярче всего видно, в чем заключается шутка поэта. Как заканчивается «Битва»?
«Майора не нашли; бежал он с поля битвы / И на чужом дворе в траве шептал молитвы. / Узнав, что кончен бой, покинул двор соседний. // И тем окончился в Литве наезд последний»
(перевод С. Мар). Это обнажает конструкцию всего текста — именно как шутки.

— А начинается все с разорения курятника.

— Именно. Вирпша всегда умел читать и читал тексты именно таким образом. Я думаю, что он в значительной степени придал направление моему воображению, моему способу прочтения литературы, в том числе поэзии.

— Кажется, в предисловии к «Апельсинам на колючей проволоке» он признается, что «Фауста» впервые прочел в лагере для военнопленных...

— Он читал его, разумеется, в оригинале, польские переводы были и остаются, в сущности, ужасными — до Адама Поморского.

— Пашковский, Конопка, Зегадлович...

— Разве что за исключением хорошего младопольского перевода Эмиля Зегадловича. Мне, который «Фауста» знал поначалу лишь в переводах, было безумно сложно поверить в величие этого произведения. Наконец — едва начав понимать по-немецки, — я купил «Фауста» на немецком и обмер: оказывается, я совершенно не представлял себе, что это такое. Раньше я думал: ну, раз немцам это необходимо, пускай, но я — то тут причем? А отец умел постоянно сохранять это недоверие по отношению к тому, что единогласно считается каноном, аксиомой. Он был против схем мышления и сопротивлялся всему, что эти схемы порождало. Мне особенно запали в память его прекрасные «выраженьица» — еще тех лет, когда он

собирался писать «Перевранный трактат» и «подступал» к этому тексту: «пора сменить предрассудки» и «пора сменить поэтику». Без этого он начинал скучать, смена «поэтики», смена «предрассудков» его развлекала, это была порция адреналина. Впрочем, быть может, потому он так полюбил Фернандо Пессоа, умевшего создать четырех параллельных персонажей, четырех сосуществующих друг с другом и полемизирующих друг с другом фиктивных авторов. Помню восторг отца, когда он начал читать Пессоа. Он перевел поэму Пессоа «Морская ода», ее опубликовал берлинский «Архипелаг» в 1985 году.

— *Пессоа заставляет вспомнить о символизме и его влиянии на поэзию Вирпши. Ведь Вирпша очень подчеркивал свой символистский генезис, хотя для читателя эта аллюзия мгновенно — едва успевали отзнучать слова сей авторской декларации — становилась неочевидной, неясной...*

— Да, потому что он этими символами играл. Выворачивал наизнанку значения, смыслы. Отец играл словом. Его поэтическая игра заключалась в деконструировании, перелицовывании всего этого. Вирпша считал, что культура развивается только посредством оспаривания самой себя и посредством постоянного контроля над собой. Не существует готовой формы, человек — существо, находящееся в непрерывном становлении.

— *Вот как раз насчет постоянного становления: в сборнике «Игра смыслов» меня поразила полемика Вирпши с «Теневой полосой». Джозеф Конрад возникает также в «Письмах из лагеря для военнопленных» — поразительно часто! Это совершенно другое его прочтение, нежели то, к которому мы привыкли. Вирпша не хочет преодолевать Конрадовскую «теневую полосу», если все это ведет к пустой, бесплодной болтливости, как у капитана Жиля, ментора, главного героя рассказа. Что ж, Вирпша не хочет или не нуждается в такого рода пробе мужского характера. Он понимает величие Конрада, однако считает, что его конструкции представляют собой лишь специфическое психологическое испытание, а не переход в смысле пограничной нравственной ситуации.*

— Есть еще один элемент, который — как мне кажется — всегда был для отца очень важен, а именно — сохранение детского сознания, то есть то, что никак не монтируется с «Теневой полосой» Конрада. А ведь нельзя быть мужчиной и нельзя быть вполне человеком, отказываясь от детства, которое вымывают из нас культура и цивилизация. Это очень важный для отца момент.

— В «Фаэтоне» есть интересные рассуждения о теологии с точки зрения специфического «окна», каким является «череп безумного теолога». По сути, лишь из этого «окна» можно — в мире

человеческой мысли, человеческой абстракции — разглядеть бога. Поговорим о сакральном у Вирпши. Потому что мне кажется, для него это иронически упорядоченный паноптикум...

— Снова — и да, и нет. Ведь если взять более поздний текст...

— «Литургию»?

— ... да, «Литургию», то картина будет совершенно иной.

— «Фаэтон» — в отличие от «Литургии» — отец создавал на протяжении всей своей жизни?

— Да. «Фаэтон» создавался с 1938 года до 1968-го. Работу над ним Витольд Вирпша начал еще до лагеря военнопленных, продолжал писать и в лагере, и потом. Если же говорить о теологических проблемах в творчестве Вирпши, то думаю, что отец — это, пожалуй, не подлежит сомнению — оставался деистом. Если же рассуждать о том, можно ли его приписать к какой-то одной религиозной системе, то, наверное, нет, хотя поэма «Литургия» — очень христианская и очень «христовая»: появляющиеся там сонеты я бы не назвал католическими, но христианскими — безусловно.

— Простите, теперь вопрос лишь на первый взгляд не связанный с проблемой литературного *sacrum*. Виткаций повлиял на Вирпшу?

— Отец открыл Виткация в пятидесятые годы, даже написал эссе на тему «Водяной курочки» — это, кстати, вообще один из первых текстов о Виткевиче-сыне. Вирпша не был слишком им увлечен, просто вдруг обнаружил для себя явление, с которым ранее знаком не был, и оно его заинтриговало; конечно, позже он прочитал «Ненасытимость», «Прощание с осенью» — оба эти романа оказалось для отца значимы. Виткевич «развлекал» его прежде всего как человек, умевший идти против течения.

— Работая над «Новым учебником эффективного потребления наркотиков», Вирпша мог в какой-то степени опираться на «Наркотики» («Немытые души») Виткация?

— В какой-то степени — безусловно.

— Тогда я хотел бы спросить о тех традициях, которые питали творчество твоего отца и с которыми он — если можно так сказать — не расставался, я имею в виду и польских писателей, и европейских, и тех, у кого он «гостил подолгу», и тех, кого лишь «навещал».

— Я не думаю, что у отца мог быть какой-то незыблемый литературный канон, а вот если говорить о каноне музыкальном — да, здесь это безусловно имело место. Вирпша закончил консерваторию, начинал как пианист, потом это стало невозможно, пальцы отнял оflag, а еще раньше — работы в шталаге. Отец до конца жизни играл на рояле, очень хорошо и профессионально. Он был во всех отношениях — музыкально «ориентирован», музыка являлась для него центром, прежде всего, Бах, Моцарт — он собирался писать книгу о Моцарте, но не написал, не успел.

— Но успел — вместе с женой — перевести роман о Моцарте Валериана Торниуса...

— И успел перевести роман в этом смысле более важный — об Адриане Леверкюне, то есть, в сущности, о безумце, ставившем искусство превыше всего.

— Да, в уже упоминавшемся эссе о «Теневой полосе» он как раз и противопоставляет Леверкюна герою Конрада.

— Именно. Следует помнить, что «Доктора Фаустуса» отец с матерью переводили вдвоем, это был совместный труд Витольда Вирпши и Марии Курецкой. Так, во всяком случае, обстояло дело с переводом прозы. Поэзию отец всегда переводил в одиночку...

— Поговорим о драматургических опытах твоего отца. Например, «Тантал»...

— О, этого довольно много, множество текстов осталось в рукописях, в берлинской Академии искусств до сих пор лежит неопубликованная пьеса. Театр отца в самом деле увлекал чрезвычайно...

— Какой театр?

— «Другой». Безумный. Способный столкнуть на одной сцене не современные друг другу исторические фигуры и заставить их вступить в диалог... Это, впрочем, и в литературе периодически появляется, в разных формах. В одном из романов Виктора Ерофеева я недавно обнаружил подобного рода писательские беседы и вспомнил отца. Только представьте: встречаются вдруг Гоголь с Пушкиным... Именно это и пытался делать отец — сопоставлять несходные миры и противоположные способы мышления: о мире, о политике, об обществе. Театр был для него именно таким пространством, где можно увидеть рядом фигуры различных эпох. Я, правда, недостаточно хорошо знаком с отцовскими пьесами, но могу точно сказать, что работа для театра занимала в его жизни важное место. Мне трудно оценить, насколько удачным получился результат. Одну из отцовских пьес, насколько я помню, поставил варшавский «Театр вспулчесны».

— Витольд Вирпша жаловался на то, как воспринималось его творчество? Как он реагировал на отзывы читателей?

— Ни в коем случае не жаловался. У отца всегда были свои поклонники, даже в период молчания в Польше он переписывался со многими писателями, у него были страстные почитатели, как, например, Марианна Бочан или Збышек Хойновский, они писали отцу, вели с ним серьезный эпистолярный диалог, разговаривали о литературе. Отец никогда не был оторван от других людей. Его также хорошо принимали в Германии, в довольно узких кругах — скорее среди экспериментаторов, чем среди традиционалистов, тех, кто определился в своем литературном языке (если можно так

сказать). Он легко находил родственные души, например, в Германии таким человеком стал Оскар Пастиор. Отца привлекали — если попытаться выразить это одним словом — экспериментаторы, с ними он быстрее всего находил общий язык. При этом отцовские эссе из книги «Игра смыслов», а затем «Игра смыслов. Переработка» были восприняты достаточно хорошо, хотя и в узком кругу. Я думаю, что отец принимал тот факт, что занимает определенную «нишу». Безусловно он сознавал собственную ценность, но одновременно знал, что пишет не для всех, подобных иллюзий он не питал и массовым писателем не был. Мне кажется, что если говорить о романах отца, то здесь, да, он мог рассчитывать на более широкого адресата. Однако «Апельсины на колючей проволоке» сложны для среднестатистического читателя. Как и «Прогулы»...

— Что ж, кажется, именно в «Апельсинах на колючей проволоке», уже в предисловии, Вирпша признавался, что ему претит слово «эксперимент», что он его боится, хотя знает: именно оно станет ярлыком, который будет наклеен на этот текст...

— Ну разумеется... Взять хотя бы параллелизм диалогов, верно? Все, что есть в «Шумах, склейках, полосах» Мирона Бялошевского... Отец двигался примерно в этом направлении. Думаю, что в данном отношении Бялошевский и отец были родственными душами.

— Я бы хотел еще спросить об отношении твоего отца к двуязычию и многоязычию, и вообще о Вирпше как писателе, сталкивающемся с многообразием языковой реальности — не знаю, в самом ли себе — а это, как правило, порождает немаловажные для литератора проблемы с так называемым *homo duplex* — двойственностью идентичности, расколом как своего рода «цементным раствором наоборот» и т.д.

— Отец знал несколько языков, свободно читал на латыни, он получил основательное довоенное школьное образование, что, впрочем, видно по его письмам к матери из лагеря военнопленных. Когда я впервые их читал, то все время ловил себя на мысли, что это ведь пишет двадцатилетний «недоросток», и «недоросток» этот — как и все его поколение — вполне владеет традицией и чувствует себя в ней совершенно свободно, никакой осторожности или неосознанности... Мир молодого отца — это крупные писатели, например, Мопассан, аллюзиями к которому он пользуется с абсолютной свободой. Думаю, что большинство его литературных аллюзий сегодняшней молодежи просто недоступны.

— Каково было отношение Вирпши к национальным литературам? Ты назвал Мопассана, я вспомнил о Конrade... Интересовался ли отец ими и их соотечественниками в той же

мере, в какой интересовался немецкими писателями? Или же Вирпша ставил немецкую литературу выше английской или французской? Каково в этом контексте отношение отца к европейским национальным литературам как таковым, их стилям, манере, идиомам?

— Отец очень хорошо знал немецкую литературу, неплохо ориентировался во французской, с английской был знаком частично. Конечно, он читал произведения английских авторов, в том числе в переводах на те языки, которыми владел. Зато хорошо ориентировался в русской литературе... Сыграло ли это какую-то роль? Безусловно. Думаю, что для любого многоязычного писателя подпитка, получаемая от других языков, имеет первостепенное значение. Я в свое время думал о Мечиславе Яструне, спрашивал себя: что он переводил, что хотел переводить... То, что отвечало его природе — а переводил Яструн с самых разных языков... Думаю, примерно так же обстояло дело и с отцом. Он буквально набросился на этого Пессоа, поскольку чем-то он оказался отцу невероятно близок. Конечно, есть переводчики-ремесленники, выполняющие задание. И есть переводчики, которые переводят, потому что хотят «иметь» это в своем языке.

— *Con amore...*

— Да. Понятно, что потом переводчик старается опубликовать свой перевод, но не в этом дело. Главное — перевести и «иметь».

— А ты согласен со Збигневом Хойновским, который — насколько я его понял — утверждает, будто поэтическое воображение Вирпши формировалось уже в лагере, а то, что действительно демонстрируют во всей полноте художественных средств «Письма из лагеря военнопленных» — это именно рождение специфической модели мировосприятия, какого-то чувствительного регистра отцовской речи?

— Думаю, это воображение сформировалось еще раньше.

— *Он дебютировал в еженедельнике «Кузня молодых» («Кузница молодых») в 1935 году.*

— Да, и у отца была потребность в самовыражении посредством поэтического языка. Понятно, что это у каждого формируется очень постепенно, не бывает так, что сразу возникает идея конкретной поэтики, тем более, что Вирпша поэтику любил менять, оставаясь при этом самим собой. Но именно эта изменчивость, способность взглянуть на себя со стороны и таким образом выстроить себя заново, именно все это вместе было для отца крайне важно.

— Если попытаться упорядочить творчество отца (оно ведь насчитывает несколько десятилетий), то какие периоды, с твоей точки зрения, следует выделить, чтобы увидеть этот переход одного Вирпши в другого, его стилистическую эволюцию?

Пятидесятые годы? Или, может, шестидесятые?

— Думаю, сороковые — и связанное с ними явное увлечение Томасом Стернзом Элиотом — это отчетливо просматривается как в «Сонате», так и в «Верфи». Причем «Верфь» еще в значительной степени воспринималась как сборник соцреалистический. Собственно, я бы обозначил всю эту проблему немецким словом «Jain», то есть одновременно «Ja» и «Nein». «Верфь» — словно бы возвращение Вирпши в детство. Его отец был основателем и директором верфи «Наута» в Гдыне. Конструкции, описываемые отцом, в самом деле сродни футуризму: краны верфи вызывают ассоциации с поэтикой авангарда — и эта поэтика действительно воздействует на сознание читателя. Однако с другой стороны, все то, что в «Верфи» воплощается на уровне художественности, накладывалось на мышление, деформированное, может, не столько марксизмом, сколько навязчивой идеей социальной справедливости. Конечно, в коммунистической версии, от чего Вирпша освободился в 1953 году, то есть довольно рано. В 1954 году отец уже писал поэму «Себе и дьяволу», в которой «выкарабкивался» из прежних взглядов. Текст вошел в сборник неопубликованных стихов, подготовленный к печати Дариушем Павельцем — «Соната и другие стихотворения, написанные до 1956 года». У отца все это развивалось более-менее параллельно, как и у его друга Виктора Ворошильского. «Освобождение» Ворошильского началось после московского опыта — обучения в СССР. Мне кажется, у Ворошильского «выхождение из кокона» заняло больше времени. Ему оказалось труднее со всем этим расстаться.

— То есть перелом и переход к следующему периоду творчества у Вирпши — это 1956 год, как предлагает Павелец?

— Раньше. Как-то так сложилось, что, говоря об этом периоде, мы слишком большое значение придаем 1956 году, а все началось раньше, взять хотя бы повесть Марии Домбровской «На деревне свадьба» — это 1954 год. Так называемый перелом по-настоящему начинается со смертью Сталина, оттепель 1956 года все это лишь закрепляет.

— Хорошо, и каков этот Вирпша после 1954 года?

— Ищущий себя...

— «Дон Жуан» и «Малый вид человеческий» — в них отец частично себя находит?

— Нет, все еще ищет. «Дон Жуан» при этом необыкновенно музыкален, там ведь все построено на Моцарте. Впрочем, музыка в тот период оказалась для отца отличным спасательным кругом. Отец дружил, поддерживал близкие отношения с композиторами: с Витольдом Люtoslawским, с Казимежем Сероцким, с Витольдом Рудзиньским. Это безусловно были люди очень ему близкие.

— Можно ли вообще определить какой-то «пик», может, временной водораздел, позволяющий говорить о наступлении творческой зрелости Вирпши? Возможно, «Перевранный трактат» и 1965 год?

— Я бы скорее сказал, что окончательно отец себя так и не сформулировал. Его интересовали перемены и поиск — всякий раз — новых решений. Некий магистральный путь, объединяющий все периоды до 1968 года, воплощен, конечно, в «Фаэтоне», который, даже не будучи в какой-то конкретный момент у отца «в работе», все равно оставался «явным фоном». Он все время был где-то рядом и в те годы служил своеобразным стержнем. А после 1968 года думаю, что отец просто — как бы мало и много это ни значило — занимался литературной игрой. Его интересовало, как все это функционирует...

— Он «обстраивал» свою позицию?

— Да, его поражало и одновременно не давало покоя — то, что разум никогда не познает механизм собственного функционирования. То, что мозг не в состоянии постичь себя самое, именно это оказалось для отца проблемой необычайно интересной и явилось двигателем многих разговоров, сюжетом, к которому он постоянно возвращался. Как это происходит? Что из этого следует?

— Ну да, загадка солипсизма. Как это происходит? Почему входя «в себя», мы вынуждены сделать шаг назад — «к себе»...

— Да, но не только. Одновременно — почему, формулируя основы философии, строя какие-то системы, в момент их формулирования, «выстраивания», некоторые из нас обнаруживают в себе непреодолимую потребность отойти от них, точнее, их оспорить? Вирпшу интересовало оспаривание самого себя и это служило для него одним из главных «творческих двигателей».

— Отец оспаривал все убеждения, с которыми сталкивался, или все же сохранял некую элементарную и неоспоримую картезианскую основу?

— Каждый сам себе служит основой, но это вещи очевидные: личность сохраняет свою идентичность даже в тот момент, когда сама себя оспаривает. Об этом, впрочем, говорил Лешек Колаковский, который с отцом очень дружил: сила европейской культуры заключается именно в том, что она способна оспаривать самое себя. Оспаривать и интеллектуально преобразовывать. Подвергать реинтерпретации.

— Является ли «Фаэтон» поэмой, скажем так, слоистой, в которой можно увидеть периоды, десятилетия работы над текстом? Или все унифицировано?

— Все подчинено единому повествованию — исследованию античности. Это фундамент, к которому отсылает Вирпша, то

есть (в данном случае) обращение к мифу, с одной стороны, как к источнику вдохновения, с другой — как к чему-то весьма подозрительному. Ведь в миф нельзя войти безнаказанно: сделавший этот шаг неизбежно заплатит страшную цену.

— Трудный, но отчасти абсурдный вопрос... Если выбирать между «Фаэтоном» и «Литургией», то где мы найдем «полного» (и в каком смысле «полного»?) Вирпшу?

— Не думаю, что стоит разграничивать эти тексты. Разумеется, есть переход от «Фаэтона» к «Литургии», как есть и переход от «Фаэтона» к последующим сборникам отца, то есть тем, что были изданы посмертно.

— Хорошо, но давайте еще поговорим о сборнике «Кто ты, поляк?» Это книга, которая Вирпшу, с одной стороны, разрушает, с другой — выстраивает заново.

— (смех) Видишь ли, давай начнем с того, что Вирпше предложили написать книгу о Польше...

— В Берлине?

— Швейцарский изатель — речь шла о том, чтобы показать Польшу немцам. Это заставило отца взглянуть на историю страны с точки зрения того, кто, не являясь поляком, обладает широкой исторической перспективой. Вирпша «сложил» для себя Польшу заново, извлекая на поверхность сюжеты, которые были для него важны, но по каким-то причинам оказались преданы забвению, утеряны или вытеснены. Так что это была своего рода попытка ответить на вопрос, ответа на который, конечно, не существует: «Кто ты, поляк?» И из наших разговоров, и из моего собственного прочтения этой книги следовало одно: поляк (как и любой другой) должен постоянно определять себя заново: меняются условия, меняются обстоятельства, меняется, наконец, интерпретация истории.

— Это не был вопрос в духе Фауста?

— Безусловно нет...

— Его противоположность? Кто знает... Вряд ли нам удастся разгадать эту тайну. Позволь спросить тебя еще о «Прогулах». Эту книгу издал (спустя много лет после смерти своего отца) Миколовский институт... «Прогулы» отсылают к модели детективного романа. Как это происходит?

— О, тут такая совершенно безумная идея. Герой видит могилу, которая с одной стороны окружена тундрой, а с другой — тропической растительностью. Он начинает ломать голову: что же это такое? Повсюду кишмя кишат агенты спецслужб, разведки. По сути это роман о постоянной слежке, в сущности, о выслеживании самого себя. Текст, конечно, отсылает к современной отцу реальности ПНР, но это еще и литературная игра. Сейчас вышел последний роман Вирпши, не издававшийся при его жизни — «Сама невинность». Это, напротив, очень простая история, формально не

представляющая проблем для восприятия и не являющаяся литературной загадкой. Снова в центре мужчина: хороший товарищ, которого переводят с места на место, и повсюду он становится источником хаоса. Очередная обыденная история, вписывающаяся в обыденное повествование о ПНР.

— *На этот раз, прости, у меня вопрос довольно отвлеченный...*
Сознание Вирпши-переводчика: например, когда он вместе с женой переводит «Доктора Фаустуса» или «Смерть Вергилия». В состоянии ли мы каким-то образом рассказать об этом, воплотить в языке, описать? Я спрашиваю не только о том, как Вирпша работал над переводом, но также о некой формуле, выражющей суть этого процесса. Мы уже говорили, что он переводил скорее из любви. Что именно он стремился отразить в польском языке?

— Он переводил скорее из увлечения. Например, Брох: то, что у него имеет огромное значение — большие периоды, огромные слепки фраз, — по сути, вызов для польского языка. Именно так отец и относился к переводу: как к вызову для польского языка. В этом все и дело, и точнее всего это выразил Баранчак в названии своей книги: «Спасенное в переводе». «Спасти», то есть перенести из чужого языка в родной нечто совершенно для него новое. Перевод повествования об Адриане Леверкюне был для Вирпши переводом книги необычайно важной для понимания той культурной ловушки, которую можно назвать националистически-тоталитарной. Это имело для него огромное значение...

— *Когда он переводил «Доктора Фаустуса»?*

— В пятидесятые годы... Вместе с женой он переводил роман примерно пять лет, основная работа пришлась на период 1954–1957 годы. Тяжкий труд... В процессе перевода отец с матерью жутко ругались. Спорили, прежде всего, о смыслах непереводимых слов. Леверкюна Томас Манн, например, именует «der Tonsetzer», аналога в польском языке не существует. В конце концов мать с отцом решились на компромисс: назвали Леверкюна «композитором». Это момент не вполне переводимый. В немецком языке тут использован архаизм, а подобный уровень стилизации, как правило, «перескочить» не удается. Однако важно несмотря ни на что найти соответствие этой ситуации, этой истории в польском языке — так, чтобы рассказать ее польскому читателю, который немецкого не знает, но «Доктора Фаустуса» узнать должен. Это одно из произведений, которые польскому читателю необходимы. В этом есть элемент миссии.

— *Можно ли сказать, что как раз это и оказывалось для Вирпши борьбой с невозможным? Ведь он утверждал, что польскому литературному языку еще у самых его корней, стараниями Яна Кохановского, на определенной почве была привита сущностная*

деформация, изъян.

— Эту мысль мы находим в книге «Кто ты, поляк?» Там отец прямо говорит, что польский язык — язык номинальный, а не приближенный к реальности. Интересно, что в этом смысле Вирпша очень близок к тому, что о польском языке и слабости польской речи писал Милош. Указывал на это, другими словами, также Ежи Гедройц, утверждая, что русский язык исполнен некой совершенно подлинной, подлиннейшей «силы», а польский — рассыпается. О том же — и также посредством сравнения с русским языком — говорил Милош. Хенрик Береза в одном из эссе рассуждает об утраченном крестьянском языке. Вместо того, чтобы обратиться к нему, — заявляет он, — все пошло в шляхетство, испарилось вместе с латинским, тогда как следовало обратиться к основе и в ней укорениться... Сомнения, касающиеся «качества» польского языка, таким образом, не редки, и думаю, что номинализм, на который указывал отец, то есть укоренение его в латыни, прививка латыни, — важное наблюдение. Все это сочеталось с восхищением Кохановским, которого отец обожал, считал мастером и феноменом европейского и мирового масштаба, а прежде всего — художником, который в самых разнообразных формах и поэтических воплощениях создал язык из ничего. С другой стороны — кое-что он подвергал сомнению. Утверждал, что Уршуля не могла существовать на самом деле, потому что именно после смерти ребенка невозможно написать тексты, подобные тем, что создал Кохановский. «Трены» Вирпша считал абсолютным шедевром, о чем говорил открыто и многократно. При мне он даже объяснял немцам, какую великую вещь Кохановский создал и как нечеловечески трудно по-настоящему ее перевести.

— *Он называл каких-то хороших переводчиков «Тренов» или образцы, на которые следует ориентироваться?*

— Нет, он лишь полагал, предупреждал, что это непереводимо. Хотя если уж Тадеуш Бой-Желенский сумел перевести «Ветхий завет», как-то в конце концов все это удается.

— *Кроме Милоша, по отношению к которому Вирпша был настроен специфически полемически, исследователи называют также имя Збигнева Херберта. Здесь полемический настрой выражается в стихотворении «Смысл Фортинбраса».*

— Да, это полемика с «Плачем Фортинбраса»...

— *Можно поподробнее об этом противопоставлении?*

— Мне трудно сказать. Отец вообще считал Херberта поэтом — как бы это сказать — одной интонации. Поэтом, не дистанцирующимся от предмета, о котором пишет. Наконец поэтом, доверяющим символам. Ведь «Смысл Фортинбраса» это не что иное как выворачивание значения наизнанку, игра с тем укоренившимся символом, каким является

шекспировский Фортинbras. Херберт же идет за Шекспиром и верит ему. Так бы я ответил, хотя, пожалуй, это ответ интуитивный. Отец, так или иначе, многократно с Хербертом полемизировал, в одном из стихотворений даже обвинил его в незнании предмета, о котором рассуждает: мол, так на рояле не играют (в связи с каким-то лирическим героем).

— *А случались еще возвращения к Элиоту после сороковых годов, когда отец увлекся им впервые? Если да, то как это происходило? Возвращался ли он — и каким образом — к Элиоту, а также (будем это также иметь в виду) к мастерам прошлого?*

— С Элиотом отец не расставался никогда...

— *С каким именно Элиотом? Элиотом «Четырех квартетов»? Элиотом «Бесплодной земли»?*

— Прежде всего «Бесплодной земли», «Четырех квартетов» безусловно также... И еще эссе.

— *Эссе? О поэзии, о задачах литературной критики?*

— Да. Впрочем, отец читал массу эссеистики наравне с научно-популярной литературой. Его увлекало происходящее в космологии и в современной физике. И в тех случаях, когда он мог читать свободно, не расшифровывая математические формулы, уравнения (это представляло собой определенную преграду), старался через все это прорваться...

— *Давайте поговорим об этом, хотя бы немного. Теория пространства-времени, математика — каким материалом отец пользовался при конструировании, реконструировании собственных поэтических текстов?*

— Для него совершенно естественным был синтез математики и музыки...

— *Звучит вполне по-пиthagорейски...*

— Да. Однажды он вернулся с авторского вечера в каком-то студенческом клубе, именно клубе, где в основном бывали физики и математики. Их восприятие привело отца в восторг. Он утверждал, что нет на свете лучших читателей поэзии, потому что они — если уж заинтересуются — моментально улавливают структуру, улавливают суть. Отец был всем этим очень увлечен. Я же изучал логику, и он безумно мне завидовал — что я могу читать логические выражения. Вирпшу интересовала Вселенная как таковая, целиком, как пространство, которое является частью нас и частью которого мы являемся — вся эта неразрывная связь. Я имею в виду не отдельные проблемы, как хотя бы экология, а скорее очевидную связь наших движений — вплоть до движения кончика мизинца — с тем, что происходит в космосе.

— *И, вероятно, он предпочитал Платону ионических философов природы? Возможно, Демокрита? Нет?*

— Фалеса Мiletского. Он его очень ценил. Помню, когда я на первом курсе писал курсовую работу, отец дал мне почитать

фрагменты пресократиков. Правда, на английском языке, но он помог мне перевести на польский. Отец восхищался начальным этапом европейской философии.

— *Поговорим о щецинском периоде в жизни Вирпши...*

— В Щецин отец попал отнюдь не случайно. Хотя война закончилась, демобилизован он не был. В Варшаве, где мы оказались в начале 1947 года, началась какая-то акция, направленная против подобных ему. Предупрежденный друзьями, он бежал по их совету на Западные земли, где было гораздо безопаснее. Именно на эти годы приходится период активности Леонарда Борковича, щецинского воеводы, формировавшего польский характер послевоенного Щецина. В рамках этой стратегии он пригласил в город Ежи Анджеевского, Виктора Ворошильского, Константы Ильдефонса Галчинского, Эдмунда Османьчика. Под Щецином (сегодня это часть города, район Глубокое) возник особый район, где рядом жили Анджеевский и мой отец, а напротив — Ворошильский и Османьчик. Такой замкнутый мирок. Чтобы это понять, нужно знать, что представляла собой их жизнь. От города далеко, автобус в Щецин ходит два раза в день. Они жили в замкнутом мире, по радио всего одна программа польского радио.

Естественно, ни телевизора, ни кинотеатра: чтобы что-то посмотреть, родители отправлялись в Щецин — в кино или в театр (я был еще слишком мал). В этом герметичном мире Ворошильский играл роль новообращенного, страстно верующего марксиста — ходил и «заражал» всех вокруг. Анджеевский в это время писал свою знаменитую книгу «Партия и творчество писателя». Вот такие настроения там царили, этим они жили, в этом варились. Плюс специфическое чувство безопасности: покой, тишина...

— *Ворошильский, Анджеевский, отец — могли они чувствовать себя архитекторами, конструкторами новой реальности? Они ведь приехали ради того, чтобы строить мир, подчиненный идею...*

— Да нет, почему же. Они просто жили, у них были вполне человеческие, вовсе не идеологические проблемы — бытовые, к примеру.

— *Обычная прозаическая жизнь.*

— Да, потому что, с одной стороны, они жили в бывших немецких домах, то есть, вроде, богато, но жизнью отнюдь не богатой, потому что — с другой стороны — чтобы топить печи, требовалось раздобыть уголь. Так что случались истории совершенно абсурдные. Это как раз был период, когда отец немного отстранился от окружающего мира. К тому же он очень много читал. Вилла, в которой его поселили, принадлежала раньше какому-то высокопоставленному немецкому чиновнику, державшему в своей библиотеке множество запрещенных книг, например, четыре тома Гейне

или сорок с лишним томов Гёте. Отец с головой погрузился в эту немецкую библиотеку и одновременно варился в общем соусе с Анджеевским и Ворошильским. Однажды к ним, а точнее к Анджеевскому, приехал Милош. Потом он восхищался живописно расположенным домом с видом на озеро. Чушь, не было там никакого вида на озеро, поскольку от дома его отделял лес. Что там ни говори, а Милош многое «допевал». Собственно, единственной разумной особой оказалась жена Ивашкевича. Приехав, она ужасно сокрушилась по поводу участия Марыси Анджеевской и ее страданий — той приходилось таскать для мужчин сумки с продуктами из самого центра Щецина. Анна Ивашкевич уверяла, что импровизировала Анджеевская феноменально! Ну, мужчины в то время были действительно совершенно оторваны от мира. То есть это был не просто замкнутый мирок... Место, в котором оказался отец, представляло собой своего рода капсулу, в которой люди жили, функционировали, проводили время — с конца сороковых годов до 1955-го. При этом отец включился в культурную жизнь города, занимал определенный пост....

— *В 1955 году он получил литературную премию города Щецина...*

— Да, потому что власти города очень хотели Щецин полонизировать. Они приглашали художественную интеллигенцию, но Щецин оставался совершенно отрезан от остальной части страны. Поехал в Щецин, но по дороге вышел в Познани (смех) — так тогда говорили. Что и говорить, чудовищные расстояния. Про Щецин еще говорили, что это город, который с Запада защищен советскими клинками, а с востока — мостами: единственный город по эту сторону Одры. На самом деле какую-то культурную жизнь там наладили, взять хотя бы «13 муз», они до сих пор существуют, название для заведения в свое время придумал Галчиньский. Художники и писатели жили в относительно замкнутом мире; время от времени они, правда, бывали в Варшаве — например, приходилось ездить в издательство, но те поездки были совсем непохожи на нынешние, дорога иной раз занимала более десяти часов. В жизни отца щецинский период оказался безусловно значимым, но он не до конца его использовал, потому что Вирпша — человек агоры. А там у него агоры не было. Какая там агора — четверо мужиков, которые варятся в собственном соку...

— *Спорят...*

— Да, это удивительный опыт. Разумеется, помимо них в Щецине существовала определенная литературная среда. Можно вспомнить хотя бы совершенно забытую сегодня писательницу Катажину Суходольскую или репортера Яна Папугу. Это был мир очень интересный, просто провинциальный — далекий от центра. Провинциальность

висела в воздухе и человек постепенно в нее погружался. Так что когда отцу предложили работу в Варшаве, он моментально согласился, и в 1956 году мы вернулись в столицу.

— *Есть еще что-нибудь, о чем стоит сказать?*

— Пожалуй, еще один момент — раз мы уж мы заговорили о щецинском периоде. То, что Анджеевский, Ворошильский, отец жили в этой провинции, оказалось необычайно «удобно» для их друзей. В их виллы, где было множество свободных комнат, приезжала Шимборская, приезжал Ружевич и многие другие — порой на несколько недель. Так что отец все же не был полностью отрезан от мира. Как и его товарищи по цеху. Навещавшие их друзья-художники воспринимали эти виллы как своего рода дом творчества. Приезжали в расчете на полный пансион, теплый прием и умиротворяющую природу — прежде всего царившие там покой и тишину. Это тоже важная часть жизни. Пожалуй, это все. Разве что еще одно — до нас с запозданием доходила информация, всякого рода важные новости из Варшавы или Кракова.

— *Если позволишь, я бы хотел еще спросить о поэтических последователях Вирпши. Ты говорил о поколении семидесятых, упомянул Бараньчака и «Новую волну». Но это также в значительной степени и современные поэты — они сегодня тоже читают Вирпшу по-новому. Я бы хотел заглянуть, так сказать, в зеркало и в глаза твоего отца: если бы он мог оценить тенденцию восприятия своих стихов и оценить эволюцию рецепции своего творчества... Можно ли сказать, что молодые авторы следуют за ним?*

— Вопрос, в самом ли деле они за ним следуют или, скорее, его читают. Я бы сказал так: отец, вероятно, оказался огромным источником вдохновения для многих, для таких фигур, как Мацей Мелецкий или Кшиштоф Сивчик... для неолингвистов, наконец. Однако не думаю, что он в принципе мог служить образцом для подражания, точно так же, как образцами для подражания не могли являться ни Карпович, ни Бялошевский — поэтические феномены, которые да, завораживают, но далеко не всех, потому что это особая ниша, точно так же, как — по-своему — творчество Анджея Сосновского или Яцека Гуторова; что касается этой пары, здесь также можно говорить о специфическом восприятии Вирпши. Гуторов, Сосновский, многие другие... Вирпша их вдохновляет, хотя, я в этом убежден, они не могут быть названы его учениками.

— *Если можно, я бы хотел уточнить... Это поэтика, не порождающая ни тем, ни мотивов, из которой ничего нельзя легко взять, перенять, позаимствовать — как перифраз, аллюзию или реминисценцию? Что касается восприятия Норвида, Баранчак создал свой знаменитый термин — «присутствие отсутствующего» — и всегда говорил, что в тех случаях, когда*

аллюзии носят наиболее неопределенный характер – именно там из Норвида потомки черпают на самом глубинном уровне, а буквальные аллюзии рано или поздно обнаруживают свою поверхность...

— О, это как раз то, что о чём Баранчак говорит в четырех эссе, которые сам определяет как повествование о «школе без учеников». Да, это «школа без учеников», но все же «школа». Её «непрозрачность» порождают отношение к языку, недоверие, оспаривание сложившихся схем, деконструкция клише. И да, все это может служить источником вдохновения, хотя необязательно влечет за собой подражание.

— Возможно, стоило бы обратиться к корням, исследовать все это. Попытаться разработать методику анализа такого рода влияний у современных поэтов, восхищающихся Вирпшей. У тебя есть какие-нибудь подсказки? Какая-нибудь идея — как читать отца между строк поэтических текстов? Ты ведь недавно говорил о ценности для интерпретаторов самой концепции бессубъектной речи, речи, лишенной субъектной веры, речи, за которой, короче говоря, невозможно просто «последовать»? А может, это увлечение постсовременностью, возможно, скрытое? Тогда вопрос несколько безумный: а не мог бы отец оказаться неким тайным патроном постсовременности?

— Нет, не думаю. Отец был против каких бы то ни было «-измов». Ему бы это точно не понравилось. Разумеется, при желании к общему знаменателю можно привести все что угодно. Мы говорим: постсовременность... в определенной степени постсовременным может быть даже Богумил Анджеевский, поэт совершенно забытый, но для меня необычайно значимый. Так вот, ключом тут является отношение к субъекту. Это не бессубъектная лирика, как ты сказал, и «субъектность» не стоит здесь сбрасывать со счетов. Субъект Вирпши — это субъект, который постоянно себя оспаривает, постоянно спрашивает, кто он такой, задумывается над ответами. И этот постоянный детский вопрос: «а почему, а почему, а почему?» — сводящий родителей с ума. Я убежден, что это один из важнейших ключей к прочтению отцовской поэзии.

— Есть еще один удобный интерпретационный ярлык, который можно было бы наклеить на поэзию Вирпши, хотя я с таким прочтением его текстов не встречался: антилитература и проект антилитературы.

— Что ж, литературность отца безусловно увлекала — хотя прежде всего в том смысле, в каком его интересовала автономия музыкального произведения. А вот литература, поглощенная самой собой, интереса не вызывала. В этом я убежден... Отец постоянно искал «выходов» на стыке с философией, с языком науки, то есть искал «выходов» вовне,

не внутрь, скорее в универсалиях, нежели в деталях. Однако такого рода детали невольно проникали в его тексты, становились точками отсчета. Есть такое стихотворение, из поздних, на первый взгляд, чисто биографическое и одновременно необычайно забавное. Конец войны, сразу после взятия Берлина. Рядом с Вирпшой взрывается граната, он остается цел. И шутливо задумывается: а что бы было... И вдруг: как у Бялошевского — «присел и уцелел». Именно такой тип мировосприятия здесь доминирует — не мартирологический, не символический, а — словно бы — экзистенциальная ситуация, подчиненная случаю. Категория случайности — в этом смысле — имела для отца огромное значение. Это очень характерно, тут они удивительно сошлись со Станиславом Лемом...

— *О да. У Лема обратной стороной этой позиции является тихизм, проблема фатума. Именно так случай у Лема вписывался в колесо фортуны слепой предопределенности. Как отец относился к этой стороне философии случая?*

— Думаю, что отец восхищался бы «Философией случая» Михаила Геллера. Название такое же, как у Лема, хотя книга совершенно другая. Дело не только в проблеме Бога... Я также помню увлечение отца Лешеком Колаковским, особенно идеями того периода, когда тот отходил от доктрины марксизма. Колаковский тогда задавал иронический вопрос: а как вообще возможна теория истории... Ведь история — это цепь случайностей... Вирпше это безумно понравилось, потому что (прежде всего) не предполагало никакой готовой схемы. Вот в этом суть: вырваться из схемы, вырваться из колеи, уйти с торной дороги... И в этом смысле — литература, которой отец занимался, была для него антилитературной.

— *Да, это не могло не быть ему близко, поскольку тема истории (и даже философии истории) появляется уже в «Сонате». Мне в первый момент показалось, что это какой-то вариант иронической модернистской историософии, но я очень долго думал, подходит ли здесь слово «историософия».*

— «Историософия» предполагает — как следует из самого термина — готовую форму, а следовательно, «готовую» философию истории. А здесь ведь нет рецепта, есть одна неповторимая жизнь, которая воплощается так, а не иначе, оставляет после себя такой, а не иной след. Мне кажется, эта позиция была отцу ближе...

— *То есть его литература — это проект мышления?*

— Да, безусловно. Отец огромное значение придавал чтению философских трудов.

— *Кого именно? Людвиг Витгенштейн появляется на страницах «Перевранного трактата»...*

— О да, Витгенштейн в каждом значении этого слова.

— Ранний Витгенштейн, насколько я понимаю? То есть автор «Логико-философского трактата»?

— Да.

— А каково отношение отца к позднему Витгенштейну?

— По-моему, он его не знал... Зато был, безусловно, увлечен Кантом, сохраняя при этом по отношению к нему определенную дистанцию.

— Этика Канта или «Критика чистого разума»?

— «Критика чистого разума» прежде всего, но не только — также «Критика практического разума», в которой отец нашел для себя определение искусства: как свободной и бесцельной игры наших духовных сил, впрочем, отец говорил об этом в одном из своих эссе, кажется, в сборнике «Игра смыслов. Переработка». Свободная и бесцельная игра наших духовных сил... Его вообще увлекало слово «игра» и, кстати, поэтому они вместе с женой перевели с немецкого на польский «Homo ludens: человек играющий» Йохана Хёйзинги. Отца Хёйзинга буквально заворожил.

— А если говорить о современных отцу отечественных философских явлениях — например, львовско-варшавской школе, Тадеуше Кроньском, польской школе истории идеи...

— Львовско-варшавская школа, да, плюс — безусловно — польская логическая школа. А также Леон Хвистек, Станислав Игнаций Виткевич, которые тоже в определенном смысле являются частью этого процесса... Отец, впрочем, в свое время дал мне почитать «Понятия и утверждения, имплицированные понятием Бытие» Виткация. Вещь, оставленная исследователями Виткевича совершенно без внимания, а ведь она показывает конкретную личность в процессе создания системы. Отец уже не питал иллюзий. Он считал, что системы не существует, но существует — это важно — непостижимый порядок. Приближение к нему посредством оспоривания искусственных, вымыщленных порядков представлялось ему путем к свободе. Да, именно путем к свободе.

— А раз мы говорим о стыке литературы и философии, рассуждаем о Виткации и Хвистеке, я хотел бы спросить, каково было отношение отца к Бруно Шульцу, не только как автору «Санатория под клепсидрой». Шульц ведь написал и «Мифизацию реальности».

— Отец его обожал... Обожал Шульца не только за язык, но и за нечто более трудноуловимое. Как-то он бросил в разговоре: «Знаешь, Кафка прекрасен, конструкции великолепные, но Шульц — это Кафка погруженный в стихию». В этом действительно что-то есть — мне кажется. Действительно, Шульц — это нечто большее...

— Кафка в плазме?

- Да...
- Я сознательно задаю вопрос о том, как отец воспринимал современные ему философские тенденции. Меня интересуют также его эмоциональные реакции — на релятивизм, экзистенциализм.
- Видишь ли, его не привлекал конструкционизм, он не питал никаких особых чувств к персонализму. Если что-то могло отца увлечь, то структурализм...
- Он читал Якобсона?
- Безусловно.
- И никогда, пускай и не зло, не посмеивался над структуралистами? А после 1966 года? В семидесятые?
- Не думаю, нет... Он прекрасно понимал, что структурализм — это не конец пути, что эволюция будет продолжаться.
- Впрочем, его отношение к философии было таково, что он не разделял, не стремился разделять философские системы. Может, отсюда увлечение Готфридом Вильгельмом Лейбницием и его монадологической системой, по словам отца, совершенной.
- Барухом Спинозой...
- Да, дело в том, что для него все это являлось постоянно эволюционирующим процессом. Философские системы не создавались в отрыве друг от друга и не позиционировали себя по отношению друг к другу. Они скорее образовывали цепочки, именно это отца и интересовало: что будет дальше? В собственном поэтическом мышлении он шел именно в этом направлении — что со всем этим будет дальше?
- Снова подчеркну — я сознательно задал вопрос об этике Канта, и хотел бы спросить, как отец относился к философской этике?
- До сих пор мы дискутировали об эстетике и онтологии...
- Это было ему очень близко, очень. Для отца вопрос этических ценностей был вопросом фундаментальным. Если где-то он его коснулся завершенно, определенно, мощно, то в «Литургии». То, что было для него в христианстве совершенно фундаментально, это Нагорная проповедь.
- Восемь благословений.
- Да...
- А как он относился к трудам Генриха Эльзенберга и этической школе в его философии?
- Эльзенберга — мне кажется — он по-настоящему не знал и не узнал. Это, кстати, путь, которым пошел Збигнев Херберт..
- А Владислав Татаркевич?
- Татаркевича отец ценил, однако прежде всего видел в нем систематика и философа, систематизирующего знания. Заставил меня его прочитать. Впрочем, у отца были к нему претензии, еще какие. Например, он утверждал, что Татаркевич захватил польский издательский рынок, в

результате чего мы лишились целого ряда интересных учебников по истории философии, которые прекрасно выходят в других местах.

— А Тадеуш Котарбиньский? Автор «Трактата о хорошей работе»?

— Котарбиньского он ценил действительно высоко — за трезвость и реализм.

— Пожалуй, нам удалось наметить всю панораму целиком. Хотя бы на мгновение, с какой-то точки зрения. Большое спасибо.

Лешек Шаруга (Александр Вирпша, р. 1946) — поэт, один из представителей «Новой волны», прозаик, эссеист, переводчик. Редактор еженедельника «Пшеглёнд политычны», журнала «Новая Польша», заместитель главного редактора ежеквартального культурно-литературного журнала «элeВатор». Живет в Варшаве. Лауреат премии Костельских (1986) и литературной премии парижской «Культуры» (1999). Последние издания: «Вызов (о поэзии с примечаниями и без)» (2004), «Ставка — идентичность» (2013), «Палимпсест Междуморья» (2013), «Выход из утопии» (2016); поэтические сборники «Речения» (2004), «Жизненный выбор» (2006), «Горсть прикладных стихотворений» (2007), «Лого Рея» (2015), «Квантовая флюктуация» (2015), «Экстрактум» (2017); сборник афоризмов «Каннибалы любят людей» (2012) и романы: «Фотография» (2008), «Путешествие моей жизни» (2010), «...сговор прослушивается» (2014), «Элементарные данные» (2014).

e]eWator

Витольд Вирпша

Стены

1.

Они не могут иначе. Им нужно возводить
Стены. Перестать они не в силах. Они должны
Отгораживаться и *intra muros*^[1]
Пересчитывать своих до последней ягодицы,
До последней селезенки, до последней аорты, до
Последнего изыхания.

Extra muros^[2]

Никто не в счет; никого не пересчитывают.
Эти останутся зачисленными в бесчисленные.
А те иначе не могут. Они возвели стену.

2.

Варвары — *extra muros*, однако
По этой азиатской стене можно ездить
Хоть верхом, хоть в карете, а цивилизованный
Человек властен приказать, чтоб его носили
В лектике, другим цивилизованным
Людям, которые хуже его. Орды
Варваров для цивилизованных
Не существуют; стена мощная,
Ворот нет. *Intra muros* — те, кого
Носят в лектиках, и те, кто их носит.
Extra muros — те, кто лектик не
Знает и не знает идеограмм:
У них нет расслоения — ни лектического,
Ни лексического.

Они другие. Но
Цивилизации-то какое до этого дело.

3.

Extra muros молчат, и наоборот — *intra*
Muros тоже молчат: молчание взаимно.
Не важно, болтают ли по эту
И по ту сторону; молчат ли
По эту, а болтают по ту;
Или напротив; или вообще
Помалкивают. В этой картине нет
Intra, стена не замкнута,
Тут все — *extra*, даже когда перескакивают
С одной стороны на другую, поодиночке и
Массово, с пафосом неофитов.
Молчание всегда направлено на ту

Сторону. Это стена молчания, разделяющая
(А то и не разделяющая) гомон, гвалт и крик.

4.

Тех, кто внутри, и тех, кто снаружи,
Разделяют обычаи, история, смерть
И спасение; для тех, кто внутри,
Нет избавенья; зато спасение — есть.
Достойный народ, было сказано о
Евреях в поэзии, а потом внутри
Полыхнуло достоинство смерти; здесь не
Было прыжков на другую
Сторону и лукавства неофитов,
Ни в Варшаве, ни в Риге. Лети себе,
Улетай — в столпе огня, дыма и сажи:
Возведена стена — европейская, не азиатская.

5.

От того, что внутри этого города, защищаются
Снаружи строители стены.
Здесь стреляют в солдат, в супружеские
Пары, в детей, которые хотят проникнуть
Внутрь. То есть то, что снаружи,
Защищают, не допуская
Внутрь.

Речь идет о берлинской стене.

Ее функция противоположна
Стенам гетто, о которых только что
Скромно упоминалось; противоположна,
Хотя смерть остается смертью,
А стремление убить остается
Стремлением убить, и баста.

6.

Люди перед иерусалимской Стеной Плача
Со времен разрушения храма —
Всегда *extra muros*, так, словно той
Стороны жизни и той стороны смерти
Не было.

Однако обе стороны есть,
Только вот *intra muros* не найти ни одной.

7.

Там ты всегда был, есть и будешь
Intra muros; intra muros внутри
И снаружи стены. Тут тесная связь,
Если они есть, если вообще еще есть семейные
Стены. В самый жестокий мороз они овеяны
Теплом памяти, жаром забвения,
И от этого рассыпаются; а ведь они защитные,
Должны быть защитными. Но пребывание

Intra muros может кончиться
Саморазрушением вместе со стенами.

8.

Разрушенная стена непреодолима;
Через это препятствие не
Перепрыгнуть. Столько пыли веков и
Тысячелетий, и всю эту пыль надо
Вдыхать, следует ею питаться;
Адский переход в рай, бытие которого
Недоказуемо.

Так возникает стена
Сговора, живительные связи фальши
В основе основ; в сюжете целого.

9.

Стены другого заговора
Тоже непрочны. Они не
Застыли на страже. Их сдвигают
Импульсы кинетической энергии,
Скрытые в них самих и вне их:
Intra et extra muros, et in
Muros^[3], и никак невозможно различить
То, что внутри и снаружи, в центре
И посредине. Стены становятся
Агрессивны и враждебны
Самим себе, вот и всё.

10.

И восстают стены Трои на китайскую
Стену, а китайская стена на
Троянскую стену, в том же порыве;
Они сталкиваются фронтально, всей
Тяжестью переполняющей их истории.
Поначалу это звучит вдохновенно, но после
Вербального грохота от взаимных разящих ударов
Кирпичами наступает тишина, столь же вербальная, и
Стена становится единой и проваливается в люк.

11.

Агрессивность стен гетто
Неизмерима, ибо их много и
Они окружают не только евреев.

Происходит
Их фланговая атака на берлинскую
Стену; выглядит это так, будто
Два сцепленных зубчатых колеса врашаются,
Как в башенных часах, не передавая
Энергию и агрессивность дальше.
И становится понятно: это невнятное время.

12.

На стены гетто идут в атаку и стены
Молчания. Постепенно сдвигаясь,
Срастаются с ними воедино.
Это что-то вроде любовного объятья:
Все в одно и то же время –
Extra u intra muros.

13.

Иногда стены молчания
Превращаются в стены говора.
В сущности, не стены так
Поступают, а те, кто их строит. Они
Кладут кирпич на кирпич, попеременно: то
Кирпич говора, то кирпич молчания,
И тогда вырастает единая стена,
Крепче всякой другой,
Несокрушимая, намертво сцепленная
Липким раствором духовной гнили.

14.

Такая стена становится тараном.
Смонтированная в треугольник
Сомнений, отчаяния и гордыни,
Она разбивает дружественные семейные стены,
Пока от них не останется только
Прах, который приходится вдыхать. Крепнут,
Угрожающе перемещаясь,
Разделительные барьеры, стены презрения.
Люди не могут иначе. Они могут только
Возноситься и возвышаться:
Я — extra, ты — intra.
И *vice versa*^[4].

Берлин 1978

Перевод Андрея Базилевского

-
1. в стенах, за стенами (лат.)
  2. вне стен (лат.)
  3. в стенах, вне стен и на стенах (лат.)
  4. наоборот (лат.)

Андрей Пачковский

Якуб Карпиньский: аскетическая история

Якуб Карпиньский перед судом. Фото: РАР

Пятнадцать лет назад в полном расцвете творческих сил умер Якуб Карпиньский (1940–2003) — один из самых значительных представителей «поколения ‘56», то есть того поколения, которое в середине 50-х годов XX века переживало «юность неповторную, вздорную» и вступало в «век возмужания». Однако для довольно внушительной части указанного поколения это время вопреки магии воздействия Адама Мицкевича не было «веком страдания»^[1] или катастрофического поражения, так что — хотя оно продолжалось безжалостно и безнадежно долго, ибо вплоть до 1989 г. — в конечном счете этот период оказался веком победы. Думаю, что именно так было и в случае Карпинского, который на протяжении всех названных и последующих лет прилагал

невероятно много усилий, дабы коммунистическая система исчезла. Что в итоге и произошло, хотя, быть может, завоеванная в борьбе Третья Речь Посполитая оказалась не такой, какую ему хотелось бы видеть.

Якуб Карпиньский был социологом (в 1958–1962 гг. он учился в Варшавском университете), а точнее — социологом науки с некоторой склонностью к философии. Академическую школу он получил фантастическую — с такими педагогами, как Котарбиньский, Айдукеевич, Мария и Станислав Оссовские. Благодаря работе под их началом вся учеба в университете была им не только «передумана», но еще и пережита эмоционально. Поэтому нет ничего странного в том, что, когда его вышвырнули из упомянутого учебного заведения (1969), где Карпиньский с 1964 г. работал ассистентом на философском факультете, он не утратил тех интересов, истоки которых восходили еще к его участию в магистерском семинаре; а вот к академическим занятиям и дидактической деятельности он вернулся лишь по истечении без малого трех десятков лет. В ту пору он редко, но довольно систематически публиковал работы из «приписанной» ему сферы, которые рецензенты едва ли не единодушно считали новаторскими. Но место Карпиньского в пантеоне выдающихся поляков второй половины XX века стало, пожалуй, прежде всего результатом его гражданской ангажированности. Заметной ее частью были многочисленные публикации по новейшей истории, которые отличались от стандартных монографий, рассказывавших о том, «как всё было», — толстенных фолиантов, украшенных сотнями ссылок и примечаний.

«Одну из исходных предпосылок, которые я принял для себя, когда писал о послевоенной истории Польши, можно вкратце выразить следующим образом: истории предшествует социология. Можно спорить, всегда ли дело обстоит именно так, однако я думаю, что при написании послевоенной истории Польши наверняка имело смысл хорошо знать господствующий государственный строй, иными словами, тот принципиальный способ, каким организовано наше общество. В послевоенной Польше зависимость от свойств государственного устройства была намного сильнее, нежели в других ситуациях и в другие периоды». Этими предложениями открывалась лекция Якуба Карпиньского «Черный ящик. О послевоенной истории Польши», с которой он в мае 1990 г. выступил в Институте истории Польской академии наук. Указанные три фразы выражали кредо автора, которое он старался воплощать в жизнь в своей научной деятельности. Как методологические рассуждения и умозаключения Карпиньского, так и его многочисленные научные труды доказательно и

неопровергимо свидетельствуют о том, что исповедуемая им — по его собственному определению — «аскетическая история», то есть описание действий институтов власти на основании наблюдений извне, опираясь главным образом на то, о чем сами указанные институты сообщают обществу, быть может, и является аскетической по форме, но дает полноценную картину системы. Карпиньский произносил эти слова незадолго до того времени, когда на волне эмоций, возбуждаемых опубликованием и разоблачением очередных сенсаций из секретных до недавнего времени архивов, широко распространялось убежденность в необходимости «написать историю заново». Даже некоторые профессиональные историки сочли, что подобные материалы понуждают к принципиальной ревизии всех основополагающих фактов. Безусловно, такого рода публикации позволяют прояснить многие события, действия и формы поведения, они существенны для изучения судеб и поступков отдельных лиц (разного покроя и калибра), а также деятельности более или менее формализованных небольших групп, но вместе с тем они, как правило, не дают оснований для обобщений и для описания более широкомасштабных и массовых явлений.

Пользуясь подобными публикациями, можно легко угодить в западню, хотя специалисты, занимающиеся изучением материалов разнообразных институтов авторитарной или тоталитарной власти, чаще всего понимают, что довольно часто такие документы больше говорят об их изготовителе (либо, возможно, о его руководителях или распорядителях), нежели о самом предмете, которого они касаются. Разумеется, подобными документами нельзя пренебрегать, но знания, которые мы из них черпаем, недостаточны для того, чтобы действительно написать новейшую историю « заново». Когда по стране катилась волна требований о «ревизии» отечественных исследований прошлого, Карпиньский — решительный сторонник глубокой декоммунизации и люстрации — не поменял своих взглядов на то, как следует описывать историю коммунистической Польши. В его трактовке это была «история без секретных папок».

История может быть аскетической, но самое важное — чтобы она изучалась и описывалась добросовестно, тщательно. Это прекрасно видно в работах Карпиньского, которые служат доказательством не только его искусства наблюдателя либо мастерства при расшифровке значений тех или иных слов и жестов, но также его большого, неутомимого упорства и исследовательской страсти, часто становящихся причиной того, что автор никогда не воспринимает свою работу как окончательно завершенную. Одной из первых книг, которые появились сразу же после возникновения у нас в середине

семидесятых годов так называемого «второго книгооборота» (иначе говоря, неподцензурных публикаций), было «Происхождение системы» — глава из монографии «Новый общественный строй и эволюция», опубликованной в 1975 г. эмигрантским издательством Ежи Гедройца. Она стала первым «подходом» Марка Тарневского — потому что именно так Карпиньский подписывал в то время значительную часть своих текстов — к представлению синтетической картины коммунистической системы в Польше. Спустя десять лет из печати вышло ее дополненное и исправленное издание — причем снова в эмиграции, но на сей раз в лондонском издательстве «Анекс» — под названием «Коммунистический строй в Польше». А по истечении очередных двадцати лет, уже после смерти автора, вышло подготовленное еще им самим и серьезно дополненное очередное издание, иначе говоря, уже третья — и, к сожалению, последняя — версия произведения, зарождавшегося еще в те времена, когда коммунизм находился в фазе «динамичного развития», а правителей, которые ссылались на Маркса, Энгельса и Ленина, можно было найти на всех континентах (за исключением Австралии и Антарктиды). Со времени вступления в «век возмужания» Якуб Карпиньский был одним из наиболее активных в интеллектуальном смысле противников коммунистической системы: в марте 1968 г. он входил в число соавторов самой важной программной декларации студенческого движения, с 1969 г. писал в парижскую «Культуру», отсидел «свое» за решеткой (в общей сложности — два с половиной года), в 1975 г. принимал участие в редактировании «Письма 59-ти», наиболее известного протesta против изменений в конституцию Польской Народной Республики (ПНР), которое представляло собой один из краеугольных камней организованной демократической оппозиции, а когда таковая возникла, — принадлежал к влиятельной группе, сложившейся вокруг журнала «Голос», которую считали — выражаясь сегодняшним языком — праворадикальной фракцией Комитета защиты рабочих (КОР). В 1978-м г. Карпиньский выехал в Англию — для лечения, а также для научной работы: он преподавал в нескольких пользующихся хорошей репутацией университетах Соединенных Штатов и Франции, а когда введение военного положения «отрезало» его от родной страны, стал одним из наиболее ценимых и плодовитых публицистов «солидарностной» эмиграции. А еще великолепным писателем, и этому Карпиньский был обязан, в частности, своему аскетизму, о котором сам говорил в цитированной выше лекции: его тексты чаще всего были «холодными» анализами и писались языком, лишенным ненужных «орнаментальных» украшений, — в сущности, вообще почти

безо всяких декоративных довесков, — языком ясным и легким для восприятия. Карпиньский бывал и блистал в салонах, поначалу в оппозиционных, а затем эмигрантских, но, пожалуй, легче, нежели за пиршественным столом, его можно было застать в библиотеке или за совсем другим столом — письменным. Дело в том, что Карпиньский принадлежал к категории хронических трудоголиков и только благодаря этому был в состоянии с необычайной внимательностью день за днем штудировать такую мерзость и скукотищу, как архивные номера «Трибуны люду», центрального органа тогдашней руководящий и направляющей силы...

По своему темпераменту он был комментатором и аналитиком, по принадлежности — социологом, но его подлинной страстью была, пожалуй, все-таки история. Страсть эта вытекала отнюдь не из любви к историческому анекдоту или из увлеченности фабулой какого-то единичного факта, имевшего место в прошлом. Нет, она рождалась в Карпиньском вследствие его убежденности в том, что именно история формировала ту действительность, в которой он жил и которую — идя вслед за постулатом Маркса — хотел не только объяснить, но также изменить^[2]. О том, насколько страстно волновала его история, свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что, считая целесообразным «дополнить и показать в деталях описание общественного строя», представленного в работе «Коммунистический строй в Польше», он не взялся за решение этой задачи в форме подробных рассмотрений, касающихся отдельных сегментов системы, — как поступил бы социолог, — а излагал ключевые секвенции событий. Таким образом появились — в хронологическом порядке — «Короткое замыкание» (о событиях 1968 года), «Порция свободы» (о событиях 1956 года), «Горит комитет» (о декабре 1970 года и июне 1976 г.) и, наконец, «Странная война» (о военном положении). Все перечисленные работы были напечатаны Гедройцем, а в 2001 г. собраны в один том под названием «Температурный график лихорадки. Польша под коммунистическим правлением», изданный уже в родной стране. К этому нужно добавить его насыщенную юмором и иронией своеобразную разновидность энциклопедии под названием «Польша, коммунизм, оппозиция. Словарь» (1985), а также коллаж из первоисточников «Портреты минувших лет. Польша в отрывках, 1944–1988» (1989). Обе эти публикации вышли в лондонском издательстве «Polonia Book Fund» Яна Ходаковского. Хотя книги Карпиньского публиковались в эмигрантских книгопечатнях, они пользовались большой популярностью в своей стране благодаря перепечаткам в самиздате: в общей сложности его работы появились примерно

в шестидесяти изданиях, в том числе «Польша, коммунизм, оппозиция. Словарь» выходил семь раз, а «Низинный альпинизм» — шесть. Принимая во внимание, что средние тиражи нелегальных публикаций составляли 2–4 тыс. экземпляров, работы Карпиньского разошлись, надо думать, в количестве не менее 120–150 тыс. экземпляров.

«Коммунистический строй в Польше», а также работы, собранные в томе «Температурный график лихорадки», который Карпиньский сам подготовил к публикации, представляют собой в некотором смысле единое целое, причем не потому, что они попросту принадлежат к творческому наследию одного и того же автора. Эти сочинения создавались более или менее параллельно, поскольку автор, занимаясь написанием очередных частичных работ, все время имел в виду и «держал под рукою» в своей творческой мастерской некий синтетический труд, а те дополнения и поправки, которые он вносил в него, с одной стороны, вытекали из анализа текущих изменений в Польше, а с другой — опирались на результаты, накапливавшиеся у него в процессе написания отдельных статей. Кроме того, все произведения данного автора исходили из единых методологических предпосылок. Одной из них — являющейся, как мне думается, ключевой для понимания образа мышления Карпиньского, — выступает понятие «изменения». Хотя это может показаться странным применительно к столь глубоко антикоммунистическому человеку, каким был Карпиньский, одна из его книг начинается следующими фразами: «В коммунистических государствах общественная система претерпевала изменения. (...) Иногда изменения происходили более или менее одновременно во многих отраслях сразу и с точки зрения обывателей имели сходные последствия: жизнь людей становилась более легкой или наоборот». Еще одной методологической предпосылкой было у него абсолютно сознательное ограничение себя тем, что он называл «явной историей», иными словами, историей, опирающейся на анализ того, что писалось в официальных публикациях, а также на привлечение «опыта довольно многочисленных свидетелей и участников», к числу которых принадлежал, разумеется, и он сам. Ведь независимо от того, что мы обнаружим в секретных архивах и что творилось в коридорах власти, «есть смысл первым делом знать, — писал Карпиньский, — что имело место в явной истории, что было в той или иной мере доступно и известно повсеместно». Ведь именно то, что происходило на поверхности, напрямую воздействовало на людей, которые, конечно же, не имели доступа к тайнам власти или службы безопасности, а стало быть, реагировали на те вещи, которые видели, прочитали или

услышали Пониманию массовых, крупномасштабных форм поведения и позиций разных людей способствует скорее описание поверхности, нежели попытки проникновения в глубину тайн.

Вследствие изложенного он пользовался методами сбора информации, похожими на те, которые применяются при так называемой «белой» разведке, действующей на основании анализа открытых источников информации и не прибегающей ни к агентам, ни к подслушиванию либо к перлюстрации частной корреспонденции. Такие методы основывались на необычайно тщательном просмотре газет и официальных публикаций, на анализе их языка и очередных лозунгов, а также протекания организуемых властями праздников или торжественных мероприятий. Работа «Коммунистический строй в Польше» в сущности является собой некий свод, суммирующий разные исследования и размышления, а тот факт, что Якуб Карпиньский решился спустя долгие годы опубликовать всё свое творческое наследие, относящееся к новейшей истории, свидетельствует о его убежденности в том, что оно выдержало проверку временем. И в этом я полностью согласен с ним, поскольку, хотя с момента кончины Якуба прошло уже немало лет, в течение которых появились сотни публикаций, состоялись десятки научных конференций, детальные знания существенно умножились, а многие люди успели смертельно разругаться на фоне этой «тайной истории», труды Карпиньского о сущности коммунистической системы в Польше и о главных механизмах ее функционирования сохраняют свою ценность.

Анджей Пачковский (р. 1938) — историк, занимался историей прессы, а затем историей власти и оппозиции в ПНР.

-
1. Эта и две предыдущие краткие цитаты представляют собой отсылки к знаменитому стихотворению Адама Мицкевича: «Полились мои слезы... / И на юность мою, неповторную, вздорную, / И на век возмужания — время страдания» (перевод Веры Звягинцевой). — Здесь и далее примеч. пер.
  2. Имеется в виду известный тезис Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Якуб Карпиньский

Польша

Как и многое из тех вещей, которые отчасти абстрактны и вместе с тем обширны, смысл слова «Польша» познается в примерах. Позже ребенок или молодой человек может разобраться, о чем говорили эти примеры. О Польше мы знаем из разговоров взрослых людей и из первых прочитанных книжек. Благодаря нашему немногого старшему кузину, Кшиштофу Ф., мы обзавелись довоенными книжками для детей: «Историей Польши в 24 картинках» Владислава Людтика Анчица, «Азбукой свободных детей» Ор-Ота^[1], «Детскими рифмами» Казимеры Иллакович. Книжки были с картинками, а их содержание и рифмы — просты и доступны. Иллакович писала: «Эти рожи большевичьи / Гадят в нашем приграничье. / Один таким наглым был, / Что дом в городке спалил» (названия местности я не помню; кажется, она была какой-то литовской). В годовом комплекте одного из довоенных журналов для молодежи печатался в отрывках роман о событиях 1920 года. А в рассказе «Другой берег», написанном моим дядюшкой с отцовской стороны, речь шла о революционной политике. Там подрастающий рассказчик жил вместе с тетей, которую по ошибке не убили большевики. Относительно Польши говорилось и в неписанных повествованиях из прошлого нашей семьи — с более или менее живыми персонажами времен первых десятилетий предыдущего века, обретавшимися в Вильно, то есть вне границ сегодняшней Польши.

Насчет того, что Польша утеснилась, было известно еще и потому, что дом в подваршавском Чернякуве служил жилищем для пяти сестер (в общей сложности их было семь) из тех девятерых детей, которые родились в прошлом веке на Украине. Муж одной из них, Зофии (ее девичья фамилия — Новицкая), мой дедушка Войцех Затварницкий, после Первой мировой войны решил купить садово-огородное хозяйство в административных границах Варшавы и всерьез заниматься им (позднее это хозяйство по мере приближения городской застройки всё уменьшалось и уменьшалось). Дедушка Затварницкий склонил одну из трех своих дочерей, мою мать, окончить Главную школу сельского хозяйства, что она и сделала, причем с хорошими результатами и быстро: ей исполнился всего 21 год. Однако у нее не было желания посвятить себя земледелию. Дедушка умер в 1948 году, моей матери было в тот момент 35 лет, у нее уже имелось двое

сыновей, и она ждала третьего. На ее ответственности и под ее опекой было еще много других дел и других родственников, в частности, она вела хозяйство, содержала второй дом, свою мать и ее сестер. В начале войны, когда Польшу поделили, моя бабушка и ее сестры постарались — из опасения, что лиц, родившихся на востоке, будут туда вывозить, — поменять место рождения в своих кенкартах^[2]. Им вписали туда, что на свет они появились то ли в Люблине, то ли в Люблинском воеводстве, а при случае изменили заодно еще и даты рождения. Позднее эту информацию перенесли в их паспорта. На данном примере видно, что, пользуясь официальными документами в качестве исторических источников, имеет смысл принимать во внимание более широкий контекст, в том числе, например, подвижки государственных границ и предусматриваемые в связи с этим перемещения проживающих там людей.

В сентябре 1939 г. мой отец не был мобилизован, и он пробрался из Варшавы во Львов — в соответствии с прогнозами дополнительной мобилизации на восточных землях. Как он рассказывал, после 17 сентября люди почувствовали дуновение холода с огромных пространств, которые открылись у них за спиной. В октябре отцу удалось через пока еще весьма неплотную границу возвратиться в Варшаву. Я родился, когда немцы вступили в Париж. Спустя три года родился мой брат Войтек.

Летом 1944 г. было известно, что фронт приближается к Варшаве и наверняка приближаются какие-нибудь бои. Люди перебирались из своих районов в другие, будучи убежденными, что выбирают более безопасные места; с нами на улице Баччарелли оказалась часть семьи из Чернякува. Где-то примерно после недели Восстания^[3] мы находились в подвале соседнего и дружественного нам здания шведского посольства на улице Багатели. Там работала знакомая моих родителей по имени Маргит Винкуист, которая занималась делами не до конца ликвидированного посольства, хотя оно не действовало, и трудно было сказать, при ком или при чем оно аккредитовано. Подвалы домов соединялись между собой, и считалось, что у того, который в посольском доме, перекрытие покрепче, так что оно лучше защищает от бомбардировок. Немцы вбегали, хватали людей, выводили их из домов и забирали во дворик гестапо на аллее Шуха, где они ожидали — расстрела. Однако немцы пощадили и не тронули группу из шведского посольства, к которой удалось присоединиться нашей семье. Нас разместили на улице Литовской, по четной ее стороне, где держали около сотни человек, которым сохранили жизнь, — пожалуй, прежде всего по причине каких-то их

связей с заграницей; в нашем случае можно было усматривать связь со шведским посольством, которое, не существуя, выдавало всякие свидетельства, — к примеру, констатирующие, что некто является посольским архитектором (именно такую бумагу получил мой отец). Во время оккупации старались добывать самые разные удостоверения и свидетельства, они всегда могли пригодиться. Если мы супы из найденной где-то фасоли, спали на полу.

В маленьком дворике на Литовской была часовенка Матери Божьей (после Восстания уцелело изрядное число таких дворовых часовенок). Дети (а среди них и я) собирали жетоны самых разных форм с большими числами на них. У этих чисел имелось много нулей, так что четырехлетний ребенок мог понять и узнать, что эти числа — большие. Жетоны попадали на улицу из казино, расположенного по соседству с Литовской, на Шуха, но они были бесполезными: в казино уже, видимо, ни во что не играли и никто не рассчитывал на выигрыш. На горизонте виднелось зарево пожаров. Картины тех дней помнятся мне в виде отдельных крупных планов: немецкие каски, сгоняемые или собирающиеся люди, поднятые руки в тесном дворике гестапо, жетоны из казино и пожары. С Литовской нас приблизительно дней через десять вывезли грузовиком по груецкому шоссе на сколько-то километров за Варшаву и выгрузили в чистом поле на развилке дорог в Фалентах. Позже мы очутились в имении друзей моих родителей в Ойжанове, откуда отец в промежутке между Восстанием и приходом советских войск ездил вместе с командой директора Лоренца^[4] в разрушенную пустую Варшаву спасать музейные коллекции. Немногие люди могли тогда проехать по ущельям среди развалин и видеть то, что осталось от Варшавы.

Следы войны помогали в первых физических экспериментах: из патронов выплавляли свинец, и нам говорилось, что надо быть поосторожнее, потому что некоторые из патронов — разрывные. Для расплавления годилась и свинцовая оболочка телефонных кабелей. Это было интересно, материал менялся, воздействие на металлы было чуть ли не алхимическим, а свинец, кроме всего, был полезен: он служил для изготовления так называемых маялок, другими словами, многоцветных шерстяных или меховых обрезков, соединенных между собой круглой свинцовой шайбой. Маялку подбивали ногой, внутренней стороной стопы, причем ловкие игроки умели проделывать это по много раз, не роняя маялку на землю. Некоторые из учителей (в гимназии этим особенно отличался специалист по военной подготовке) не любили

внепрограммных игр и отбирали маялки — точно так же, как конфисковали и монеты для игры в «школьный футбол»: что-то вроде бильярда с упрощенными футбольными правилами. Каждый из двух игроков с помощью расчески или пальцев поочередно проталкивал по сидению школьной парты свою медяшку, стараясь ею загнать в ворота противника мелкую монетку (грошик), которая служила в качестве мяча (понятно, что эта игра относится к началу пятидесятых годов, — сейчас грош уже давно не в ходу). Сразу после войны мальчишки играли также «в гетто» — довоенными монетами, которые требовалось добросить как можно ближе к нацарапанной на земле линии; но, насколько я помню, наибольшую выгоду приносило попадание в маленький прямоугольник за этой линией — он-то и обозначал гетто.

В первые годы после войны на демонстрациях маршировали самые разные политические партии. Мне это известно потому, что на транспарантах были всевозможные аббревиатуры и сокращения, которые я перерисовывал, не всегда еще будучи в состоянии отличить букву от ее зеркального отражения. На стенах писалось «3 раза да»^[5] (эти надписи долго оставались потом незакрашенными). Если дети отправлялись побегать, то шли на площадку, в садик при Главной торговой школе, или в развалины; от этого нас предостерегали, хотя именно там было интересно. Сохранившиеся остатки стен, какие-то закоулки и проходы между ними были тем миром, который надлежало открывать, менее стандартным, чем — кстати, не слишком многочисленные — здания, оставшиеся неразрушенными.

Восстановление Варшавы было темой разговоров в доме и статей в популярной тогда «Столице». На протяжении долгих лет то и дело во время воскресных обедов возвращалась тема Восстания, полезность которого мой отецставил под сомнение. Архитекторы не любят, когда уничтожают дома. Врагами архитектора чаще всего выступают пользователи и вода — стихии, которые трудно удерживать под контролем. Но мой отец не питал симпатии и к военным из Главного командования Армии Крайовой (АК); считая, что последствия их решений будут ощущаться в польской жизни на протяжении, как минимум, десяти-пятнадцати лет. Он не состоял в АК и не принадлежал ни к каким другим военным или политическим организациям. В период оккупации отец проектировал — на будущее — магазины и предприятия по переработке различного сырья, состоя при этом, скорее фиктивно, в штате «Сполема» — большого потребительского кооператива, который немцы не ликвидировали. Зато в подполье уж точно участвовал Бронислав Маковский, муж моей тети Казимеры, одной из двух сестер моей матери,

которого в 1944 г. арестовали в Кракове и расстреляли. Муж второй маминой сестры, Ирены, служил в вооруженных силах на Западе, так что после войны он забрал жену и двух моих двоюродных братьев в Лондон, откуда они все перебрались в Родезию, а потом — в Южную Африку. Ранее в годы оккупации погиб муж моей тети Ванды, сестры отца, Збигнев Дрецкий, арестованный в Варшаве в качестве заложника (после казни патриотами в марте 1941 г. известного киноактера, а затем коллаборациониста и гестаповского агента Иго Сымса) и вывезенный в Освенцим. Еще две тетки были где-то близко; и считалось словно бы очевидным, что у них нет мужей; а существовали они обе только в рассказах о прошлом.

Обсуждение разумности Восстания бывало в нашем доме частой темой разговоров. Отец высказывался против, дети — за (Войтек, быть может, в меньшей степени, чем я и Марек), мама выходила из комнаты. Если задуматься, отец оперировал довольно-таки сильными аргументами: Восстание вспыхнуло не само по себе, кто-то принял решение о нем и при этом сильно рисковал, а именно, тем, что и случилось в действительности: уничтожением живого городского организма, самого важного в Польше, а также, как считал отец, гибелью наиболее ценных людей.

Дети подрастали, в окрестностях существовала какая-то Польша, новая и остающаяся в союзе с соседями, — союзе, который назывался дружбой, особенно с одним из соседей. Слышалось, что эта дружба — правильная, и чувствовалось, что она обязательна. Разница между красным знаменем и красным знаменем с серпом и молотом как-то стерлась. Относительно Польши можно было узнать из книг, особенно исторических, и из романтической поэзии. Известная с виду Польша содержала Варшаву, пляжи на Балтике, позднее — Краков и горы. Много писалось о возвращенных землях^[6], было известно, что их ситуация ненадежна. В середине пятидесятых годов можно было прочитать о провинции в репортажах журнала «Попросту»^[7], да и сам я тоже смог увидеть обыкновенную Польшу в большем количестве.

Одной из «послеоктябрьских» новостей был автостоп, открытие и официальное одобрение свободы путешествовать — без казенной цели и без «служебной командировки». Эту акцию популяризировало Польское туристско-краеведческое общество вкупе с еженедельником «Доокола свята» («Вокруг света»). Я довольно-таки методично посещал одно за другим разные воеводства, отложив какое-то из них на потом, и побывал в 16-ти из существовавших тогда 17-ти, что позволяло, кроме всего, познакомиться и с не слишком тогда моторизированным миром дорог и перевозимых товаров.

Личный легковой автомобиль был редкостью и свидетельством роскоши. Ездили на грузовиках, которые везли три доски или вообще ходили пустыми. Может быть, математики и тогда уже знали общие принципы оптимизации транспорта, но мало кто интересовался этим на практике.

На втором году учебы я принимал участие в дискуссии, организованной Студенческим объединением друзей ООН, на тему является ли патриотизм пережитком. Дискуссия шла в стиле английского союза студентов — Oxford Union (один из коллег уже побывал в Англии и знал, что там дискутируют за и против). Пользуясь книгой Быстроня, я говорил о национальной мегаломании^[8], о пупах земли в Греции и о том, каким образом используют патриотизм. В подобном же тоне выступал и коллега из параллельного класса из лицея им. Тадеуша Рейтана, а также какой-то студент полонистики и социологии, ссылаясь при этом на Союз польских патриотов — организацию, патриотическую уже по самому своему названию. Патриотизм полезен, ибо может служить для самых разных целей.

Варшавский университет и Клуб кривого колеса^[9], который в значительной степени представлял собой клуб университетских ассистентов, преподавателей и профессоров, были совершенно исключительными местами, центрами реальной свободы слова, необходимой для формирования разумных мыслей, а также, пожалуй, и разумных действий. Обычная Польша выглядела иначе. Но именно в годы учебы я имел возможность читать в трудах социологов о редко описывавшихся ранее сторонах жизни современной Польши: о жильцах рабочих общежитий, о тружениках варшавских предприятий или же о поселенцах и автохтонных обитателях Опольщины**^[10]. С первого года социологических занятий я принимал участие в полевых исследованиях.

В окрестах города Новы-Сонч (в самом городе и окрестных деревнях) мы занимались всесторонним изучением независимых общественных действий (именовавшихся «общественной вовлеченностью»). Идея принадлежала проф. Оссовскому и была связана с его исследованиями, относившимися еще к временам оккупации и посвященными такому общественному порядку, где не проводилась бы сплошная централизация всего на свете и где была бы возможна не запланированная властями разнородная и ненаказуемая активность, а также сотрудничество. На выбор места наших исследований повлияли тогдашние административные послабления, допускавшие несколько больший уровень самоуправления как раз в городе Новы-Сонч

и околицах. Об этом городе и обо всем повете писали в журнале «Попросту», поскольку в тех краях во время выборов 1957 г. старались на самом деле выбирать. В этом городе (что было в ту пору исключением) кандидат в сейм, шедший с такого места в списке, которое на практике гарантировало избрание (с так называемого «мандатного места»), не получил в тот раз большинства.

Предварительные итоги обработки первых исследований мы описали непосредственно после их завершения, во время каникул, действуя совместно с одним из коллег, тоже участвовавшим в дискуссии о патриотизме. Позже он опубликовал работу об отраслевых профессиональных союзах в Польской Народной Республике (ПНР) — других, собственно говоря, и не было, а профсоюзами их называли в соответствии с ленинской концепцией. Впоследствии мы с ним виделись раз или два, он стал партийным чиновником по делам науки, а затем ПНР командировала его в качестве сотрудника ООН. Такая биография, возможно, понравилось бы проф.

Оссовскому, который любил примеры, указывающие, что влияние окружающей среды важно, но отнюдь не однозначно. Весьма схожее окружение может оказывать самые разные воздействия; пересекающиеся пути позднее расходятся. В 1961 году в давнем, тогда еще крупном Варшавском воеводстве мы изучали отношение к чтению в сельской местности, и мне досталась поездка в две интересные деревни. В одной из них, носившей название Влонченин-Польский (прилагательное добавили из-за того, что раньше рядом располагалась деревня немецких колонистов), руководители тамошнего производственного кооператива показывали приезжим тех кооператоров, у кого дела шли хорошо, но прятали кооперативную бедноту, о которой мне быстро сообщили те, кто не принадлежал к кооперативу и самостоятельно вел собственное хозяйство. Другую деревню (Дзежбы на Подляшье) разделял конфликт родом из предшествующей эпохи, когда коллективных хозяйств еще не придумали. Поветовый секретарь Польской объединенной рабочей партии говорил: «Я знаю, почему вас сюда прислали. Шляхетская проблема существует, она, знаете ли, трудная, но мы как-то справляемся». Деревня эта делилась тогда вдоль дороги на Дзежбы Крестьянские и Шляхетские. Шляхтянки выходили на полевые работы в перчатках, но позднее натягивали поверх них рукавицы — вроде бы с целью защиты, а не только для того, чтобы отличаться. При ссорах и в отместку за оскорблении там пользовались холодным оружием: в школьной хронике я прочитал, что на веселой вечеринке для родителей пан Круткопольский огрел другого пана чем-то вроде кистеня, называемого здесь «гутаперой», которая

представляла собой кусок металла, привязанный к проволоке, — для лучшего замаха. Смешанные браки (шляхетско-крестьянские, через дорогу) случались редко.

В Плоцке мы в 1962 году изучали местные власти, в том числе психологические характеристики наиболее влиятельных тамошних персон, а среди них такие, как жесткость и ригоризм, готовность подчиняться высшим властям, убежденность, что нужно скорее укреплять дисциплину граждан, нежели влияние простых людей на власть. Я написал статью на эту тему, которая должна была выйти довольно поздно, в 1968 году, в журнале, который Польское социологическое общество издавало по-английски. Текст был уже переведен и набран на линотипе, прошла корректура, но статья вышла из печати только еще через три года. Либо текст был задержан цензором как окончательным издателем, либо кто-то из промежуточных издателей не хотел доставлять цензору неприятностей. Единственным ненадлежащим фрагментом того текста могли быть, пожалуй, только первые два слова, иначе говоря, имя и фамилия автора, относительно которого у кого-нибудь имелись в тот момент возражения, а может быть, только сомнения.

Еще одни исследования, которые проходили в 1967 году в центральном городке одного из поветов, были практикой для группы студентов, окончивших второй курс. Требовалось, среди прочего, составить монографические описания всех здешних организаций, в частности, милицейской комендатуры. Один из студентов хорошо воспользовался там своими знаниями арифметики. Опросный лист содержал вопрос о персонале и о количестве партийных. В комендатуре ответили, что численность персонала — это тайна, но студент не сдался и продолжал спрашивать дальше; причем оказалось, что количество партийных, равно как и беспартийных тайной не считалось. Беспартийными были уборщица и, кажется, курьер. Упражнениями по науке о современной Польше были и накатывавшие волнами изменения общественных настроений и официальной политики, которые происходили в районе 1956 года, а также позднее. У таких изменений сложилась привычка появляться с двенадцатилетними интервалами. В 1956 году наши правители в речах и заявлениях декларировали, что намерены заботиться о суверенности. Слова «независимость» избегали, и это наводило на мысль, что суверенность чем-то отличается от независимости. Тогдашняя суверенность, — которая, как нам намекали, не тождественна независимости, — должна была, похоже, стать правом партийных властей на самоуправление, притом, что самоуправление, например, школьное или тюремное, занимается какими-то специально отобранными делами. Говорилось, что Польша может в течение

определенного времени идти собственным путем, но цель должна быть общей для всего лагеря. Дискуссионным оставался вопрос, как и когда. Целевой пункт, куда следовало дойти, не подлежал дискуссии, однакоказалось, что продвижение к непривлекательной цели можно затягивать.

Популяризировался особенный патриотизм, именовавшийся социалистическим: надлежало подражать Советскому Союзу, но делать это можно было немножечко по-своему, с определенной национальной окраской.

Во время так называемого процесса альпинистов^[11] тоже говорилось о Польше. Те, кто недавно послал польскую армию в Чехословакию, обосновывали свою подчиненность Москве государственными соображениями, иными словами, давали понять, что другое поведение оказалась бы еще худшим. Это были утверждения, делавшиеся не напрямую, а полунамеками, полудекларациями. Доказательств не предоставлялось.

Писалось, что Польша у нас одна — такая, какой ее хотят видеть те, кто здесь правит, такая, которую именовали социалистической. Польша должна была показывать допустимое разнообразие в коммунизме, определявшееся на месте Гомулкой (позднее — Гереком или Ярузельским, который как раз начал командовать армией незадолго до того, как меня в первый раз арестовали).

Для многих людей Польша ближе к поэзии, прошлому и мечтаниям, — нежели к прозе и современности. Если чьим-либо инструментом служит слово, то он должен, как мне обычно представлялось, знать о современности и не принимать мечты за реальную действительность. Гомулка или какой-то из его преемников, равно как полицейские и коммунисты являются частью настоящей Польши; от них многое зависит, но не каждому они в состоянии продиктовать, что такое Польша. И хотя она бывает страной, неприятной при опыте взаимодействия, но чувства зачастую мало восприимчивы к опыту. Чувствам и ощущениям достаточно того, что эта страна может быть вполне удачной в замыслах, в проекте, в некоторых своих качествах из прошлых времен. О Польше Гомулки мне рассказывал суд и говорила тюрьма, которая была миниатюрой нашей страны, ее социальной картой. Когда позднее мне в течение нескольких лет отказывали в паспорте, это, быть может, делалось для того, чтобы я мог лучше увидеть Польшу. Я старался оправдать ожидания, расплатиться с ПНР по счетам и погасить долг перед Польшей. Если я что-то увидел и понял, то пробовал описать это в нескольких книгах.

1. Это псевдоним Артура Оппмана, а книга (1926) представляет собой зарифмованную историю Польши — Здесь и далее примеч. пер.
2. Кенкарта (дословно: распознавательная карта) — основной документ, удостоверявший личность во времена Третьего рейха.
3. Имеется в виду Варшавское восстание (1 авг. – 2 окт. 1944 г.), организованное командованием Армии Крайовой (АК) и представительством эмигрантского польского правительства.
4. Станислав Лоренц (1899–1991) — польский искусствовед и музеевед, профессор Варшавского университета, в 1935–1982 гг. директор Национального музея в Варшаве.
5. Речь идет об агитплакатах к сфальсифицированному властями референдуму 30 июня 1946 г., на котором требовалось ответить — разумеется, утвердительно — на три вопроса: маловажный (о ликвидации сената), очевидный (об одобрении новых западных границ Польши) и судьбоносный (о смене общественного строя).
6. Так в Польше долго именовались бывшие восточногерманские территории, отошедшие после войны к Польше.
7. Очень популярный у студенчества и интеллигенции либеральный, критически настроенный общественно-культурный еженедельник, выходивший в 1947–1957 гг. Был закрыт по цензурным соображениям.
8. Имеется в виду книга этнографа и социолога Яна Станислава Быстроня «Национальная мегаломания» (1935), где, в частности, обсуждаются бытовавшие тогда в Польше ходовые представления о своих и чужих.
9. Клуб кривого колеса — дискуссионный клуб, ставший центром свободомыслия и критического отношения к коммунистическим властям; действовал в Варшаве в 1955–1962 гг.
10. Этот регион относится к возвращенным землям, откуда в 1945 г. выселили всех немцев, но многие из испокон проживавших там силезцев остались.
11. Дело альпинистов — следствие и процесс молодых польских adeptov парижской «Культуры», которых обвиняли в том, что они контрабандой переправляли через высокогорные участки Татр на польско-чехословацкой границе в одну сторону — документы о событиях марта 1968 г. и о текущей ситуации в Польше, а в другую — экземпляры «Культуры», а

также книги, изданные парижским Литературным институтом.

Николай Иванов

Коммунизм по-польски

Идея использовать в процессе послевоенной советизации Польши некоторые левые партии, существующие в этой стране, не была новой. В России после революции 1917 года советская власть сформировалась как власть коалиционная. Первое послереволюционное правительство под руководством Владимира Ленина было создано на основе коалиции с крестьянской партией левых социалистов-революционеров (эсеров). Это сотрудничество с левыми эсерами должно было стать наглядным подтверждением марксистской теории о «рабоче-крестьянском союзе» и привлечь на сторону большевиков многомиллионные крестьянские массы в преимущественно крестьянской стране, каковой в начале XX века являлась Россия.

В Российской империи почти 80% населения составляли крестьяне, создавать прочную власть в стране без поддержки крестьян было для большевиков равносильно самоубийству. Поэтому союз с левыми эсерами был им крайне необходим. Распался он, однако, не просуществовав и года. Левые эсеры выступили против диктатуры большевиков в совместном правительстве и против заключённого Лениным с Германией унизительного Брестского мирного договора. Левые эсеры рассматривали договор как капитуляцию перед западными капиталистами и с оружием в руках выступили против своих недавних союзников — большевиков. Парадоксально, но левые эсеры восстали против левой большевистской диктатуры. Для них большевики были предателями левых революционных идеалов Октябрьской революции. Их виденье послереволюционных преобразований напоминало более теории анархистов, а не большевиков. Наиболее авантюрные реформы коалиционного правительства (аграрная реформа, отмена денежного обращения, национализация мелких и средних предприятий, конфискация продовольствия у населения и запрет частной торговли) были инициированы как раз левыми эсерами. Вместе с большевиками создавали они советский аппарат террора и репрессий, пресловутое ЧК во главе с поляком Феликсом Дзержинским.

В условиях так называемой диктатуры пролетариата подобная рабоче-крестьянская коалиция была в зародыше обречена на поражение. Политические амбиции большевиков, методы их деятельности исключали полноправное сотрудничество с партией или иной политической организацией, не

разделяющей полностью их идеологии.

В Польше же в годы второй мировой войны и в первые годы после ее окончания ситуация была иной. В отличие от большевиков польские коммунисты почти не имели поддержки своего собственного народа, и это хорошо понимал Сталин. Поэтому в Кремле было решено строить в Польше не копию советской тоталитарной системы, а относительно либеральный вариант коммунизма. Гарантом незыблемости новой власти в Польше должна была стать не поддержка беднейших слоёв населения, а мощь Красной Армии, расположенной на польской территории и вдоль её границ. Сталинский план советизации Польши был основан не на создании из Польши одного большого «ГУЛАГа», а на порождении у поляков и у мирового общественного мнения иллюзии сознательного выбора польским народом коммунистического пути развития. Сталинский план советизации Польши предусматривал создание союза весьма малочисленной компартии с левыми партиями, имеющими реальную поддержку населения. На роль главного «попутчика» избрали крестьянскую Народную партию, а позднее созданную на ее основе в августе 1945 года Польскую Народную Партию (ПНП), во главе со Станиславом Миколайчиком, бывшим премьером польского эмигрантского правительства. Сильные позиции ПНП в лондонском эмигрантском правительстве должны были гарантировать поддержку этого союза западными союзниками. Как и в большевистской России подобная коалиция должна была символизировать рабоче-крестьянский союз.

Первоначально этот спланированный в Москве союз коммунистов с крестьянской партией выглядел вполне логичным. Советскому НКВД (МГБ) удалось вынудить одного из лидеров Народной партии Анджэя Витоса, пойти на сотрудничество с Союзом Польских Патриотов, организацией, созданной коммунистами для маскировки своих истинных целей.

В августе 1944 года Станислав Миколайчик в ранге премьера польского правительства в изгнании посетил Москву и вел переговоры со Сталиным. Видимо, во время этих встреч советский лидер пришёл к выводу, что Миколайчик является именно тем человеком, которого можно использовать в планах Москвы. В отличие от другого лидера польской эмиграции генерала Соснковского, которого Сталин рассматривал в качестве человека «твёрдой воли», Миколайчик считался человеком «компромисса». Сохранились документы, в которых Сталин говорит об этом открыто. Это стенограмма переговоров Сталина с президентом Чехословакии Эдуардом Бенешем в 1943

году. Сталин открыто утверждает, что Миколайчик — это именно тот человек, который ему нужен.

Исчезнуть навсегда

Была, однако, еще одна причина, которая укрепила Сталина в намерении втянуть Польскую Народную Партию в свои кремлёвские игры. Во время визита в Москву в августе 1944 года польского премьера Станислава Миколайчика сопровождал политик, бывший для большинства поляков несомненным моральным авторитетом. Его точка зрения по вопросу будущего польско-советских отношений, казалось, гарантировала создание в послевоенной Польше дружественного Советскому Союзу правительства. Этим человеком был Станислав Грабский, 73-летний брат бывшего премьера Второй Речи Посполитой и главного архитектора оздоровления польской экономики в середине 20-х годов Владислава Грабского, умершего накануне Второй мировой войны. Этот ветеран польской политики, бывший министр, участник переговоров с Советской Россией в 1920 году в Минске и Риге, во время которых зарекомендовал себя яростным противником включения в состав польского государства территории западной Украины и Белоруссии. Как свидетельствуют очевидцы, Грабский обращался к Сталину на чистейшем слегка высокопарном русском языке, на что обратил внимание Сталин, иронично заметивший, что Грабский владеет русским лучше, чем он сам. Сталин, как известно, никогда не смог избавиться от сильного грузинского акцента.

Станислав Грабский сыграл ведущую роль и во время следующего визита премьера Миколайчика в Москве в октябре 1944 года. На этот раз в Москве прошли трехсторонние переговоры британского премьера Уинстона Черчилля, Сталина и Миколайчика. Именно из уст Грабского участники переговоров услышали предложение установления качественно совершенно новых, дружеских отношений между Советским Союзом и Польшей. После войны, предлагал Грабский, необходимо заключение «тесного военного союза между Польшей и СССР для защиты всей Центральной Европы от возможного немецкого реванша в будущем». На переговорах Грабский довольно часто выражал мнение отличное от высказываний Миколайчика. Его склонность к компромиссу явно нравилась Сталину, который тут же в Москве предложил ему занять место вице-председателя Краевого Национального Совета, т.е. созданного коммунистами нелегитимного псевдо-парламента.

После окончания войны Грабскому было разрешено посетить его родной город Львов, включённый в состав Советского

Союза. Визит этот проходил под контролем МГБ. В секретном сообщении о ходе визита советские агенты сообщали о лояльном отношении польского политика к СССР. Во время одного из своих публичных выступлений Станислав Грабский заявил: «Сталин является великим реалистичным политиком, прекрасно понимающим, что Польша может быть восстановлена только как государство капиталистическое. В противном случае Польша не сможет получить так необходимые ей для послевоенного восстановления своей экономики, и особенно Силезии, инвестиции от капиталистов Соединенных Штатов и Великобритании. Сталин произвёл на меня огромное впечатление: хотелось бы его сравнить с Кромвелем. Stalin — это великий полководец, который хладнокровно и на перспективу решает важнейшие вопросы внешней и внутренней политики своей страны». В другом своем публичном выступлении Станислав Грабский заявил: «Теперь наконец-то польское государство будет однородным в национальном отношении, а экономически государством аграрно-индустриально-морским. Необходимо выразить нашу признательность генералиссимусу Сталину, который на мирной конференции в Потсдаме весьма тепло высказался о Польше и ее будущем».

Трудно однозначно утверждать, насколько точно агенты МГБ передали смысл заявлений Грабского. Наверняка в царившей тогда атмосфере всеобщего страха и принудительного восхваления вождя вышеупомянутые высказывания кандидата в главные «попутчики» могли быть несколько приукрашены. Думается, однако, что главный смысл «панегирика» Грабского Сталину был передан верно.

Грабский во Львове выступил в качестве главного сторонника возрождения Польши в новых geopolитических границах. В своем выступлении перед работниками судов и прокуратуры он утверждал: «Я вырос во Львове, мне больно от того, что придется покинуть мой родной город, город так глубоко связанный с многовековой польской историей и культурой. Больно мне от того, что Львов уже не является польским. Львовяне — это особенная нация, её надо сохранить там в нашем новом государстве». А вот такие слова Грабского, открыто призывающие к репатриации, прозвучали на встрече с львовскими учителями: «Если вы останетесь за границами польской державы, то как часть польской культуры вы будете навсегда утеряны».

Необходимо отметить, что влияние Грабского на Миколайчика не было столь сильным, как об этом полагали в Москве. К тому же его склонность к компромиссу со Сталиным также имела свои границы. Был он, например, твёрдым сторонником вывода всех советских войск из Польши после завершения

военных действий.

Сталин и Черчилль говорят в унисон

Сам Миколайчик также не слишком поддавался на интриги и давление Москвы. Его решение вернуться в Польшу летом 1945 года и согласие войти в состав коалиционного правительства во главе с коммунистами не имело ничего общего с согласием быть кремлёвской марионеткой. Вопреки обвинениям со стороны некоторых польских политиков в Лондоне и вопреки ожиданиям Сталина это решение было продиктовано желанием лидера Польской Народной Партии и группы его сторонников воспрепятствовать советизации Польши и сохранить ее независимость. Эти действия Миколайчика в зародыше были обречены на поражение. Решение о возврате на родину было проявлением наивности польского премьера, который стал жертвой изощренной сталинской демагогии.

Проявилось это весьма отчетливо во время польско-советско-британских переговоров в октябре 1944 года в Москве.

Британский премьер Уинстон Черчилль полностью солидаризовался со Сталиным во всех вопросах, связанных с послевоенным устройством Польши. Миколайчику не удалось сыграть на некоторых разногласиях между этими ведущими членами антигитлеровской коалиции. Именно Черчилль взял на себя роль главного увещевателя по отношению к полякам. «От имени британского правительства, — убеждал Миколайчика Черчилль, — я уполномочен заявить, что жертвы Советского Союза в войне с немцами и то, что сделал СССР для освобождения Польши дает ему право установить границы по линии Керзона. Я уже не раз говорил об этом моим польским друзьям в прошлом году. Полагаю, что наши союзники будут продолжать войну против немцев таким образом, чтобы дать Польше территориальную компенсацию за уступки на Востоке за счет новых территорий на Западе и Севере».

Попавший под двойное давление Черчилля и Сталина

Миколайчик вынужден был идти на все новые и новые уступки и компромиссы, которые, без сомнения, подрывали его политический авторитет в польском обществе. Наиболее унизительным компромиссом было согласие под давлением американцев и британцев принять участие в трёхсторонних переговорах в Москве в июне 1945 года по поводу создания коалиционного правительства «национального единства». Договоренность об этом была достигнута в Ялте в марте 1945 года без участия поляков на переговорах «большой тройки»: Сталина, Рузельта и Черчилля. По предложению Сталина в Москву пригласили Миколайчика, польских коммунистов и их союзников, а также группу теоретически независимых польских политиков, представлявших другие политические

партии и группы. От Польской Народной Партии в Москву прибыли: сам Станислав Миколайчик (ранее подавший в отставку с поста премьера эмиграционного правительства), Ян Станьчик и Антони Колодей. Так называемое «временное польское правительство» (читай — коммунистическое — Н.И.) представляли Эдвард Осубка-Моравский, Владислав Гомулка, Болеслав Берут и Владислав Ковальский. Группу политических «независимых» деятелей представляли: Владислав Керник, Зигмунт Жулавский, Адам Кржижановский, Станислав Кутшеба и Генрих Колодейский.

Миколайчик наивно надеялся, что своим согласием на участие в московских переговорах ему удастся освободить 16 арестованных советскими оккупационными властями в Польше лидеров так называемого «польского подпольного правительства», активно действовавшего во время немецкой оккупации и являвшегося представительством лондонского правительства в изгнании. Для Миколайчика это было явным унижением. Показательный «процесс шестнадцати» происходил в Москве одновременно с переговорами о создании правительства «национального единства». На скамье подсудимых находились ближайшие сподвижники

Миколайчика, долгие годы исполнявшие его распоряжения. Таким образом Сталин хотел показать полякам и всему миру, кто теперь будет реально решать судьбу будущего польского государства. С одной стороны, Сталин карал тех, кто осмелился выступать против его концепции политического устройства Польши, с другой, протягивал руку тем, кто соглашался сотрудничать с ним.

Был еще один аспект политики Сталина в польском вопросе. Суд над руководителями подпольного польского правительства символизировал новый подход советского руководства к репрессированию своих политических противников. Впервые в Москве происходил политический показательный судебный процесс, на котором не было вынесено ни одного смертного приговора. Было ли это проявлением компромиссной политики со стороны Сталина или же продуманной тактикой введения в заблуждение мирового общественного мнения? По советским меркам вынесенные приговоры были попросту смешными. Лишь главнокомандующий Армии Крайовой генерал Леопольд Окулицкий получил приговор 10 лет лагерей, а главный представитель лондонского правительства в Польше Ян Станислав Янковский — 8 лет. Остальные приговоры: от 6 месяцев до 3–5 лет тюрьмы. Был ли это знак того, что процесс советизации Польши будет носить относительно либеральный характер, без массового применения террора, как это было в Советском Союзе?

Обман и лицемерие

Созданное на основе Московского соглашения от 21 июня 1945 года правительство «национального единства» символизировало триумф Сталина в его политике советизации Польши. Внешне это было правительство, опирающееся на широкую коалицию партий и политических групп, представляющих всё польское население. В действительности же это был кабинет министров, созданный коммунистами и зависящими от них партиями. Миколайчик и его Польская Народная Партия почти не имела никакого влияния в нём. Внешне все выглядело вполне справедливо. Партия польских коммунистов (ППР) получила всего 3 министерских портфеля из 21. В действительности же, преобладание коммунистов в правительстве было подавляющим. Они контролировали силовые ведомства, а также имели своих представителей почти во всех министерствах. Stalin решил назначить на пост премьера социалиста Эдварда Осубку-Моравского, который уже давно активно сотрудничал с коммунистами и был под их влиянием. Посты вице-премьеров заняли Станислав Миколайчик и Владислав Гомулка (ППР). Кроме Миколайчика от Польской Народной партии в правительство вошли Чеслав Выщех (образование) и Владислав Керник (государственная администрация). Их, однако, усиленно обрабатывали агенты советского МГБ и польских тайных служб. Вскоре они изменили Миколайчику и пошли на тесное сотрудничество с коммунистами.

5 июля 1945 года правительство национального единства было признано Соединёнными Штатами Америки и Великобританией. Этот акт западных союзников, которые по-прежнему воспринимали ялтинские обещания Сталина восстановить демократию в Польше за чистую монету, означал окончание первого этапа сталинского плана советизации Польши. Символизировал он успех советской международной политики, направленной на подчинение Советскому Союзу Восточной и Центральной Европы.

Станислав Миколайчик, к сожалению, сыграл в процессе реализации этого плана весьма заметную роль. Он глубоко заблуждался по поводу того, что Stalin не сможет создать союзную с СССР Польшу без привлечения к сотрудничеству ведущей крестьянской партии этой страны, страны, в которой крестьяне составляли большинство населения. Миколайчик не знал и не понимал сущности большевизма, не был знаком с историей победы большевиков в их собственной стране, где крестьянское население составляло почти такой же процент, как и в Польше. Миколайчик, который несколько раз встречался со Сталиным и вёл с нимочные изнуряющие переговоры, не был в состоянии понять одну простую вещь:

коммунисты могли подписать любое соглашение, торжественно клясться, что их партия будет его свято соблюдать, а одновременно на каждом шагу его грубо нарушать. Для достижения целей коммунистической революции допустимы любые, даже самые изощренно обманные методы. Такова была логика тех, кто строил в Польше новую, так называемую «народную власть». Для развала партии Миколайчика были использованы именно эти методы оговора, устрашения и террора, а также пустых обещаний тем, кто соглашался выступить против своего лидера. Так, например, согласно достигнутой и подписанной договоренности члены партии Миколайчика должны были получить 30% должностей в государственной администрации. Это обещание так и осталось на бумаге.

Победа над Миколайчиком и его партийным окружением, вопреки ожиданиям, не далась Сталину легко. Во-первых, не удалось принудить лидера Польской Народной Партии к сотрудничеству на условиях Москвы. Он твёрдо придерживался линии возрождения польской демократии. Во-вторых, коммунистам пришлось использовать так называемый запасной вариант удушения последней польской демократической партии, основанный на её расколе изнутри. В июле 1946 года, как сообщал в Москву спецпредставитель МГБ в Польше Семён Давыдов, удалось завербовать одного из ближайших соратников Миколайчика Владислава Керника, политика весьма близкого к основателю партии Винценты Витосу. За плечами Миколайчика Керник и Чеслав Выщех (министр образования в правительстве «национального единства», до войны возглавлявший Высший Совет партии) начали тайные переговоры с коммунистами. Они провели несколько тайных встреч с генеральным секретарем ППР Владиславом Гомулкой, на которых прежде всего обсуждался план отстранения Миколайчика от лидерства партии. Тайное, однако, вскоре стало явным. Возмущенный предательством Миколайчик созвал заседание Высшего Совета партии, на котором потребовал исключений из партии Керника и Выщеха. Как докладывал в Москву Давыдов, большинство членов Совета не согласились с требованием своего лидера. Переговоры с коммунистами продолжились и в конце концов привели к полному подчинению крестьянской партии коммунистам и к вынужденному бегству Миколайчика из страны. Но это уже другая история.

Эугениуш Соболь

Украинское наследие парижской «Культуры»

Ныне в Польше мы наблюдаем все более углубляющийся кризис в польско-украинских отношениях. А потому книга «„Культура“ — Украина. Влеченье к безнадежным делам.

Украина в „Культуре“ 1947–2000»^[1], представляющая собой подборку текстов, публиковавшихся в парижском журнале, а также в ежеквартальных сборниках «Зешиты хисторычне», издателем которых был руководимый Ежи Гедройцем Литературный институт, — это важная путеводная нить для решения спорных вопросов. Диалог, который в послевоенный период вели на страницах «Культуры» польские и украинские интеллектуалы, обращенный к историческим фактам и построенный на рациональной аргументации, был исключительным явлением, абсолютно контрастным в сравнении с сегодняшней манерой коммуникации поляков и украинцев, когда доминируют эмоции и хейт в интернете.

Прежде всего, тексты, составившие рецензируемую книгу (их более сорока), отличаются высоким уровнем эрудиции, публицистическим мастерством и культурой полемики. В соответствии с ситуацией на политической сцене, особой интенсивностью характеризуются польско-украинские дебаты в начале 50-х годов минувшего века, когда предполагалось начало Третьей мировой войны и, в ожидании краха СССР, обсуждалось будущее устройство Европы. Следующий блок текстов, 60–70-х годов, связан с возникновением демократической оппозиции на Украине и репрессиями, которым подверглись интеллектуалы. Заключительная группа текстов касается нового периода польско-украинских отношений в 90-е годы.

Отношения Польши и Украины характеризуются определенной цикличностью. После этапа оптимистичного сотрудничества и реализации концепции Гедройца наступило время, когда действительность начинает с обеих сторон формироваться националистами. Готовя книгу к печати, Богумила Бердыховская уделила внимание тому, чтобы представленная подборка текстов явилась отражением «украинской» стратегии редактора «Культуры», основанной на признании национальной самобытности украинцев, нерушимости границ

и построении партнерских отношений между Польшей и Украиной как независимыми государствами. Одним из самых боевитых авторов в «Страсти к безнадежным делам...» следует, безусловно, признать Юзефа Лободовского. Помещенный в книге текст его авторства «Против упырей прошлого» — это продолжение полемики, вызванной предшествовавшей его статьей «Между Мушальским и Заглобой»^[2], опубликованной в лондонских «Вядомосцях» в 1951 году.

Отвечая консервативным публицистам, попрекающим его тем, что он слишком легко прощает украинцев и не разделяет притязания на «польский» Львов, Лободовский представляет свое видение будущего в тех категориях, которые сегодня приняты в Европейском Союзе. Так, он предлагает отказаться от определений «Восточная Малопольша» или «Галичина» в пользу нейтрального названия «Червинская земля», которая была бы двуязычным польско-украинским регионом.

Лободовский глубоко анализирует сформированные стереотипами комплексы поляков и украинцев в отношениях друг к другу, призывает к единению и прощению в духе христианства (не только в очерке, но также и в сопровождающей его поэме «Постскриптум в рифму»).

Оригинальную форму избрал Ежи Яжембовский, спрашивая в 1989 году мнение американских профессоров украинского происхождения (Романа Шпорлюка, Петра Вандыча, Фрэнка Сысына) касательно возрождения украинского национального движения, но при возможности затрагивая и трудные вопросы, относящиеся, например, к трагическим событиям на Волыни, Украинской повстанческой армии и дивизии СС «Галичина», ставя тем самым своих собеседников в весьма затруднительное положение. Я думаю, что уже и в те оптимистические времена люди круга парижской «Культуры» в полной мере отдавали себе отчет о болезнях, таящихся на дне «польской души», и обозначали необходимость начать польско-украинский диалог именно с трудных, неудобных тем.

Необычайно интересным представляется блок текстов об украинской литературе, открывающих многочисленные ее «белые пятна». Прежде всего, следовало бы отметить очерки Миколы Хлобенко (под псевдонимом М. Слобожанин) и Юрия Шевелева (псевдоним Юрий Шерех) — харьковчан, эмигрировавших из СССР после Второй мировой войны. Они пишут об изничтожении Сталиным украинской науки, культуры и литературы с точки зрения живых свидетелей. Эти тексты обогащают наши знания о киевских неоклассицистах

или харьковских пролетарских писателях, а также об их трагической судьбе.

Совершенно исключительным кажется очерк Юрия Лавриненко «Литература пограничных состояний», представляющий собой попытку перенесения на украинскую почву категорий личной позиции по отношению к коммунизму из «Порабощенного разума» Чеслава Милоша. Хотелось бы привести заголовки разделов очерка: «Павло Тычина, или Игра с дьяволом», «Микола Хвылевой, или Смерть, преодоленная смертью», «Теодозий Осьмачка, или Слабость как последний побег». Текст сопровождает «Комментарий переводчика» Густава Герлинга-Грудзинского, который, заметим, критически относился к концепции Милоша.

«Культура» много места уделила украинской советской литературе, верно полагая, что даже из-под бетонного саркофага соцреализма могут пробиваться ростки свободолюбивых стремлений. Симптоматичным, с этой точки зрения, стал роман Олеся Гончара «Собор», подробно рассматриваемый в очерке Ивана Кошеливеца «Парадоксы украинской действительности». Конечно, среди текстов о литературе не могло не оказаться очерка поэта Лободовского «Сцилла и Хариба украинской поэзии», в которых он вдумчиво интерпретирует произведения киевских неоклассицистов — Павло Тычины, Максима Рильского, Миколы Бажана, а также современных украинских эмигрантских поэтов, иллюстрируя выводы собственными переводами украинской поэзии.

Украинская литературная критика не принадлежит к известным явлениям, поэтому стоит прочесть очерк того же Лободовского «Суд над умершим». Автор сравнивает московский процесс Синявского и Даниэля с подобными репрессиями в отношении критиков Ивана Дзюбы и Ивана Свитлычного в Киеве, обвиненных в «контрабанде» на Запад стихов Василя Симоненко. Столь же интересен обзор Анджея Винценза, касающийся советской украинской литературы 60-х годов, в которой, по мнению автора, сказывается заинтересованность идущими с Запада философскими и литературными веяниями. Особенно высоко автор ставит творчество Лины Костенко и Ивана Драча, продолжающих, по оценке критика, традиции «расстрелянного возрождения».

Книга содержит также ряд ценных сведений о журнальной периодике украинской эмиграции, — я имею в виду обзоры журналов «Сучасність» («Современность») и «Віднова»

(«Обновление»). Особенno ценна, с сегодняшней точки зрения, информация о преследованиях украинской демократической оппозиции в 70–80-х годах. В книге мы находим списки имен с данными о профессии, увольнениях с работы, приговорах украинским диссидентам. Еще один важный документ — «Декларация по украинскому вопросу», призывающая к более тесным контактам между российскими и украинскими группами сопротивления, подписанная, в частности, членами редакции «Культуры», а также российскими интеллектуалами — Натальей Горбаневской, Виктором Некрасовым, Владимиром Максимовым и Владимиром Буковским.

---

1. «Kultura» — Ukraina. Zamiłowanie do spraw beznadziejnych. *Ukraina w «Kulturze» 1947–2000 / Составление, подготовка текстов и послесловие Богумилы Бердыховской. Серия «В кругу парижской „Культуры“.* – Instytut Literacki Kultura. Instytut Książki. Paryż-Kraków, 2016 (на польском языке).
2. Мушальский и Заглоба — персонажи романа Генрика Сенкевича «Пан Володыевский». Первый проявляет толерантность, даже симпатию к украинцам, второй — враждебность/ — Примеч. пер.

Магдалена Огеневская-Малецкая

«Идея становится огромной силой»

Беседа с бывшей сионисткой об идеях, на которых построен Израиль

Сионизм, или еврейское национальное движение, которое родилось в девятнадцатом веке и бурно развивалось в веке двадцатом, был, в первую очередь, ответом на усиливавшийся в то время в Европе современный антисемитизм, но еще и попыткой осуществления еврейской мечты о возвращении в Эрец Исраэль^[1]. В Польше он также был политическим течением, пользовавшимся немалой поддержкой среди сообщества диаспоры, хотя и подвергавшимся сильной критике со стороны большинства ортодоксальных евреев и социалистов, действовавших в рамках рабочей партии «Бунд».

Сионисты исходили из того, что этот утопический проект возрождения еврейского государства станет возможным не только благодаря деятельности политического характера, но и через возрождение еврейского сообщества, поэтому они разработали целую систему образования и воспитания в духе сионистских идей. По всей Польше, особенно в межвоенный период, функционировали школы «Тарбут»^[2], формировавшие юных сторонников сионизма. Обучение там шло на иврите, а среди предметов были, в частности, история Израиля и география Израиля (Палестины). Молодежь воспитывалась и в скаутском движении. Очень популярной сионистской скаутской организацией была «Ха-шомер Ха-цаир» («Юный страж», ивр.).

Другой формой подготовки, в особенности молодежи, к «алие», т.е. эмиграции в Палестину с целью создания еврейского государства, стали кибуцы, или сельские коллективные хозяйства, объединявшие сообщество пионеров. Такие «хахшары»^[3] существовали в Польше в первой половине XX века и, что интересно, были восстановлены после войны. Их первоочередной задачей было обучить сообщество сельскохозяйственным работам, поскольку евреи в Польше никогда не занимались земледелием. Это было невозможно из-за того, что им было запрещено иметь в собственности землю.

Однако, с учетом планов создания в Палестине еврейского государства, эти навыки были необходимы. Поэтому людей обучали, прежде всего, обработке земли и животноводству. Не менее важным, однако, было воспитать молодежь в новой культуре. Так что, как и в сионистских школах, там изучался иврит, история Израиля и палестинография^[4]. Ученики вместе проводили время в пении и танцах, готовили хоровые выступления или спектакли, идея которых также заключалась в пропаганде сионизма.

В рамках сионистских структур — школ «Тарбут», скаутского движения, хахшар — еврейская молодежь воспитывалась в духе иной культуры. Именно эти молодые люди становились пионерами, важными ценностями для которых были коллективизм и равенство. Важна была и духовная закалка, физическая сила, смелость, последовательность в достижении цели. Тогда сформировался новый образ еврея — сиониста, кибуцника и, наконец, уже в Израиле — сабры^[5].

Вот фрагменты интервью с родившейся в 1935 году краковянкой еврейского происхождения, бывшей сионисткой, несостоявшейся эмигранткой в Израиль. Беседа касается системы действовавших в Польше хахшар, а также сионистского образования и школы «Тарбут», в которой училась моя собеседница. Самой важной темой, однако, стали идеи сионизма, вызывавшие у еврейской молодежи интерес к этому движению и мотивировавшие к вступлению в ряды первых поселенцев.

— *Как, по вашему мнению, молодые люди чувствовали себя в такой системе?*

— Знаете, совершенно по-другому, ведь раньше у них не было выбора. Первые поселенцы жили в т.н. хахшарах, знаете, это такое поселение типа кооператива, либо в ишувах, что-то вроде деревень.

— *Вы говорите о самом начале, еще в Палестине и потом в Израиле, когда он уже был создан?*

— Ну да, вначале Палестина, это был ишув, то есть еврейское население, которое там жило. Хахшары — это были такие сельскохозяйственные поселения, они и в Польше были до войны, там ведь готовили к выезду молодежь, которая прежде в Польше не имела ничего общего с сельским хозяйством. Это были фермы для приобретения опыта: когда они уедут, то будут работать на земле в таких же кибуцах. Конечно, те люди, можно сказать, построили эту страну, ведь так всё и начиналось, это

делала молодежь, потому что у нее были силы, у нее была вера. Там были ужасные условия, там была малярия, москиты и, к сожалению, негостеприимные соседи вокруг. В общем, в жутких условиях, но... они просто сделали это. Тогда было так, а сегодня кибуц — это просто не место для молодежи: ведь молодой человек идет в армию, потом хочет получить образование и посмотреть мир. Люди не засиживаются там. В то время, если кто-то хотел поехать учиться, то должен был получить согласие коллектива. Хочешь перейти в соседний кибуц — нужно было получить согласие. Всё решалось голосованием. На эту тему есть отличные израильские фильмы, и можно увидеть, как это было. Но сегодня это совсем другой мир. (...)

— *Как вы считаете, что тянуло в хахшары таких молодых людей, когда они были еще в Польше?*

— Вы знаете, идеализм и вера в то, что у евреев должно быть свое государство, и что оно должно быть там, где когда-то был Израиль. «Идея становится огромной силой, если сумеет овладеть массами». Карл Маркс, но это неважно, как раз здесь он был прав. И они в это верили, и они хотели быть теми, кто это сделает. Конечно, сюда приезжали эмиссары из Палестины и других стран, которые учили молодежь. Учили ивриту, организовывали эти хахшары и кибуцы. Они, в основном, были в Нижней Силезии, так мне кажется...

— *Но в Варшаве тоже было два.*

— Ну вот видите! Они были, и там просто готовили этих людей к выезду, чтобы строить свою страну. В такой момент люди верили, что независимое государство будет.

— *То есть преобладала вера в идею.*

— Да, вера в сионистскую идею, идею Герцля^[6], но ведь было еще обещание в декларации Бальфура^[7], это было как бы обещано. И они ехали туда с верой... знаете, если молодые люди верят в какую-то идею, то готовы идти до конца. И наверняка ими двигала эта сионистская идея.

— *А это были какие-то конкретные группы людей?*

— Да, это были организованные группы. Уезжали они, определенно, организованными группами. Конечно, были и индивидуальные отъезды. Но те люди, что прошли через кибуцы, они, скорее, ехали организованными группами. (...)

— *Почему вы не приняли решения переехать?*

— Что вы, после войны я хотела уехать, как только был создан Израиль, ведь я ходила в сионистскую ивритскую школу. Я тоже была полна идеализма, но нам тогда отказали в выдаче паспорта, и мне пришлось жить здесь, как другим молодым людям, и я просто уже об этом не думала... Да, я была там пять раз, в Израиле, всегда с любовью, но пришла к выводу, что уже не смогла бы там жить. Вы знаете, даже если бы у меня была большая пенсия, ее всё равно пришлось бы отдавать в кибуц, теперь можно часть оставлять, я не знаю точно, как там устроено, но в кибуце ты получаешь всё, что тебе необходимо для жизни, если ты больше ничего от нее не требуешь. У меня всё еще есть какие-то требования к жизни, так что, мне кажется, когда я говорю «в старости», то старость еще не наступила, потому что для меня еще не настал момент, чтобы где-то усесться и на этом всё.

— *Но вы говорите, что ходили в сионистскую школу?*

— Да. В Krakowе была школа под названием «Тарбут», то есть «Культура». И это была сионистская школа. И там нас воспитывали в таком духе, что мы уезжаем, тем более что как раз в то время появилось государство Израиль. Я ходила туда в пятый и шестой класс, а потом школу закрыли. Тем временем, появилось государство Израиль. Ну все собирались ехать на хахшару. Я заставила своих родителей подать заявление на выезд, но... И я записалась на хахшару, и им пришлось подписать согласие, ну что они могли поделать... но мы так никуда и не уехали. Наверное, тогда бы я стала обрабатывать землю, может быть, ездила на комбайне или еще что-нибудь... Конечно, все сложилось бы совсем по-другому.

— *А что еще в тот момент тянуло вас к сионизму?*

— Любовь к Израилю. Понимаете, трудно объяснить любовь, правда? Я была вскормлена... там было такое воспитание, очень сильное... мы изучали историю, обо всех этих героях, о Маккавеях, о тех, кто там в 20-е годы ... о Трумпельдоре^[8]... Так это было, они строили эти кибуцы, возделывали землю, и нужно было сразу выстроить стену с вышкой и поставить там часовых, потому что по ночам на них нападали соседи, и была такая типичная пропагандистская картинка, что одной рукой ты держишь плуг, а в другой у тебя винтовка. На меня такое очень действовало, в этом была романтика. Дело было сразу после войны. Я знала, что нас убивали и весь еврейский народ хотели уничтожить, а тут оказывается, что он может быть очень даже героическим и теперь он таким и будет... Вы знаете,

когда закончилась война, мне было десять лет. Когда я пошла в школу, в эту еврейскую, мне было, кажется, двенадцать, и на человека в таком возрасте это невероятно действует.

— *То есть вас, может быть, тянуло к какому-то ощущению безопасности?*

— Нет, вы знаете, это было привлекательно, какая-то великая романтическая идея — жить такой жизнью воина, который строит государство, который в другой руке держит винтовку.

— *Но и еще что-то такое бунтарское, как бывает в юные годы, правда?*

— Ну, я бунтовала дома, кажется, с рождения, так что, конечно. Я смотрела все эти фильмы, о партизанах, о войне.

— *А как вы тогда представляли себе эту жизнь в Израиле, куда вам хотелось уехать?*

— По правде говоря, как на моих картинках: все вместе работаем, поем, как на слётах шомеров. Была такая скаутская организация «Ха-шомер Ха-цаир», сионистская, ну и у нас были слёты, мы пели, танцевали, устраивали представления. Всегда, если проводились праздники, то не на религиозный манер, а на национальный. Вот так я себе это и представляла — что мы работаем, поем, учимся стрелять...

— *Вы были в шомерах?*

— Да. Два года.

— *И что вам там нравилось больше всего? Что там было такого важного?*

— Всё. Еврейские песни и танцы, и то, что все были так увлечены. Мы все учили иврит и эту героическую историю.

— *Но еще и чувство общности? Ведь вы всё время говорите, что все вместе...*

— Да! Огромное чувство общности, ведь там уже тогда были педагогические методы, неизвестные в других школах. Например, проходили классные часы, и на них все вместе ставили оценки друг другу. И классный руководитель ничего не навязывала, она брала слово последней, и все дети имели право высказаться, что было тогда вообще неизвестно в школе.

— *Но это немножко и корчаковская педагогика?*

— Да. Но не только. Было еще немного... от Макаренко, как мне кажется, но это было так... Очень многие дети там были сиротами, которые пережили войну в детских домах в Советском Союзе, лишенные родителей, и для них был привычен именно такой дух общности. В этом, конечно, были и плохие стороны, но были и хорошие, так как они привыкли к тому, что коллектив — это хорошо, и что каждый в этом коллективе имеет право голоса. А у нас в «Тарбуте» было так, что каждого ребенка уважали, и каждый имел право голоса, именно по-корчаковски. Но Корчак тоже был в Израиле, тоже видел кибуц.

— То есть, эта идея равенства была не только идеей, но, по вашим словам, вы действительно ощущали это?

— Вы знаете, в школе это было до определенной степени. Потому что, когда было нужно, то учителя вмешивались. Я ведь пришла новенькой в пятый класс, а дети ходили туда вместе уже год. Ко мне относились, как к инородному телу. Тем более, что для меня всё это было чуждым, я была воспитана по-польски.

— То есть раньше вы не знали иврита?

— Откуда? Вообще ни слова. У нас дома говорили по-польски. Конечно, родители иногда говорили между собой на идиш, но я даже маленьkim ребенком не любила этого, ведь они говорили, а я не понимала. Меня это ужасно злило. А там мы очень много изучали иврит. И историю евреев, собственно, как историю Израиля. Ну и они там немного относились ко мне, как к инородному телу, я часто ссорилась, ну и дралась, такая уж я была. Но учителя были на моей стороне, они ориентировались, в чем тут дело. А в следующем классе я уже была своей, и конфликты закончились, и я влюбилась в эту школу. Ну а потом в один миг ее у меня отняли.

— А ваши родители тоже были как-то связаны с сионизмом?

— Нет. То есть моя мама была до войны членом Бунда. Это была такая европейская социалистическая рабочая партия, и они были нацелены, скорее, на деятельность в Польше, а не на Израиль. Бунд и сионисты, это, знаете ли, две разные вещи, так что нет. Но мама очень мудро отправила меня в еврейскую школу, она, должно быть, знала, что будет потом. У моей мамы была невероятная интуиция.

— Почему же родители выбрали для вас такую школу?

— Потому что они хотели, чтобы я перестала быть католичкой.

— Так значит, ваша семья, если говорить о вероисповедании, была католической?

— Нет, семья была иудейской, но во время войны нам приходилось притворяться. Мы жили как католики, по арийским документам, но я относилась к этому серьезно и почти год еще не хотела с этим расстаться. Но недели в «Тарбуте» мне хватило, и всё встало на место.

— Значит, семья тоже не была особенно религиозной, если говорить об иудаизме?

— Нет. То есть, мой родной отец, погибший в Освенциме, наверное, был религиозен. Правда, я, кажется, лишь однажды видела его за молитвой. А мама нет. Мама была в Бунде, так что она была, скорее, социалисткой. И они вообще были эмансипированными. Мама до войны работала. Мы жили не в Казимеже^[9], а в центре города. А после войны мама убедилась, что отец уже не вернется. Вышла замуж за еврея родом из Львова, и не знаю, может, они раз в жизни были в синагоге на Йом-Кипур^[10]. Мы ходили на Песах, на седер^[11] к моей тетке. Вот и все праздники. И я просто не интересовалась этим. И дома не было ничего религиозного... знаю, что существовали какие-то кулинарные правила, но я этого вообще не замечала. Я знала, что есть одна кастрюля для мяса, другая для молока, но мне это казалось естественным, и я думала, что все так делают, что молоко не кипятят в той же кастрюле, в которой варят бульон. И я думала, что все всегда так поступают, и не знала, что это как-то связано с кошерностью или вообще с еврейством. Некоторые обычай были естественны для меня.

— То есть это были такие, скорее, традиционные, а не религиозные обычай?

— Конечно. Во время войны, в деревне, мы всё делали, как все, чтобы не выделяться, а после войны мама вернулась к себе, к той, кем она была, а мне всё еще хотелось жить в двух мирах одновременно. Я просто была ребенком, но этот «Тарбут» меня вылечил. Он заразил меня чем-то совершенно другим.

— А что вообще дало вам образование в этой школе, в «Тарбуте»? Вам же не удалось уехать, как вы мечтали...

— Я учила иврит. Конечно, теперь мне пришлось учить его снова, но если ты уже когда-то это знал, то оно возвращается. Я пришла в восторг от иврита с первого звука, с первого слова. Во

мне отозвалась какая-то нота. Я изучала историю евреев, изучала географию Израиля, а кроме того, у нас были все те предметы, что у всех. Ведь это была частная школа, но на правах государственной, так что были все те предметы, что и везде. Я уже начала учить английский, еще тогда. И учила Танах, то есть еврейскую Библию, но так, как когда-то в хедере^[12] — предложение за предложением наизусть, всем классом наизусть. Никто ничего не понимал. Мы должны были это выучить, и дети там бунтовали. Ведь, как я говорила, некоторые приехали из России, совершенными атеистами, и учитель сказал: «Вы не обязаны в это верить, вы обязаны это выучить!». И мы приняли это к сведению, это же была школа. Мы должны выучить. А школа была прекрасной. Больше всего мне нравилось, что на переменах мы пели, танцевали хору, израильские танцы. Ну и эти слёты. Там тоже пели и танцевали. Вообще, ходить в эту школу для меня было бесконечной радостью.

— *Вот вы говорите о религиозных аспектах в школе. Сионизм же был по большей части светским движением.*

— Да. Как, например, мы отмечали Хануку. Это я помню, как сейчас. Была у нас одноклассница со способностями и рвением, ее всегда ставили на такие роли. Была такая сценка. Она сидела на сцене, закованная в кандалы, вся покрытая чем-то черным, сцена была затемнена. Потом на сцене постепенно становилось светлее, начинала звучать музыка, она медленно поднималась и разрывала эти оковы. Это было символом восстания Маккавеев. Потом мы пели ханукальные песни. Для меня это выглядело так — порыв к свободе. И знаете, я сравнивала с польской историей. Мы ведь учились и по обычной программе — ноябрьское восстание, январское восстание, Костюшко и т.д. А там было восстание Маккавеев, восстание Бар-Кохбы. Я видела здесь определенные параллели, что здесь польский народ в неволе 200 лет, а там Израиль... Как-то у меня всё это укладывалось вместе.

— *Но это были ваши личные впечатления, или там так учили?*

— Не знаю. Нас так учили, и я так это воспринимала, как что-то своё.

— *А как вы считаете, эта школа «Тарбут», я еще раз вернусь к ней, дала вам что-то на будущее, для воспитания, образования?*

— Она невероятно сильно закрепила мою еврейскую идентичность, которую ничто не поколеблет, которой я не боюсь, которой не стыжусь, даже напротив, которой я горжусь.

И это стало для меня краеугольным камнем, потому что я всегда знала, кто я, пусть это не так много значило, но потом стало значить.

— *И что для вас сегодня означает быть еврейкой?*

— Знаете, очень многое. Прежде всего, для меня это естественно. Я та, кто я есть. Я человек, женщина, еврейка, краковянка, полька. Та, кто я есть. Я бы не написала этого на плакате. Не пошла бы с такой надписью, как здесь какое-то время было модно: «Я — то, я — это, напиши здесь». Мне этого не нужно. Я еврейка и не обязана носить плакаты об этом, так как для меня это нормально.

— *Но вы говорите, что это некий элемент идентичности, который никогда не изменится, что это оченьочно.*

— Это точно не изменится.

— *Что вы думаете об этой еврейской идентичности?*

— Что я думаю? Ну она просто есть. Никто не должен скрывать ее, если не вынужден этого делать, потому что во время войны это был вопрос жизни и смерти, правда? Но если не вынужден, то нечего скрывать. Это естественно, мы не только обладаем этим, но и как бы обязаны это продолжать. Мы начали это не сегодня и закончим не завтра. Мы звено в цепи поколений.

— *Но что это значит для вас? Ведь, как я поняла, вы не религиозны?*

— Не очень. То есть, да, но по-своему. Это значит, что я не ортодоксальна. Я могла бы оказаться в реформистском течении, может быть, даже в консервативном. Здесь у нас мало таких возможностей. Я познавала религию с ортодоксальной стороны, но очень скоро поняла, что ортодоксия вообще не в моей природе. Так что у меня с Господом Богом просто личные отношения, не ритуальные.

Знаете, в школе я читала рассказы, что, когда люди приезжали, они попадали на такие земли, на пустоши, там были болота, комары... они получали землю либо заболоченную, либо пустынную. В этих пустынях земля была горькой, засоленной и вообще не годилась для земледелия. То, что они превратили ее в плодородную почву, это просто настоящее чудо, и это делали десятки тех пионеров из первой алии, из второй и последующих. Эти люди очень часто отдавали за это жизнь, но они делали это своими руками. Это было невероятно. Эта страна — чудо, и я говорю это не как сионистка. Эта страна

была построена на песке и пустоشاх. Ведь Тель-Авив построен на морских дюнах, а все эти кибуцы, превращенные в райские сады, они создавались в таких местах, где даже птица не пролетала. Так мне рассказывали. Так каким же гигантским, тяжким должен был быть труд этих людей, насколько сильной должна была быть их идея, что они хотели сделать это. Это, на самом деле, достойно восхищения.

— *То есть здесь очень важна была какая-то мечта?*

— Конечно. (...)

— *А что вы думаете о той идее, которая была вначале, относительно воспитания детей, что для этого существовали отдельные дома?*

— Это, во-первых, вытекало из неких убеждений, а во-вторых, из ситуации: ведь там все должны были находиться в поле, поэтому родители не могли заниматься детьми. Дети были вместе под присмотром воспитательницы в яслях. Родители могли работать, не беспокоясь о том, как там дети. А во-вторых, была такая идея, именно колLECTИВИЗМА, что ребенка нужно приучать с малых лет, что всё решает группа, что нет ничего собственного, что всё общее и т.д. Что бы об этом ни думали, это должно было закончиться. Эксперимент не мог продолжаться вечно, поскольку он противоречит человеческой природе. Человек всё же не до такой степени стадное животное, как муравей, так что это должно было закончиться, но такое было.

— *То есть это было решение по велению времени?*

— С одной стороны, по велению времени, поскольку родителям, на самом деле, нужно было иметь свободные руки для работы. Но, с другой стороны, это была такая идеология.

— *Ведь Ниман^[13] довольно критически относилась к этому.*

— Да, эти детские воспоминания были полны боли. (...) Это не соответствует природе человека, поэтому должно было рано или поздно рухнуть. Но это сыграло свою роль, не обязательно негативную, кто-то же должен был всё это сделать. Этим людям приходилось работать, и кому-то нужно было воспитывать детей. Известно, что в будущем все они пойдут в армию. Их нужно было приучить жить простой жизнью и не слишком привязываться к собственности. (...) Нужно помнить, что народ Израиля исторически до какого-то времени был народом кочевников и должен был жить так, чтобы в любой

момент свернуть палатку и идти дальше, так что, может быть, не нужно иметь слишком много вещей. Это всё удивительно, правда?

— Ну да, ведь сионизм обращался к истории древнего Израиля и народа?

— К чему-то же Теодор Герцль должен был обращаться, правда? Знаете, есть очень интересная история. И Теодор Герцль, и Фрейд были родом из Вены. Я читала статью о том, что хорошо, что эти двое никогда не встретились. Ведь Герцль видел сны, мечтал, и Фрейд мог бы излечить его от этих снов, и тогда не появился бы сионизм. Так что, хорошо, что они не встретились. (...) В наше время все повторяют, что Мартин Лютер Кинг сказал когда-то: «У меня была мечта!», но до него мечта была у Теодора Герцля. Эта мечта превратилась в реальность. Он не дожил до этого, но... даже больше, чем ему бы хотелось. Ведь сионисты мечтали о том, чтобы у них было государство, своя полиция, свои воры, свои проститутки. Есть, есть, есть! Даже слишком. Теперь у них все свое — и плохое, и хорошее.

-
1. Эрец Исраэль (Земля Израильская, ивр.) — понятие, означающее историческую родину еврейского народа — Примеч. пер.
  2. «Тарбут» («Культура», ивр.) — еврейская светская просветительно-культурная организация — Примеч. пер.
  3. Хахшара — система трудовой подготовки к алие в странах диаспоры — Примеч. пер.
  4. Палестинография — предмет, включавший в себя знания об Эрец Исраэль, историю сионизма и поселенчества — Примеч. пер.
  5. Сабра (кактус, ивр.) — термин, обозначающий евреев, которые родились на территории Израиля — Примеч. пер.
  6. Теодор Герцль (1860–1904) — провозвестник еврейского государства и основоположник идеологии политического сионизма — Примеч. пер.
  7. Декларация Бальфура (1917 г.) — документ, в котором правительство Великобритании обещало приложить все усилия для создания в Палестине «национального очага для еврейского народа» — Примеч. пер.
  8. Иосиф Трумпельдор (1880–1920) — российский военный, организатор отрядов еврейской самообороны в Палестине — Примеч. пер.
  9. Казимеж — традиционно еврейский район Кракова —

Примеч. пер.

10. Йом-Кипур (Судный день) — самый важный из праздников в иудаизме — Примеч. пер.
11. Седер Песах — ритуальная семейная трапеза, проводимая в начале праздника Песах (еврейской Пасхи) — Примеч. пер.
12. Хедер — еврейская религиозная начальная школа — Примеч. пер.
13. См. Jael Neeman, *Byliśmy przyszłością*, Wołowiec 2012 — Примеч. автора

Эльжбета Савицкая

Культурная хроника

В Королевском замке в Варшаве 7 июня открылась выставка произведений Марчелло Баччарелли. Великолепные портреты! Выставка приурочена к 200-летию кончины придворного художника последнего короля Польши — Станислава Августа Понятовского. Представлено 44 портрета, в том числе больше всего портретов короля.

— Это выставка — не только попытка напомнить о творчестве итальянского живописца, — сказала куратор выставки Дорота Ющак. — Это также повод приблизить к зрителю образ элиты Речи Посполитой XVIII века. Портреты Баччарелли запечатлели много видных персон — семью короля, а также близких ему аристократок и дам его сердца. Демонстрируя элементы костюмов и причесок, картины дают возможность всмотреться в реалии эпохи.

Марчелло Баччарелли, напомнила Дорота Ющак, исполнял множество порученных ему королем обязанностей, далеко выходящих за круг работы придворного художника. Он занимался проектированием и строительством королевских резиденций, приобретением произведений искусства, их финансированием, создал большой цикл картин для Королевского замка и Лазенок. Вдобавок он провел инвентаризацию более двух тысяч работ из королевского собрания живописи. Смело можно сказать, что при дворе Станислава Августа он выступал в роли министра культуры.

Выставка будет работать до 9 сентября.

Тем временем в Национальном музее в Варшаве с 22 июня открылась монографическая выставка Юзефа Брандта (1841–1915), крупнейшего польского баталиста XIX века. На выставке представлено около 300 работ — живопись, акварель, рисунок. Экспозицию обогащает реконструкция весьма оригинальной, «восточной» мастерской Брандта в Мюнхене, в которой художник собрал многочисленные предметы милитарии и восточные костюмы. Юзеф Бранд был ведущей фигурой в польском художественном мире Мюнхена, где он располагал своим ателье и где создал неформальную художественную школу, в которой училось много поляков.

Катрины Брандта открывают мир воинственного эпоса, героя которого — польские рыцари, солдаты-наемники, казаки, турки, татары, а действие разворачивается на восточных рубежах давней Речи Посполитой, на Украине, Подолье, запорожском Диком Поле. Он создавал также небольшие работы бытового жанра, в которых воспевалась овеянная легендами жизнь украинско-польского пограничья; иногда обращался к сценам охоты. Увлеченно писал животных, особенно спутников человека — лошадей и охотничьих собак. Как заметил Генрик Сенкевич, Брандту «нет равных в воссоздании степей, лошадей, одичавших степных душ и кровавых сцен, которые разыгрывались некогда на вековечных этих полях сражений. Такие картины разговаривают, потому что при взгляде на них припоминаются старые традиции, старые песни и рыцарские легенды — словом, все то, что было, прошло и живет только в воспоминаниях, заколдованные очарованием поэзии! Брандт — это просто степной поэт».

Выставка подготовлена в рамках проекта «Трижды независимая в Национальном музее в Варшаве» под Национальным патронатом президента Республики Польша Анджея Дуды к столетию обретения Польшей независимости (1918–2018). Экспозицию можно посмотреть до 30 сентября.

Возможен ли патриотизм без пафоса? Выставка в Краковском музее современного искусства МОСАК, названная «Родина в искусстве», доказывает, что это возможно. Экспозицию составили работы шестидесяти художников из разных стран. Авторов объединяет потребность переоценки понятия национальной идентичности в мире, охваченном цивилизационными переменами. Мигранты, глобалисты, приверженцы взаимоисключающих стремлений, и даже сторонники закрытия границ при нарастающем национализме... «Ныне понимание родины требует глубокой (прежде всего, ментальной) трансформации, — пишут организаторы выставки. — Иначе мы обречены оказаться чужими на чужой родине или принимать чужих на своей. Обе ситуации в эмоциональном плане весьма некомфортны. Сегодня наша родина — весь мир. Таким образом, все люди — это наши соотечественники, и они заслуживают тех же прав и уважения».

— Мы получаем сигналы, чем сегодня является, должна быть или не хочет быть для художника родина. Все это складывается в выраженную потребность по-новому определить этот

термин в изменяющемся мире, — сказала Мария Анна Потоцкая, директор музея МОСАК, одна из кураторов выставки.

Флаги и карты — это постоянный мотив, к которому обращаются художники, представившие произведения на выставку. Об одной из таких работ Моника Куц на страницах газеты «Жечпосполита» пишет: «Инсталляция „Сибирь“ украинского художника Никиты Шаленного кажется поначалу шуточной репликой карты Сибири из развешенных на стене зеленых полотенец. Но в работе есть и более глубокий подтекст. Использованные в инсталляции китайские полотенца — аллюзия на растущую заинтересованность этой частью России со стороны Китая. Сегодня Сибирь (традиционно ассоциирующаяся с дикой природой) индустриализуется, часто именно за счет строительства китайских предприятий на ее территории». Krakowska вставка, как отмечает Моника Куц, в польском разделе имеет историческую точку отсчета. Это копия картины Яна Матейко «Полония» — знак, что вместе со свободой приходит время для обновления патетического образа несчастной, героически страдающей и закованной в кандалы Польши.

Выставку «Родина в искусстве» можно посмотреть до 30 сентября.

Лауреатом премии им. Рышарда Капущинского за литературный репортаж 2017 года стала Анна Биконт за книгу «Иrena Сендлер. В подполье». Эта книга, как написала член жюри Дорота Данелевич, «не только о судьбе и личности великой Праведницы. Из океана фактов, документов, человеческих судеб, событий и писем автор складывает многомерный пазл трагического периода польской истории. Идет война: польско-еврейская и польско-польская.

Важный сюжет в повествовании — это истории нескольких десятков женщин, которые с 1942 года до конца оккупации рисуют жизнью для спасения нескольких сотен детей из варшавского гетто. Такую позицию разделяли далеко не все, приходилось действовать в условиях опасности со всех сторон, опасаясь как немецких оккупантов, так и польских доносчиков. Драма спасения еврейских детей и послевоенные их жизненные пути под знаком Катастрофы — это еще одна важная тема книги.

Биконт прочесывает архивы, внимательно анализирует высказывания и публикации, посвященные истории

Праведников и Спасенных. Одни лишь примечания — это отдельная повесть. Поиски привели автора и к прояснению некоторых личных моментов в жизни героини, однако здесь невозможна однозначная оценка: Иrena Шендлер, как можно понять, жила „в подполье” до конца».

Председатель жюри Петр Мицнер в речи в честь лауреата назвал произведение «книгой, способной сделать мир лучше».

В Кракове во время торжественной церемонии в Конгресс-центре «ICE Краков» уже в шестой раз вручались премии им. Виславы Шимборской. В нынешнем году лауреатом стала Юлия Федорчук, а признание со стороны международного жюри под председательством испанского поэта и переводчика Абеля Мурсии Сориано принес ей сборник «Псалмы». В очерке «Без ранжирования. О новой поэзии женщин» на страницах журнала «Творчосць» Кароль Малишевский писал: «Юлия Федорчук — это поэтесса, вовлеченная в экологическое и биологистическое течение современной польской литературы. Сама она определяет это как поворот в сторону того, что не-человеческое, телесное, материалистическое». Премию им. Виславы Шимборской в категории поэзии, переведенной на польский язык, получили шведская поэтесса Линн Хансен за сборник «Перейди к истории» и переводчица книги на польский Юстына Чеховская.

Любимая читателем детективная литература также имеет свою премию. В нынешнем году эту премию, «Крупный калибр», которой удостаивается лучший детективный роман минувшего года, получил Рышард Цвирлей за книгу «Знают только умершие». Премию вручали во Вроцлаве во время Международного фестиваля детектива. Действие отмеченной премией книги разыгрывается в межвоенные годы в городке Пила, в период острейшего экономического кризиса. В 1932 году, накануне визита Адольфа Гитлера, в городе происходит убийство, жертвой которого становится известный коммунистический деятель. Рышард Цвирлей получил также премию читателей «Крупного калибра».

В Концертной студии Польского радио им. Витольда Лютославского в Варшаве вручались Ежегодные премии министра культуры и национального наследия. За

совокупность творчества отмечен Ян Энглерт, который сказал, что актеры — это представители свободной профессии, но, добавил он, «актерство — это также публичная профессия». «К свободе давайте прибавим зависимость, потому что публичная профессия — профессия зависимая, профессия, обусловленная особыми критериями и подлежащая особенной оценке. Думается, что свобода — это свобода выбора. Каждый из нас много раз делает выбор, а в актерской профессии такой выбор особенно ответствен и особенно труден», — отметил Ян Энглерт. Среди шестнадцати лауреатов, в частности, актер и режиссер Веслав Комаса (в категории «Театр»), а также отсутствовавший на церемонии актер Марьян Дзендзель (в категории «Кинематограф»). Министр Петр Глинский попросил агента Дзедзеля передать премию артисту, являющемуся «столпом польского кино». В категории «Музыка» лауреатом премии стал режиссер и автор инсценировок опер Рышард Перыт. Литературную премию получили автор исторических романов Эльжбета Херезинская и публицист Бронислав Вильдштейн.

В Белостоке в июне проходил Фестиваль еврейской культуры «Зацхор», организованный Центром гражданского просвещения Польша-Израиль и еврейской конфессиональной гминой в Варшаве. В ходе фестиваля состоялись, в частности, концерты klezmerской и сефардской музыки, экскурсия по еврейскому кладбищу, мастер-классы еврейской кошерной кухни и еврейских танцев. Для детей проводился конкурс изобразительного искусства с тематикой еврейских символов и традиций. В Белостоке перед Второй мировой войной жило около 50 тыс. евреев; фестиваль должен об этом напомнить самим своим названием: «зацхор» на языке идиш — это «обращение к памяти».

Перед сезоном отпусков — несколько премьер. «1984» Джорджа Оруэлла поставила в варшавском театре «Повшехны» Барbara Высоцкая.

— Моей целью не было дословное переложение Оруэлла на день сегодняшний, — сказала режиссер перед премьерой. — Мы можем и через пятьдесят, и через сто лет снова проснуться в мире, который показан в этом романе.

В анонсе премьеры на сайте театра отмечается, что «Оруэлл описывает общество, подверженное контролю и слежке, где за

каждым шагом гражданина наблюдает Большой Брат. Это анализ тоталитаризма, механизма угнетения и его укорененности в человеческой природе. Того, что неизменно и поразительно (было в 1948-м, было в 1984-м, существует в 2018-м и будет в 2081-м), что «сидит» в человеке, в наших головах, в наших повседневных поступках, что заставляет нас любить власть и желать именно того, что нами повелевает и что держит нас под контролем».

В театре «Народовы» в Варшаве известный литовский режиссер Эймунтас Някрошюс подготовил свою сценическую версию драмы Витольда Гомбровича «Венчание», найдя к произведению совершенно иные подходы, чем ранее Ежи Яроцкий или Ежи Гжегожевский. В первый раз в истории постановок «Венчания» в ролях Матери и Маньки выступает одна актриса — Данута Стенка. Ежи Радзивилович, блестательный Генрик в спектакле Яроцкого, в этот раз играет Отца.

Во Вроцлаве во время Международного форума музыки 16 июня был открыт памятник Игнацию Падеревскому. Памятник создан на средства городского самоуправления и представителей вроцлавского бизнеса в связи со столетием обретения Польшей независимости. Монумент представляет собой бюст Падеревского, установленный на стеклянном постаменте, и увековечивает два вроцлавских концерта Падеревского — в 1891 и 1901 годах.

Прощания

3 июня в Варшаве в возрасте 57 лет умер Роберт Брылевский — вокалист, гитарист, композитор, автор песенных текстов, один из основателей групп «Кризис», «Бригада Кризис», «Израиль», «Армия». Начиная с 70-х годов выпустил несколько десятков альбомов. Вместе с лидером группы «Тильт» Томашем Липинским основал «Бригаду Кризис», а в 1982-м музыканты выпустили альбом под тем же названием, который стал первым в Польше альбомом панк-рока, а позже был признан одним из важнейших событий в истории польской рок-музыки. Музыканту был близок не только панк-рок, но также регги и электронная музыка. «Роберт Брылевский заложил

основы всей независимой культуры», — сказал об умершем музыканте лидер группы «T. Love» Зыгмунт «Мунек» Стащик.

7 июня в возрасте 81 года Варшаве скончалась Барбара Вахович, писательница, автор произведений для сцены, выставок, радио- и телевизионных программ, посвященных памяти великих поляков, таких как Тадеуш Костюшко, Адам Мицкевич, Юлиуш Словацкий, Циприан Камиль Норвид, Фридрик Шопен, Генрик Сенкевич, Стефан Жеромский, герои «Камней на шанец» и Варшавского восстания, харцеры «Серых шеренг». Она писала романы, посвященные любви и тайнам в жизни писателей, — например, «Дом Сенкевича», «Тебя одну люблю. Тропами Стефана Жеромского на его малой родине», «Марии его жизни», «Мальвы на левадах», а также цикл «Верная рука харцерства».

11 июня в Лодзи умер Роман Клоссовский — актер кино и театра, особо прославившийся в роли Романа Малиняка в сериале «Сорокалетний», созданного в 70-е годы прошлого века Ежи Грузой и Кшиштофом Теодором Теплицем. Сыграл также в таких фильмах, как «Покушение» Ежи Пассендорфера, «Гидрозагадка» Анджея Кондратюка, «Эроика» Анджея Мунка, «Петля» Войцеха Ежи Хаса, «Шляпа пана Анатоля» Яна Рыбковского, «База мертвых людей» Чеслава Петельского. В его фильмографии — также роль сержанта-подхорунжего Стасько в сериале «Четыре танкиста и собака» Конрада Наленцкого. В театре его занимали преимущественно в комедийных ролях, хотя сам актер тяготел к драме: «Мою комедийность открыла публика. Я играл совершенно серьезно, а люди заходились смехом. Меня это слегка смущало, но и дало понять, что во мне есть что-то забавное». В Театре телевидения сыграл, в частности, роль Швейка в спектакле «Встречи со Швейком» по Ярославу Гашеку и роль Кролика в «Алисе в стране чудес» по Льюису Кэрроллу. Роману Клосовскому было 89 лет.

Войцех Карпиньский

Разбойничий книги и города (Ч. 5)

Из архива 2 программы Польского радио

Мое первое путешествие в Соединенные Штаты стало опытом, который оказал на меня сильное влияние, сформировал меня. Это был период, когда после того, как я подписал «Письмо 59»^[1], мне долго отказывали в выдаче загранпаспорта, но после нескольких попыток документ я все же получил. Я запомнил — это случилось в декабре 1977 года.

Тогда же я был удостоен «Award in Writing», литературной премии университетского фонда «Ingram Merill». Сначала я думал, что эта премия, точнее стипендия — дело рук моих друзей. Потом оказалось, что ее основал очень богатый американский поэт — прекрасный, один из величайших в XX веке — Джеймс Меррилл. Эта премия позволила мне пробыть в Штатах девять месяцев. Я провел их в Принстоне, в Нью-Хейвене, в Гарварде, в Остине (Техас), то есть в университетских городах, жил также в Нью-Йорке, городе, где интеллект и культура, с одной стороны, и насилие, жестокость общественной жизни — с другой, сплетаются друг с другом совершенно поразительным образом.

1978 год для США — это социальные конфликты, но также и всплеск свободы общественных нравов и художественной свободы. Появлялись очень интересные новые публикации, новые театральные спектакли. В какой-то момент мы с моим другом — Марцином Крулем — отправились в путешествие по Соединенным Штатам, в лучших американских традициях, то есть на огромном старом автомобиле, купленном Марцином в Остине. Мы двинулись на запад и проезжали по пути неописуемые чудеса природы, созерцали пейзажи, перед которыми язык европейца бессилен. Эта поездка оказалась для меня не просто эстетическим переживанием, но и уроком языка, потому что передо мной предстал не только новый мир в смысле общественных явлений, но и новая природа — то есть новая культура и собственно природа. Мы ехали через Большой каньон, через Долину Смерти, добрались аж до Сан-Франциско. Сан-Франциско был тогда мировой столицей эротической свободы, одной из всемирных столиц живописи,

изобразительных искусств. Для поляков Сан-Франциско — место, где жил величайший польский поэт XX века — Чеслав Милош. Мы с ним встретились.

Эти контрасты меня поражали, и — в качестве способа освоения Америки — я написал книгу «В Центральном парке». Эта книга открывается описанием «Риголетто», бесплатного спектакля под открытым небом, который Метрополитен-опера, лучший оперный театр в мире, поставила для десятков тысяч американцев, собирающихся в Центральном парке. Во время этого представления перед моими глазами проплывали разные духи, добрые или злые, но неизменно подлинные, то есть связанные с моей реальностью. Этими духами были те, кто стал моим проводником в Америке и в новом свете: Владимир Набоков, который учил меня, что такое литература, Дэвид Хокни — прекрасный английский, а тогда уже американский художник, который учил меня, что такое живопись, Александр Солженицын, который учил меня, что такое политика, Алексис де Токвиль, который учил меня, что такая общественная жизнь, и два польских писателя, чьи книги, в Польше тогда запрещенные, я читал в Америке — Витольд Гомбрович и Чеслав Милош.

Специфической чертой польской литературы, ее сокровищем, но, вне всяких сомнений, также и ее проблемой, является то, что произведения особого рода, такие существуют в каждой литературе — фундаментальные, «ставящие голос» этой литературы, обозначающие наиболее мощное ее течение — так вот, эти произведения в польской литературе на протяжении последних двухсот лет создавались за границами страны. Так сложилось в польской истории, польской социологии, так сложилось в польской культуре, что те произведения, которые учат нас, как говорить — то есть «Дзяды» и «Пан Тадеуш» Мицкевича, политические тексты Мауриция Мохнацкого, творчество Юлиуша Словацкого, Зигmunta Красинского, те тексты, в которых воплотилась общественно-историческая проблематика — так вот, все они были созданы за границей.

Эта ситуация повторилась в XX веке, точнее в начале второй половины этого столетия. На сей раз меньшинство из меньшинства, меньшинство эмиграции взбунтовалось уже не только против чужого господства в Польше, но также против определенного течения польской традиции. И эти люди — разбросанные по миру, но связанные журналом, их публикавшим, то есть парижской «Культурой», и личностью Ежи Гедройца, главного редактора этого журнала — личностью безусловно непростой, но исключительной — стремились дать

свидетельство: что такое свободный человек в XX веке. Созданные тогда произведения принадлежат к этому мощному течению польской литературы, которое и сегодня оказывает на нас огромное влияние и сохранит свое значение на многие десятилетия.

В поэзии это явление воплотилось в творчестве Чеслава Милоша, но в поэзии мы всегда были богачами, разнообразие моделей потрясающее. Если говорить о прозе, ситуация в Польше всегда была иной, в прозе мы всегда были бедняками; польская проза отличается плохо поставленным голосом. С моей точки зрения — но думаю, ее разделяет все большее число читателей, — за всю историю польской прозы существует лишь одно произведение, которое в самом деле показывает, как современному свободному поляку следует говорить о себе и о других — это «Дневник» Витольда Гомбровича, вот почему этот текст будет жить, пока жива польская литература.

Эти заявления звучат высокопарно, но думаю, что они необходимы, чтобы определить положение, в котором мы оказались. Часто спрашивают: по-прежнему ли так важна для нас эмигрантская литература, продолжает ли она на нас воздействовать? С точки зрения социологии, 1989 год безусловно означал некий конец, но в более глубоком смысле, поскольку это произведения, которые «ставят» голос польской литературы на годы, десятилетия и даже дольше, я не сомневаюсь, что и в XXI веке мы будем ощущать свет, излучение этих произведений, этих текстов, и именно об этом я писал в своей книге под украденным у Мицкевича названием «Разбойничьи книги».

Две другие мои книги могли бы быть названы «Тайные мастера». В них я пытаюсь рассказать о тех, кто был для меня особенно важен, о мыслителях, художниках, писателях, которые свидетельствовали о себе и о мире, и свидетельство это, в моем понимании, актуально и для сегодняшнего, и для завтрашнего читателя. Чаще всего это были люди, не вполне понятые своей эпохой или не распознанные вовремя как «тайные мастера». Быть может, в этом и заключается одна из тайн их мастерства.

Это люди — художники, писатели, мыслители — очень разные. Например, писатель, не поддающийся какой бы то ни было классификации, трудно даже сказать, русский он или американский, европейский или трансконтинентальный. Писатель по имени Владимир Набоков. Автор «Лолиты», но для меня это прежде всего автор последних русских романов, быть может, в особенности «Дара», а также автор удивительных

воспоминаний, которые рассказывают о том забытом и знакомом крае свободной русской культуры, культуры либеральной, не националистической, которая после революции была вытеснена, предана забвению не только в Советской России (что объяснимо), но зачастую и в эмиграции.

Таким «тайным мастером» является и Юзеф Чапский, человек огромного темперамента, очень легко принимаемый людьми — подобно тому, как и он сам легко принимал других.

Несмотря на это, с моей точки зрения, он остался недооценен — и как художник, и как безусловно величайший в Польше автор текстов об искусстве, и как необычайно важный — и в польской литературе это явление исключительное — писатель-метафизик (я имею в виду «Вырванные страницы», фрагменты дневника).

Таким «тайным мастером» для меня (и должен сказать, что в каком-то смысле все мое творчество в какой-то степени — результат увлечения этой фигурой) является Константы Еленьский, великолепный польский эссеист, но прежде всего человек огромной культуры. Мало какой культуре в XX веке повезло иметь такого проводника. Сама эта формула экзистенциальной, социальной ситуации говорит о том, что Константы Еленьского нельзя отнести к одной лишь польской культуре. Он был многоязычен — писал и переводил на французский язык, чувствовал себя как дома также в области английской, итальянской, немецкой культуры, но наиболее важна была для него область культуры польской; польский язык, на котором он писал, — сегодня большая редкость, это язык культурного дворянства, социального слоя, который исчез, и вслед за которым частично исчез и его язык, но остались свидетельства. Этим или подобным языком пользовались Витольд Гомбрович, Чеслав Милош, Юзеф Чапский, Ежи Стемповский Казимира Иллакович, Ярослав Ивашкевич, Ксаверий Прушиньский, все это фигуры разные, но было у них и нечто общее — открытость по отношению к другим культурам, поразительный языковой слух, погруженность в мощное течение польского языка и одновременно присутствие в мощном течении европейской культуры.

Записала в 1998 г. Лидия Новицкая, расшифровка Богумилы Пишондки.

Перевод Ирины Адельгейм

-
1. Протест (1975–1976 гг.) польской интеллигенции против изменений в Конституции ПНР (положение о руководящей

роли ПОРП и о дружбе с СССР). Одним из подписавших протест был Войцех Карпиньский. — Примеч. пер.

Лешек Шаруга

Выписки из культурной периодики

Из года в год Западная Европа отмечает круглые даты: в 2017-м — 500-летие выступление Мартина Лютера, который разделил католический запад континента на папскую и протестантскую части; в нынешнем году — 400-летие вызванной этим расколом начала Тридцатилетней войны, которая опустошила многие страны Запада (население германского мира уменьшилось тогда с 21 до 13 миллионов), явившись предвестием последующих европейских, а по сути, также мировых катализмов: в Тридцатилетней войне шла борьба и за колониальное влияние. Венцом же стала Вторая мировая война, 80-летие начала которой мы будем отмечать в 2019 году, не забывая, что «инаугурацией» этого конфликта стало вторжение в Польшу нацистских, а также советских войск. Более мелкие войны велись на континенте и в мире и до 1618 года, и после того, однако именно Тридцатилетняя война имела фундаментальное влияние на последовавший ход событий в западноевропейском пространстве; к счастью, Польшу этот конфликт, в принципе, не затронул.

Однако о нем посчитал нужным напомнить на страницах издания «Тыгодник повсехны» (№ 22/2018) Анджей Кравчик в обширной, полной подробностей статье «Началось в Праге»: «Когда 23 мая 1618 года в столице Чешского королевства, входившего в Священную Римскую Империю Германской Нации, занимался день, жители в напряжении ждали, какие события он может принести. И в самом деле: хотя никто тогда не мог подобного даже допустить, то, что случилось в тот день, стало сигналом к Тридцатилетней войне — самому страшному конфликту в истории Европы (страшнее оказались лишь две мировые войны, уже в XX веке)». Чехи воспротивились императорскому указу, запрещавшему, в частности, строительство протестантских церквей, и выбросили из окна на Пражском Граде имперских наместников. Дошло до бунта. «Как следствие чешского восстания, началась цепная реакция — в виде последовавших затем конфликтов: революции в Нидерландах, габсбургско-французских войн, а также войн за доминирование на Балтике (в последних ключевую роль довелось сыграть Швеции). Главной ареной конфликта стали германские земли. Когда в 1648 году был подписан мирный

договор (названный Вестфальским), огромные их пространства оказались выжженными и безлюдными. (...) История Тридцатилетней войны — это сфера непрекращающихся дискуссий, лишь внешне обращенных в прошлое. Чем был конфликт: религиозной войной, серией социальных революций или классической схваткой за влияние между Габсбургами и Францией, с участием Швеции? Что лежало в природе исторических процессов: вызвала ли европейскую гекатомбу Пражская дефенестрация (это напоминает вопрос, было ли причиной Первой мировой войны убийство в Сараево эрцгерцога Фердинанда)? Можно ли узнать подлинные цели людских поступков? Насколько глубокой (и широкой) может быть религиозная мотивация? (...) По сути дела, это вопросы миропонимания».

Такие вопросы возникают в романе Гюнтера Грасса «Встреча в Тельgte»: в заглавном городке Тельgte собираются, по окончании Тридцатилетней войны, поэты из немецких земель, чтобы решить, как жить и писать после такого страшного испытания. Подобное происходило в Германии после Второй мировой войны, когда сам писатель и его ровесники создали знаменитую «Группу 47», о которой в 1990-м Грасс написал в эссе «Письма в Освенцим», что одной из главных тем их послевоенных диспутов стал вопрос о том, можно ли писать и как писать перед лицом опыта Катастрофы, к тому же принадлежа к нации, ее осуществившей. Но в те же времена европейские политики предприняли попытку найти практическое решение, которое позволило бы избежать подобных конфликтов в будущем. И разумным решением представлялось объединение соперничающих между собой европейских стран в сообщество, в котором возникающая между его членами напряженность была бы снята посредством достижения компромиссов за столом переговоров. Именно такими, по сути, были начала сегодняшнего Европейского союза, о которых, как представляется, едва ли не все забыли и которые, разумеется, уже не были очевидными для стран, вступивших в Союз после 1989 года, рассматривая его как, прежде всего, источник финансовой поддержки для осуществлявшейся после высвобождения из коммунизма экономической и социальной трансформации, хотя соответствующие договоры свидетельствовали о признании тех принципов, которые являются обязывающими в Евросоюзе.

И эти принципы с течением времени оказывались для многих восточноевропейских политиков слишком стесняющими, что выразительно продемонстрировал польский вице-премьер

Ярослав Говин в опубликованной на страницах «Польши. The Times» (№ 46/2018) статье под заголовком «Европа. Новое открытие. Польша в Евросоюзе как компаньон, а не клиент». Начало кажется созидаельным «„Мы, Европейский союз”, — такую формулировку мы в Польше все еще слишком редко используем при обсуждении политических вопросов. Мы слишком редко говорим о Европе именно в первом лице». Но уже следующее предложение — это старательная попытка переключить внимание на собственную, вовсе не обязательно разделяемую иными, интерпретацию Сообщества: «А уж если такого типа формулировки и появляются, то лишь в контексте противопоставления национальной идентичности — как анахроничной — новой, идеалистической, а по сути утопической европейской идентичности». Дело, однако, в том, что возвращение европейской идентичности не исключает уважения к национальной идентичности; и нет здесь ничего утопичного, даже напротив — это реально действующая установка. Можно, конечно, противопоставлять эти две идентичности, но с учетом исторического опыта такое противопоставление абсурдно. Тем более что (и это естественно) многие люди в Польше свою европейскую идентичность трактовали как очевидную даже в период коммунизма.

В этом вопросе г-н Говин предлагает «новое открытие» как раз перед лицом кризиса, порожденного ростом влияния партий популистов и евроскептиков в странах-членах ЕС. Причем такие партии польский вице-премьер считает представляющими «обычных европейцев», в каком термине, соответственно своему образу мыслей, видит повод для антиномий: «Голос простых европейцев — это все более сильный призыв к переменам. Призыв к пониманию Европы как сообщества суверенных государств, а не как наднациональной или вообще антинациональной утопии. Призыв к ответственной модернизации государств, окружающих Европу, в Африке или на Ближнем Востоке, — вместо безответственного дренирования тамошних обществ прекраснодушной иммиграционной политикой. К солидарности по отношению к российской агрессии — вместо антиевропейских проектов типа „Северного потока”. К приверженности Европы своим собственным, уникальным корням, которые веками вдохновляли пришельцев со всего мира, — вместо пустой идеологии мультикультурализма, делающей нас беззащитными перед религиями и культурами, не терпящими оппозиции. Голос простых европейцев, призывающих к возрождению Европы, должен быть наконец услышан. Игнорирование его теми, кто пытается европейскую

интеграцию увязать с идеологией политкорректности, — это смертельная угроза единству нашего континента». Я полагаю, что такие выводы достойны самого Александра Дугина — может быть, с небольшими поправками, ну и исключив его убежденность, что для Польши нет места на евразийском материке.

По отношению к последнему г-н Говин сомнений не испытывает: для Польши есть место, вдобавок место это должно быть значимым: «Ведь трудно себе представить стабильную, динамичную и полноценную Европу без сотрудничества Польши, Германии и Франции — трех наиболее крупных государств, расположенных в ее сердце. Без масштабности этих трех культур и экономик, которые веками были маховиком развития Европы. И хотя польская история сложилась так, что мы должны динамично преодолевать сложившееся в результате разделов, оккупации и коммунизма отставание от Германии или Франции, однако уже нельзя не признать Польшу одним из лидеров европейской интеграции». Вот так вот, незаметно, несмотря на какие-то там двести лет отставания в развитии, вырастает Польша в континентальную державу, притаившуюся перед тигриным прыжком. Что ж, в политике не раз уже добивались того, что невозможное становилось болезненно реальным, и уж, во всяком случае, можно помечтать, рисуя утопии альтернативной истории: «В 2008 году во время саммита НАТО в Бухаресте Польша боролась на стороне тогдашней республиканской администрации [США] за распространение на Украину и Грузию так называемого Плана действий по членству, что открывало обоим государствам двери в НАТО. Противодействие наших союзников по Евросоюзу привело к тому, что этого не произошло. Сегодня, глядя на войну на Украине, можно задать себе вопрос: отважилась бы Россия развязать войны всего за тысячу километров от нашей границы, если бы Украина была членом Альянса?» Лично я, однако, задаюсь вопросом, почему Польше не удалось склонить в пользу этой инициативы «наших союзников по Евросоюзу».

И вот в поиске «голоса обычного европейца» наталкиваюсь на фельетон «Падают маски», опубликованный журналистом и прозаиком Брониславом Вильдштейном, в еженедельнике «Сети» (№ 23/2018). Автор рассказывает, разоблачая начинания формирующих политику ЕС либеральных демократов: «Раньше опека над сообществами осуществлялась под лозунгом демократии, но, когда оказалось, что они могут быть невежливыми, шалости закончились. От демократии остался исключительно либерализм. Политики, такие как Ги

Верхофстадт, шеф фракции либералов в Европейском парламенте, или президент Франции Эммануэль Маркон, призывают, чтобы Евросоюз прекратил финансирование „иллиберализма”. Другими словами, открыто объявляют, что эта организация должна быть локомотивом либеральной идеологии. Правду сказать, никто этого нигде не написал и не заявил об этом публично, но, как видно, представители европейского истеблишмента считают, что это само собой понятно. Либеральная демократия — это такая, при которой должны править они и их приятели, а ежели кто-то не согласен с этим положением вещей, надо такому дать по рукам. (...) Им казалось, что все уже устроено как надо. Все в руках одной компашки: банки и СМИ, издательства и университеты, политики и правосудие, культура и природа, — все было, как в хорошем синдикате (...), и плюрализм был приемлем, пока вдруг, словно из-под земли, не возникли популисты. А если не согнутся даже под экономическим давлением?»

Что ж — наверняка будет весело...

Ольга Токарчук

Transfugium

Ольга Токарчук (фото: К. Дубель)

Когда она выезжает со стоянки, авто-авто задает ей пару дежурных вопросов, в частности: поставить ли музыку, и если да, то какую, повысить или снизить температуру в салоне, ароматизировать ли воздух, и если да, то каким запахом. Уточняет, что в цену поездки входит разговор на избранную тему, и монотонным голосом начинает перечислять: «Области возмещения медицинских страховок после вживления», «Прибыльные инвестиции — рынок недвижимости на Гренландии», «Переход с билатеральных систем на однополярные — затраты и выгоды». «Как бренд „Baby-Design“ стал частью эволюции», «Здоровье — антропогеронтология — перспективы развития»...

— Нет, спасибо, — говорит она и для большей убедительности добавляет: — Нет-нет.

Воцаряется приятная для уха тишина, хотя в какой-то момент возникло иррациональное ощущение, будто авто-авто разочарованно хмыкнуло. С этого момента оно движется согласно указаниям со спутника, плавно, стабильно, почти бесшумно, не обгоняет против правил, не совершает рискованных маневров, пропускает пешеходов на зебре и посредством огромного числа всевозможных датчиков следит за животными, даже теми, которые в последний момент выбегают под колеса. Женщина сворачивается в углу

калачиком и, хотя ей вовсе не холодно, прикрывается курткой. И вот что ей снится:

— Посмотри, — говорит старшая сестра.

Они в старом доме стоят над мойкой, в семье какие-то праздники, они что-то готовят. Она смотрит на руки сестры и с ужасом замечает, как под струей воды из крана руки исчезают. Размываются, тают, как лед.

— Посмотри, — говорит сестра, поднимая две культи. — Мне они уже нужны не будут.

Ей снилась сестра, к которой она едет. Рената.

Клиника находилась далеко от аэропорта, и поездка длилась три часа. Авто-авто ехало по все более узким дорогам, на обочинах которых появлялись желто-красные таблицы с двумя буквами «Т» и «F». «F» располагалась чуть выше «Т», а сам логотип напоминал лестницу, ведущую вверх, поэтому в Transfugium^[1] человек входил, как в Обетованную землю, и эту в некотором смысле мистическую символику усиливали светящиеся билборды с изумительными подвижными картинами дикой природы. Она смотрела на них равнодушно, ее это не впечатляло; по непонятным причинам она была привязана к тому, что давал людям город — умиротворение в безопасно запланированном пространстве, в самый раз для человеческого разума и на человеческую мерку.

Ее ждал небольшой деревянный дом, с четырьмя спальнями и просторной гостиной, точно такой, какой снимаешь для семьи на все лето. Камера при въезде внимательно осмотрела ее лицо, после чего ворота бесшумно открылись, и авто-авто подъехало к самому дому. Она вышла из машины, взяла свой легкий багаж, машина вежливо поблагодарила ее и исчезла. Женщина на мгновение почувствовала себя провинившейся, что отказалась от контакта с ней и проспала всю дорогу, но, естественно, это было нелепое чувство, как и все эмофейки.

Дом был подготовлен на славу: постель убрана, стол накрыт, холодильник полон, свежие полотенца, звучит классическая музыка, стоит бутылка хорошего вина с наилучшими пожеланиями от фирмы. Первое, что она сделала, — налила себе вина.

Деревянная терраса выходила на озеро к спокойной в этот момент воде и темной линии противоположного берега. Другие бунгало, почти незаметные среди деревьев, казались тихими и мрачными, но возле одного она увидела машину — внутри горел свет. Значит, в эту ночь ее сестра не будет одинока. Где-то далеко, сзади, в глубине леса возвышались огромные строения Клиники, их стеклянные стены создавали оптическую иллюзию леса, поэтому присутствие строений скорее можно было ощутить, нежели обнаружить. Вокруг безмолвие, пахнет лесом, опавшими иглами, грибницей, смолой, и трудно поверить, что это не какой-нибудь провинциальный диспансер, а одна из крупнейших на свете клиник в области трансмедицины.

С момента последней их встречи пару месяцев назад, она уже больше не могла связаться с Ренатой, хотя сестра ее находилась где-то тут, в стенах комплекса Transfugium, совсем близко. Ей подумалось, что, наверное, она бы уже не смогла ее узнать. Осознавать это было очень неприятно — все в ней рвалось на помочь сестре, но приходилось себя сдерживать. В прошлый раз ее просвещали: проработать этот иррациональный эффект можно так же, как прорабатываются эмофейки. Тут действует хорошо выученная мантра: эмоции всегда настоящие, ненастоящей, фальшивой может быть лишь их причина. Эмоции, возбуждаемые фальшивыми причинами, столь же сильны, как и те, что возбуждаются настоящими причинами, поэтому они часто вводят человека в заблуждение. Их надо просто пережить.

Был уже полдень, наступило время визита, и она, немножко озябшая, пошла в сторону огромных павильонов. Шла вдоль застеклованных графитовых стен, отражающих небо над верхушками деревьев. Искала каких-нибудь дверей или окон, или какой-нибудь щели, но всеказалось не пропускающим свет и совершенно гладким, будто отлитое из одной формы. Главного входа не было, заглянуть внутрь нельзя.

Она дошла до возвышающейся темной стены и сказала: «Я пришла». Стояла так с минуту, чтобы Здание Transfugium смогло ее осмотреть и идентифицировать. «Вижу тебя», —казалось, говорило оно и впустило ее внутрь.

Профессор Хои, который занимался ее сестрой и отвечал за весь процесс трансфугации, был бисексуалом, со стройной спортивной фигурой. Он сбежал к ней по лестнице и тепло улыбнулся, почти как подружке. На нем был черный облегающий тренировочный костюм и надвинутая на лоб шапочка. Может, Хои — это женщина, подумала она,

голографический бейджик на рукаве не помогал определить пол. Так же, как Хои, выглядели многие богатые люди — занятые собой, своим телом, безупречные с самого рождения, запроектированные почти в каждой мелочи, высокого умственного развития и чувствующие свое превосходство. Пожалуй, о Хои следовало бы сказать «оно», но на языке, который был ей ближе всего и на котором разговаривали у нее в доме, это прозвучало бы странно, средний род испокон веков употреблялся не для человека, а скорее для объектов нечеловеческой природы, будто человечество вынуждено было распять себя за противоположность полов. Поэтому она еще раньше решила, что будет думать о Хои в мужском роде. Это помогало создать дистанцию. Она терпеть не могла фамильярности.

— Поспать тебе особо не удалось, — участливо заметил он. Она долго смотрела на него и вдруг почувствовала, что разговаривать с ним у нее нет никакой охоты. С удовольствием бы отвернулась и вышла без слова. Ей захотелось сказать какие-то слова приветствия, но выдавить хоть что-то сквозь стиснутое горло она не могла. Глаза наполнились слезами. Он внимательно взглянул на нее.

— Жалость — это странная, совершенно нерациональная эмоция, — сказал он. — Она уже ничего не изменит. Ничего не отменит. Принадлежит к тем бесполезным и бессмысленным чувствам, от которых нет никакого толку.

У него были совершенно черные непроницаемые глаза и правильные черты лица. Был похож на человека, который знает намного больше, чем хочет показать. Хитрый. Прозорливый, но несмотря ни на что, полный эмпатии.

— Выйдем на природу? — движением головы он показал на лес и озеро.

Стена раздвинулась, и они оказались на террасе, которая плавно переходила в хвойный лес. Она послушно пошла за ним в сторону воды. Вытащила из кармана фотографию и без слова протянула ему. Они с сестрой сидели на деревянной ограде, к которой прислонили свои велосипеды. Каникулы сорок пять лет назад, тогда они приехали в деревню к брату их матери. Рената, будучи старшей, учила ее ездить на велосипеде. Ей было семь лет, Ренате — тринадцать. Обе всматривались в объектив, будто заглядывали в будущее, прямо на тех, кто держит в руках фотографию.

Хои присмотрелся к снимку. Ей показалось, что он растрогался.

- Многие так делают, берут с собой фотографии, — сказал он.
- Это попытка понять причины, правда? Ты ишёшь причину, это понятно. Чувствуешь себя виноватой.
- Все в ней, казалось, было всегда взвешено, разложено по полочкам, типично.
- У нас тут есть психологи, если бы ты захотела.
- Нет, — сказала она. — Мне не нужно.

Вода сносила их слова к темной части леса на другой стороне озера, куда ни один человек не имел доступа, к Сердцу — так теперь это называлось, хотя она еще с детства помнила споры вокруг слова «резерват».

— Что там находится? — спросила она, немного помолчав. Сколько раз ей приходилось задаваться вопросом, действительно ли этот человек верит во все то, что говорит и делает. Может, он просто хороший продавец этого нового товара, каким стала трансфугация.

— Дикий мир. Без людей. Нам его не увидеть, потому что мы люди. Мы сами от него отгородились, и теперь, чтобы туда вернуться, нам нужно измениться. Я не могу узреть того, что меня не содержит. Мы — узники самих себя. Парадокс. Интересная познавательная перспектива, но также чудовищная ошибка эволюции: человек всегда видит только себя.

Она почувствовала, как от этого телеграфного стиля в ней внезапно закипела злость. Короткие простые фразы — он трактовал ее, как учитель ребенка.

— Не понимаю я всего этого. Я бы могла стать такой, как она, тысячу раз. Глядеть ее глазами. Думать ее головой... — нужно было взять себя в руки, потому что она начала его передразнивать, — но все равно я не понимаю, как это происходит. Как можно хотеть чего-то такого... — она даже не знала, как это назвать, — ... вопреки природе.

Она отвернулась, пытаясь спрятать слезы, нахлынувшие от сильнейшего возмущения. А ведь думала, что уже проработала эту тему и сегодня обойдется без эмоций. Ей вдруг показалось, что слышит его тихий смешок. Еще больше злясь, она обернулась, а он лишь покашливал, прикуривая полезную для здоровья сигарету, поэтому она заговорила быстрей и громче:

— Я здесь только потому, что никто из семьи не захотел заняться организацией всего этого. Я ее сестра. Родители слишком стары и мало что тут понимают. Дети приняли ее решение за чистую монету, по крайней мере один ребенок. Сын же самоустранился. А я чувствую одну лишь боль. Беру это на себя, но не понимаю этого. И честно говоря, не хочу понимать. Мне наплевать. Я приехала, чтобы соблюсти формальности.

Злость хорошо на нее действовала, прибавляла сил и уверенности, но доктор Хои, этот рослый азиат с непроницаемым лицом, все равно смотрел на нее — она бы могла назвать это его чувство мягким высокомерием.

— У тебя есть полное право чувствовать гнев и разочарование. Ты таким образом защищаешься. Защищаешь свою интегральность, — продолжал умничать он, этого она уже стерпеть не могла.

— Отвали, — прошептала одними губами, повернувшись в сторону озера. И пошла вдоль берега. Вид солнечных зайчиков, скользящих по поверхности воды, стены леса на другом берегу и большого чистого неба понемногу усмирял ее злость. Она почувствовала плывущее от воды спокойствие и даже предсказание восхитительного безразличия, как тогда, когда она впервые уехала из дома и решила не возвращаться. Она сидела в автобусе и повторяла: я никому ничего не должна, потому что люди отвечают за свой выбор.

— Как человеку может прийти в голову мысль перестать быть собой? — спросила идущего за ней Хои. — Это же самоубийство. Вы в каком-то смысле по ее просьбе осуществляете эвтаназию.

Хои схватил ее за руку и остановил. Стянул шапочку. Теперь его лицо стало еще больше похоже на женское. Над их головами еле слышно прожужжал вертолет на солнечных батареях.

— Люди Запада убеждены, что они поразительно и в корне отличаются от других людей и других существ, что они исключительны и трагичны. Они говорят о «вовлеченностии в мир»**, об отчаянии, одиночестве. Впадают в истерику. Любят себя изводить. То есть, попросту, превращают незначительные отличия в грандиозные драмы. С какой стати следует предполагать, что пропасть между человеком и миром намного глубже, чем пропасть между двумя другими типами бытия? Чувствуешь это? Почему пропасть между тобой и этой лиственницей с философской точки зрения значительнее, чем между этой лиственницей и, к примеру, вон тем дятлом?

** Философское понятие, использованное Мартином Хайдегером (1889–1976) при создании онтологии, которая относится к различному типу бытия. Ее исходный пункт — различие между бытием сущного и самим бытием, что приводит к фундаментальному понятию «Дизайн». Согласно ему, сущее обладает способностью вопрошать о бытии. — Примеч. пер.

— Потому что я человек, — ответила она, не задумываясь.

Он грустно покивал головой, будто ожидал именно этого: что им не понять друг друга.

— Помнишь Овидия? Он это предчувствовал. — Продолжая говорить, Хои уселся на перилах. За его спиной было озеро. — Метаморфозы никогда не происходили из-за чисто формальных различий. То же самое и с трансфугацией: она учитывает схожесть. В эволюционном смысле мы все еще остаемся обезьянами, ежами и лиственницами, в нас сидит только это. И в любую минуту мы можем к нему вернуться. От этого нас не отделяют какие-то непреодолимые пропасти. Нас всего лишь делят фуги, узкие и неглубокие щели бытия. *Unus mundus*. Один мир.

Она это слышала много раз, но аргументы его до нее как-то не доходили. Она считала их слишком абстрактными.

Предпочитала знать, сопутствует ли трансфугации боль? Чувствует ли ее сестра там себя одинокой? Что значит, что процесс происходит в силовом поле? Осознает ли себя человек до самого конца? Остается ли собой? А если ее сестра изменила свое решение? Что тогда? Уже несколько раз ее охватывала чуть ли не паника, когда ей казалось, что надо спасать сестру силой, похитить ее, а потом закрыть в доме и приказать жить, как всегда, нормально, так, как это делалось сотни, тысячи, миллионы раз — каждый в своей нише, на своем месте.

Полгода назад она простила с ней здесь, в парке. Они попрощались спокойно, по-деловому, почти без слов. Рената передала ей заверенные нотариально документы, пестрящие многочисленными подписями и голограммами нескольких учреждений, а под конец вручила цепочку с горным хрусталем в виде капельки — единственное украшение, которое носила. И тут же, как только Рената стала отдаляться в сторону строений Transfugium, ее сестра с цепочкой в руке почувствовала, что начинает задыхаться, как задыхаемся мы, осознав, что

происходит нечто необратимое. Она смотрела, как сестра удаляется, надеясь, что та обернется, может, даже изменит свое решение и вернется. Но ничего подобного не произошло, она лишь увидела ее спину и темные двери, которые бесшумно сомкнулись, образовав черное не пропускающее свет зеркало.

— Она все еще здесь? Где?

Хои показал рукой на здание Transfugium.

— Да, она уже готова.

Не нравился ей Хои, хотя они уже несколько раз разговаривали друг с дружкой. Она понимала: этот человек не может облегчить ее страданий, хотя был умным, теплым и даже заботливым. Она инстинктивно чувствовала его превосходство и не знала, что он думает на самом деле. Он повторял то, что было написано в Брошюре, будто поиски других форм объяснения этого процесса считал потерей времени. Экземпляр «Метаморфоз» Овидия лежал рядом с постелью, как гостиничное священное писание. Прекрасно изданная, в старинном стиле, с гравюрами, книга напоминала издание XIX века — вероятно, должна была пробуждать ностальгию по чему-то давнему, естественному и солидному и успокаивать. Она не раз читала в Брошюре, что никакой неизменяющейся однородной материи, которая заполняла бы собой мир, не существует и что этот мир является потоком теснящих друг друга сил и их соотношений. У каждой сущности есть воля, позволяющая ей жить. Действительность состоит из воли миллиардов сущностей, и воли эти, накладываясь друг на друга, сплетаются в сети. Некоторые из сущностей сложные и пластичные, другие немощные и пессимистические. В таком мире многие из до сих пор невероятных вещей становятся возможными, а границы оказываются иллюзорными. Сегодняшняя медицина может преодолеть эти зыбкие границы.

— Возвращаемся, — сказала она, ей хотелось уже закончить этот разговор. — Мне холодно.

Она чувствовала легкое, как зуд, раздражение. Ее бесил его менторский, претенциозный тон. Раздражала безупречность. Он виновато взглянул на нее, попрощался и сказал, что присоединится к ним ночью.

И та, и другая вели обычную жизнь. Росли они в счастливом доме. Родители любили друг друга, пока не перестали разговаривать, занятые своей прогрессирующей старостью. Трагедии и драмы — всё, как у людей. Здоровье — под контролем. Дети, две дочери — удались. Разница у них была в шесть лет — настолько небольшая, что можно было жить в одной комнате, но до такой степени значительная, что они не могли слушать ту же самую музыку или одолживать друг другу модные тряпки. Между ними возникло пустое место, не перескочишь. Они присматривались друг к другу с интересом и симпатией, со своего рода привязанностью, которую легко спутать с любовью, но в принципе связывало их немногое, и каждая шла своей дорогой.

Были они приемными дочерьми. Их родители вступили в брачный союз каждый со своим багажом — она была материнской, сестра — отцовской. В самом начале старшие намекнули им, что следует подружиться и таким образом спасти своих родителей. На сестер было возложено задание общими силами создать дружную семью, и это получилось — у каждой было точно такое же чувство долга. Ей было шесть лет, Ренате — двенадцать. Биологическая мать Ренаты умерла так давно, что та не помнила ее и, наверно, поэтому сразу приняла новую и полюбила ее. Гrimасничать не приходилось. Она, младшая, гордилась, что у нее будет старшая сестра. Она восхищалась ею, ее книжками, музыкой, засушенным трупиком лягушки, ее поздним возвращением с дня рождения подружки в каком-то странном состоянии, которое она приняла за болезнь, но это оказалось делом обычным — выпила лишнее. Она помнила, как та читала в ночи, и от света экрана ее лицо выглядело, как маска.

Рената ушла из родительского дома сразу по окончании школы и на несколько лет исчезла в большом городе, семью же навещала только по праздникам. Училась она на факультете космической инженерии, при этом, как ни парадоксально, ей не надо было выходить из дома и наблюдать за небом. После учебы большую часть времени она проводила у экрана, разглядывая какие-то графики, цифры, добавляя к ним свои. Платили ей за это неплохо и регулярно. Она забеременела и стала жить с таким же, как и она, молчаливым инженером, специалистом по очистке воды в далеких краях. Он часто уезжал в командировки, но жилось им хорошо, так во всяком случае выглядело со стороны. Они купили дом с диким садом где-то на юге, разводили пчел. Однажды в пожаре пасека сгорела, но они ее восстановили. Она помнит, как Рената плакала по телефону из-за пчел. Никаких других случаев, чтобы

та пускала слезу, она не припомнит. Жизнь сестры по сравнению с ее хаосом казалось прямой, посыпанной щебнем дорожкой. Навещала она Ренату редко и запомнила ее в спортивном костюме, с повязкой на голове — та одержимо бегала на длинные дистанции по пересеченной местности.

Она приняла душ, заварила кофе и уселась на ступеньках террасы, чтобы еще раз взглянуть на озеро. Водная гладь притягивала взгляд, но в то же время не было на ней ничего, на чем глаз мог бы остановиться, поэтому мысли упрямо сползали в воспоминания. В последние месяцы она, не переставая, раздумывала, где в жизни Ренаты мог быть какой-нибудь разворот, знак начала перемены, источник первой мысли о трансфугации. Может, это был нервный срыв, может, какое-то событие, переживание, о котором они, все ее близкие, не имели понятия. Когда это случилось? Она запуталась в разрозненных воспоминаниях, картины прошлого мелькали перед глазами. Может, причины имеют природу пыли: отдельные ее частички незримы, но их скопление создает густую роковую мглу. Картина первая: они стоят перед зеркалом и, высоко задирая платья, сравнивают свои ноги. Она с радостью замечает, что у нее ноги длиннее и стройнее. Рената соглашается, потом обе прыгают на диване в одних трусах. Картина вторая: на школьной площадке они вместе с другими девочками бегут наперегонки, дистанция шестьдесят метров. На финише Рената, не останавливается, как все, а бежит дальше и окружает площадку. Картина третья: они на берегу моря закапывают друг друга в песок; Рената лежит закопанной почти весь день, не хочет выходить. Видно лишь едва заметное движение песка, когда дышит. Вечером оказывается, что сожгла себе на солнце лицо.

Где тот момент, который бы выяснил то, что происходит сейчас? Ведь должен же быть какой-то зародыш перемены, поворотный пункт, помысл. Должно же быть какое-то начало, травматическое событие, какие-то изменения в результате прочитанного, выслушанной с миллиона файлов музыки, которые они себе постоянно высыпали, зная, что во всем космосе не хватило бы времени, чтобы все это прослушать. Она пробежала в мыслях все события, все обрывки ситуаций. Как-то отец сказал, что когда Рената родилась, она плакала так долго, что получила фарингит.

По части меню она положилась на милого мужчину — определить его возраст не представлялось возможным — с прекрасным терракотовым цветом физиономии, который создавал приятный контраст с белизной его униформы. Ему предстояло посоветовать, что выбрать на закуску. Делал он это с чувством юмора, будто речь шла о девичнике. Его хорошее настроение раздражало ее.

— Будет что-то вроде поминок, — сказала она с некоторым удовольствием. Злорадно. Он устремил на нее дружелюбный и, как ей показалось, сочувственный взгляд.

— Поминки, свадьба... Еда — это всегда радость.

Птифуры были пухлые, разноцветные, лежали на отдельных подносах, каждый цвет отдельно, как коробки с красками. Растроганная изобилием, она показывала пальцем, затрудняясь сделать выбор между розовым и лавандовым, между малиновым и черничным или между малиновым и цвета какао. Да еще прослойки из крема — зелено-желтые, пурпурные. Все они были неестественного цвета, как это часто случается у людей. Мужчина с терракотовым лицом, склонившись над птифурами, покивал головой.

— Попробуйте. Может, вкус вам что-нибудь подскажет.

— Простите. Я никогда не умела принимать решения.

Он предложил ей меню.

— Это касается только несущественных вещей. Когда же мы действительно чего-то хотим, сомнения отпадают.

Она без убеждения кивнула головой и вытерла нос. Он показал ей страницу с закусками и с гордостью произнес:

— Думаю, не стоит уточнять, что мясо чистейшее, выращенное в наших инкубаторах.

Перед входом в ресторан она видела именной памятник животным в натуральную величину — корове, свинье, курам, уткам и гусям — донорам тканей. Запомнила имя коровы: Аделя. Теперь беспомощно смотрела на длинный список блюд, а потом перенесла взгляд на лицо ресторатора. Его темные глаза глядели на нее с теплотой и заинтересованностью.

— Можно к тебе прижаться? — спросила она неожиданно.

— Конечно, — сказал он, совсем не удивившись, будто и эта услуга входила в меню.

Он обнял ее. Пахнуло ополаскивателем для белья. Банально.

Позднее его смена взялась подготавливать гостиную и террасу для небольшого приема. Принесли коробки с тартинками и салатами. Ловкие пальцы укладывали на подносах фрукты.

Люди ушли, солнце уже стало заходить, и она увидела необычную картину — вершины деревьев густого северного леса, словно огромные канделябры, засветились оранжевым светом, отражаясь в воде озера. Близилась ночь. Она видела, как из-под корней деревьев, из-под камней, опавшей хвои и мха поднимается темнота, как вылезает она из глубин озера.

Очертания стали острее, будто все присутствующее, перед тем как исчезнуть во мраке, захотело еще раз осознать собственное существование. Свечи деревьев погасли, и вдруг, предвосхищая ночь, откуда-то повеяло холодом, она накинула на плечи куртку и пошла к озеру. Огонек ее полезной для здоровья сигареты светился в темноте, и она подумала, что наверняка его видно с того берега, и кто-то, у кого хорошее зрение, видит его движение, до рта и в обратную сторону. Если, конечно, смотрит.

Потом позвонил Бой. Так его называли в семье, хотя ему уже было за сорок. Бой, сын ее сестры, Ренаты. Сказал, что не приедет. Говорил невнятно, видимо, был пьян.

— Перестань издеваться над ней и над нами, — ответила она тихо на его агрессивный вздор. — Ведешь себя, как капризный ребенок. Ты палец о палец не ударил, ни в чем не помог. — Она чувствовала, что начинает расходиться, ее злость росла с минуты на минуту. — Все свалил на меня, хотя это ты — ее сын. Я оформляла документы, навещала ее тут, разговаривала с врачами, а теперь должна заниматься этими гребанными птифурами. Знаешь что? Ты маленький жалкий урод, вот кто ты.

Она отпихнула телефон, и он упал в хвою.

Немного поклевала что-то из заказанной еды и стала ждать, усевшись на террасе. Темная широкая линия противоположного берега притягивала взгляд, но там ничего не происходило. Линия леса, отражавшаяся в озере, легкая рябь на воде. Увидела две большие птицы, они кружились над деревьями, но быстро исчезли.

Когда дети были маленькими, она навестила Ренату, и ей показалось, что та угасла. Была, как всегда, ухожена и хорошо одета, но ее гибкое тело чуть-чуть округлилось, а черты лица как бы расплылись. Уже не бегала. Лишь быстрым, решительным шагом ходила на дальние прогулки.

Возвращалась вспотевшая, разгоряченная и исчезала под душем. Она никогда не была особо разговорчивой, а в этот раз вообще не проявляла желания что-либо рассказать о себе. Редко улыбалась, и, казалось, совершенно потеряла чувство юмора. Все свое время посвящала саду и детям, Бою и Ханне, которых отвозила в школу и на другие занятия. Пакетики для бутербродов, ланч-боксы и тому подобное — чтобы все всегда под рукой. Запах детей в доме — особенный, докучливый, удущливый. Запах содержания взаперти. Комнаты всегда были стерильно чистые, практичные и светлые. Ее муж, спокойный, молчаливый мужчина, появлялся вечером и исчезал утром, но было видно, что они близки друг другу. Может, находясь каждый из них в своем одиночестве, они умели находить свой способ общения. Когда она, ее младшая сестра, приезжала к ним с редкими визитами, они после обеда сидели на светлом диване в гостиной, стараясь не капнуть из чашки с кофе или чаем. Сидели, вжавшись в противоположные углы, разговаривая о делах, которые проплывали в непосредственной близости, как бегущие строки телевизионных программ: у Ханны в июне экзамены, муж по контракту должен время от времени выезжать заграницу, существуют разные способы экономить воду для сада, по последним исследованиям ученых никотин способствует долговечности. Они разговаривали этакими облачками из комиксов, которые повисали над ними, а потом рассеивались как дым полезной для здоровья сигареты — гаранта долгой жизни. Она смотрела на хорошо организованную жизнь Ренаты с восхищением, может, даже чуточку с завистью, сама же была постоянно в движении, в работе, среди множества людей, но чувствовала облегчение, когда возвращалась к своему беспорядку.

Потом что-то произошло. Это что-то совпало с уходом детей из дома и смертью мужа, у которого нашли какой-то страшный рак, будто какие-то темные силы вершили над ним приговор за так никогда и невыясненные грехи. Когда она увидела ее спустя несколько лет, та жила в одиночестве. Купила маленький дом на краю леса, был там огород. Сначала она выращивала зелень, потом огород заглох. Была она неухоженной, перестала красить

волосы, и теперь они спадали на плечи седоватой вуалью. Чем больше было седых волос (а ведь тогда ей еще не было и сорока), тем темнее казалось лицо. Опаленное солнцем, сухое. Светлые глаза смотрели пристально, настороженно. Она отводила взгляд в сторону, будто боялась, что можно заглянуть ей внутрь и увидеть там... Что? Что можно было там увидеть?

Они провели вместе два дня, готовя еду и сидя на лавочке в запущенном огороде. Она чувствовала, что сестру занимают только собственные мысли, оживлялась она, лишь когда видела своих собак — у нее было три собаки, похожие на волков, которые не спускали с нее глаз. Будучи гостем в ее доме, ей было с ними не по себе. Они наблюдали за ней во все глаза, внимательно, будто знали все нюансы ситуации.

В полупустой гостиной на стене висел домашний экран, который наполнял помещение мягким сероватым светом. С первого взгляда ей трудно было понять, что за движение отражалось на нем. Ей показалось, что это графическая абстрактная композиция, но подойдя поближе, она разглядела реалистические детали. Это был зимний пейзаж, съемка шла сверху. На склонах гор рос северный лес, елки выглядели как запятые, хаотично разбросанные по листу белой бумаги. По широкому полю по краю леса двигались маленькие фигурки зверей. Шли по опушке один за другим на одинаковом друг от друга расстоянии, черные, как племя индейцев в поисках лучшего места для жизни. Вереница зверей выходила за кадр и снова появлялась с противоположной стороны экрана. И так снова и снова.

— Это две волчьи стаи, которые объединились на зиму, — сказала Рената, подходя сзади и неожиданно, к превеликому ее удивлению, положила голову ей на плечо. — Посмотри, как согласованно идут, нога в ногу.

Она внимательно присмотрелась. Фигурки зверей не были идентичными. Те, что спереди, оказались меньше, и шли пригнувшись. Да и расстояния меж ними тоже были разными.

— Все ставят лапы в следы волчицы-вожака стаи. За ней идут слабые, — говорила она, держа голову на плече сестры и не глядя на экран, будто знала на память каждую его деталь. — Старшие задают темп всей стае, иначе они бы отстали и погибли. Потом идут самые сильные самцы, на случай, если бы атака пришла извне. Это воины. За ними — самки и щенки, женщины и дети, таких в стае больше всего. А видишь на самом конце одинокого волка? — Несколько отстав от остальных, он

замыкал шествие по открытому пространству. — Это свободные электроны. Чудаки. Для них тоже есть место в стае.

— Ой, а я думала, что это собаки, — сказала она.

— Волка с собакой спутать невозможно. — Рената отстранилась от нее и подошла к экрану поближе, чтобы показать детали. — Волки больше собак, у них длиннее ноги, больше голова и шея более мускулистая. Посмотри, тут хорошо видно. И хвосты пушистее.

— А твои собаки?

— Они — помесь собаки и волка, волкособы, но не волки. Особенно их отличие проявляется во взгляде. Собаки смотрят как бы осмысленно, вопрошающе, с преданностью в глазах, а взгляд волка совсем другой: невовлеченный, но внимательный. От него мурашки по коже.

Тема волков явно ее оживила.

Потом они вместе готовили на кухне еду, выпили немного вина. Это была их последняя встреча. Она помнит, как они простились в дверях:

— Звери — большие мастера понимать чужие намерения, знаешь об этом? — спросила вдруг Рената, как будто ставила точку в каком-то разговоре, которого на самом деле не было. — Мы могли бы у них этому поучиться, если б нам такое вообще пришло в голову. Если бы у тебя была эта способность, ты бы знала, что я собираюсь сделать и почему. Приняла бы это спокойно, без опасений.

Но тогда она вообще не поняла, о чем говорит ее старшая сестра.

Когда опустились сумерки, приехали родители вместе с Ханной. Лицо у матери бледное и озабоченное. Губы все время выглядят сжатыми, будто она повторяет про себя: «Потерпи немножко, надо еще чуть-чуть помучиться». Но этого не стоит связывать с решением Ренаты. У матери всегда такая мина. Она носит ее, как форму. Эта мина говорит: «Прошу обращаться ко мне только по обоснованным и серьезным причинам». Отец в последнее время кажется совершенно оторванным от жизни, даже трудно догадаться, что происходит у него внутри. И

происходит ли. Иногда он ни с того ни с сего насвистывает, погрузившись в свою внутреннюю жизнь, к которой на самом деле никто не имеет доступа. Единственный человек, которого он воспринимает, это его жена.

— Когда это должно произойти? — спросила старушка, как только они вошли. Спросила так деловито, будто речь шла о какой-то неприятной процедуре, которую стоит перетерпеть лишь только потому, чтобы потом стало лучше.

Двигалась она с помощью ходунка.

— На рассвете. Солнце встает очень рано, — ответила дочь и помогла ей войти по ступенькам.

Ханна была хорошей внучкой: разложила их вещи (только на одну ночь) в комнате, заварила вечерние травы. После ужина, который прошел почти в полном молчании, мать чопорно уселась с Брошюрай и открыла на первой странице. Она знала ее почти наизусть, но все еще ничего не могла понять.

— Я хочу только убедиться, — сказала раздраженно. — Это что-то типа отдать тело на обследование? Как это сделали мои родители, так, что ли? Тело для науки.

Младшая дочь подбирала слова для ответа, но, кажется, не была уверена, что мать захочет ее выслушать. Вопрос был явно риторическим.

— Она умерла, — сказал отец и похлопал жену по ладони. А потом потянулся за лежащим на столике глянцевым журналом и начал быстро листать страницы. Она не представляла, что он мог чувствовать. Теперь, когда у него наблюдалось слабоумие, он стал самым загадочным существом на свете. Ей было проще понять белку, нежели собственного отца.

— А мы ее еще увидим? — спросила мать, почти не открывая рта. — Можно ли ее будет, скажем, как-то обнять?

— Я же тебе говорила, что нет, — ответила внучка. — Мы уже попрощались с ней зимой, несколько месяцев назад.

— Тогда зачем она нас снова сюда позвала? — спросил дед.

— Вовсе не позвала. Она отходит, а мы хотим быть свидетелями этого, — ответила младшая дочь.

— А нам это нужно? — пробормотал отец.

Бой все-таки появился. В черном блестящем костюме он приехал на старинном мотоцикле, от него несло алкоголем. Он недавно развелся с женой. Семья сидела на террасе, превратив до этого какую-то часть птифуров с цветные крошки, которые завтра подберут птицы. Бой снял каску.

— Зачем устраивать этот цирк? — спросил он. — К чему вся эта оперетка, эта таинственная клиника, похожая на психбольницу, этим она, наверно, и должна быть. Психушкой. Все вы психи, позволили втянуть себя в ее сумасбродство.

Бросил каску на землю и пошел к озеру. Никто не произнес ни слова.

— Все вы от-мо-роз-ки! — крикнул он из темноты.

Начали съезжаться гости, она их встречала как хозяйка на банкете. Сначала Марго, подружка Ренаты, со своим партнером, потом двое пожилых мужчин, которые оказались соседями старшей сестры.

Сразу после полуночи из темноты возник доктор Хои, как обычно в черном тренировочном костюме и облегающей шапочке. Вручил семье документы: паспорт, нотариально заверенные распоряжения, результаты обследования и Карту Согласия. Сел за стол, будто чувствовал себя приглашенным в силу самого факта своего существования, и сказал, что всегда с большой охотой готов за этим наблюдать. Что это своего рода космическая симфония — возвращение хаотично разбросанных элементов на свое место.

В этот момент на деревянной террасе загромыхали тяжелые ботинки Боя, а она испугалась, что племянник снова устроит скандал. Хотя, в принципе, она бы хотела, чтоб начался скандал, чтобы случилось что-то, что вернуло бы все на старые рельсы. Может, Бой опрокинет эти столики и разобьет бутылки с вином. Может, превратит в кашу оставшиеся разноцветные птифуры. Она бы его поняла. Он боялся так же, как и она. Но, увы. Он молча вошел на террасу, налил себе вина и посмотрел в сторону озера. Она заметила, как он поседел и исхудал.

Она стояла, прислонившись к деревянной стене, и курила. Видела, как Ханна вполголоса разговаривала с матерью и похлопывала ее по костлявым, покрытым печеночными пятнами ладоням. Марго что-то подогревала на кухне, а отец сначала рассматривал старые фотографии Ренаты, а потом уснул над ними, и Ханна вынула их из его рук.

До нее долетали обрывки разговора гостей на террасе, озабоченных или, наоборот, расслабленных и довольных. Среди них блестал доктор Хой. Она слышала отдельные фразы и голос Хоя, который на минуту возвысился над галдежом собравшихся. Кто-то с ним не согласился, но его реплика утонула в шуме голосов.

Потом краем глаза она отметила темные фигуры Боя и Ханны на фоне светлеющего озера — прижавшиеся друг к другу брат и сестра.

Небо на востоке начало сереть. Похолодало. Откуда-то налетел ветерок, но, кажется, лишь только для того, чтобы сморщить гладь озера, которое сейчас было похоже на кратер, заполненный пеплом.

— Вот он этот замечательный момент. Начинается, — сказал доктор Хой. — Смотрите.

И вот как все это выглядело:

со стороны здания Transfugium на воды озера выплыл плот. Точнее, платформа. Управляемая дистанционно, она уверенно продвигалась к противоположному берегу, туда, где не мог причалить ни один человек. К Сердцу. Сначала было видно только само движение и зыбь на потревоженной воде, но когда небо прояснилось еще немного и отразилось в воде, они увидели ее отчетливо. Зверь, со спущенной головой, стоящий неподвижно, как изваяние. Волк.

Зверь обернулся и из-подо лба взглянул в их сторону, но в тот же миг тень от другого берега поглотила его.

Перевод Ольги Лободзинской

Ольга Токарчук (р. 1962) — одна из известнейших современных польских писательниц. Лауреат многочисленных литературных премий, в том числе дважды лауреат самой престижной литературной премии в Польше — «Нике» за книги «Бегуны» (2008) и «Якубовы книги» (2015). По роману «Веди свой плуг по костям умерших» (2009) режиссеры Агнешка Холланд и Кася Адамик сняли фильм «След зверя» (2017). Книга «Бегуны»,

переведенная на английский (Flights), оказалась в шорт-листе номинантов на Международную Букеровскую премию 2018 г.

Рассказ «Transfugium» опубликован в сборнике «Невероятные рассказы» (Opowieści bizarre), вышедшем в изд-ве «Выдавництво літерацк» в апреле 2018 г.

---

1. Перебежка, побег, дезертирство (*лат*).

Иоанна Шиллер

Александр Львович Блок (1852–1909)

Портрет несостоявшегося человека и
ученого

Александр Львович Блок

Личностью Александра Львовича Блока до сих пор интересовались, в основном, литературоведы, занимающиеся жизнью и творчеством его сына — выдающегося русского поэта Александра Александровича Блока. Научная же деятельность Александра Львовича в незначительной степени привлекала внимание историков науки. И тут как раз нет ничего удивительного, потому что профессора, большую часть жизни посвятившего Императорскому Варшавскому университету, трудно было назвать великим ученым, хотя среди современных российских историков науки есть те, кто называют Блока «известным», правда, не «выдающимся». Тем не менее, можно с уверенностью говорить о том, что он не оказал существенного влияния на развитие научной дисциплины, которой занимался, а именно европейского и российского государственного права, однако необходимо заметить, что его интересы и стремления простирались далеко за пределы его области науки.

Тем не менее, по мнению автора, он заслуживает серьезнейших размышлений со стороны историков науки, особенно — исследователей истории российского Варшавского университета, по крайней мере, по двум причинам. Первая, скажем так, психологического свойства. Потому что Блок относился к той, наверное, немногочисленной группе ученых, которым в силу различных обстоятельств — как внутренних, характерологических, так и внешних, связанных со сложными и драматичными ситуациями в личной жизни и обусловленных окружением, — не удалось в научной сфере реализовать почти ничего из того, что они намеревались, о чем мечтали и что занимало их умы на протяжении большей части профессиональной жизни. Он являл собой типичный пример исследователя, охваченного своеобразной *idée fixe*, которую не был в состоянии воплотить, потому что задался целью создать труд, непосильный, наверное, ни для одного человека.

Препятствие чинила не только обширность проблемы, но также стремление достичь вершины логического и стилистического совершенства в области научного письма. Наиболее точно творческие мучения Блока охарактеризовал его сын, Александр Александрович Блок, сам, будучи художником, не понаслышке знакомый с проблемой борьбы с неподатливой материей языка. В своей «Автобиографии» поэт писал об отце: «Специальная ученость далеко не исчерпывает его деятельности, равно как и его стремлений, может быть менее научных, чем художественных. Судьба его исполнена сложных противоречий, довольно необычна и мрачна. За всю жизнь свою он напечатал лишь две небольшие книги (не считая литографированных лекций) и последние двадцать лет трудился над сочинением, посвященным классификации наук.

Выдающийся музыкант, знаток изящной литературы и тонкий стилист, — отец мой считал себя учеником Флобера. Последнее и было главной причиной того, что он написал так мало и не завершил главного труда жизни: свои непрестанно развивавшиеся идеи он не сумел вместить в те сжатые формы, которых искал; в этом искаении сжатых форм было что-то судорожное и страшное, как во всем душевном и физическом облике его»^[1].

Таким образом, Блок представляет *casus* несостоявшегося ученого, который, маниакально добиваясь как совершенства содержания, так и безупречности формы высказывания, довел себя до состояния творческой беспомощности, посвятив две трети профессиональной жизни, то есть более двадцати лет, попытке реализовать идею, представлявшую собой утопический идеал и потому неосуществимую. Тут он может служить примером трагической судьбы ученого, потерявшего ощущение реальности и зарывшего в землю свои таланты, которыми, несомненно, обладал — что я и попробую показать. Личное поражение отца тяготило духовную жизнь сына-поэта, усматривавшего в его судьбе предзнаменование угасания собственного таланта и неминуемого краха. Противостоянию отцовскому наследию А.А. Блок посвятил свою поэму «Возмездие», на рукописи которой начертал под заглавием два слова: «Отец. Польша». Он работал над поэмой с 1910 года до самой смерти в 1921 г. и, что примечательно, несмотря на столь долгий срок, так и не смог ее закончить.

Другая причина, по которой стоит внимательнее присмотреться к личности А.Л. Блока, заключается в том, что сама попытка оценить его как человека, как профессора университета и особенно как ученого дает наглядное представление о тех трудных, а порой и неразрешимых проблемах, какие стоят перед историком, занимающимся российским периодом в истории Варшавского университета. Их источник — или весьма серьезные подчас разногласия в отношении большинства российских профессоров и уровня их знаний, или исключительно негативная их оценка, категоричность которой вызывает или по крайней мере должна вызывать недоверие историка. Во многих случаях эти оценки продиктованы, прежде всего, политическими условиями и сопутствующими им сильными эмоциями, а высказаны не только очевидцами, но и современными исследователями, как польскими, так и российскими. Такая ситуация с источниками требует от историка — не побоюсь этого слова — скрупулезного расследования, с помощью которого, анализируя и отсеивая высказывания, сделанные либо из личной симпатии, либо по причине предвзятого отношения, историк получит возможность составить более-

менее объективную или по крайней мере не столь категоричную и несхематичную оценку интересующей его личности. Блок, безусловно, герой противоречивый, неоднозначный, но, несомненно, более сложный, чем принято о нем судить по тем нескольким наиболее известным университетским воспоминаниям.

Начало жизненного пути А.Л. Блока, казалось, сулило ему в будущем блестящую карьеру. Он родился 20 октября 1852 г. во Пскове. Его отец — Лев Александрович Блок из немецкой семьи, выходцев из Мекленбурга, до перехода в православие — Константин фон Блок. Лев Александрович окончил элитарное петербургское Училище правоведения, где его однокашниками, среди прочих, были: будущий серый кардинал российской политики в период правления Александра III и в первые годы царствования Николая II, в 1880-1905 обер-прокурор Святейшего синода Константин Петрович Победоносцев и Иван Сергеевич Аксаков, публицист, поэт, один из выдающихся представителей лагеря славянофилов. Отец А.Л. Блока дослужился до высоких чинов, занимал должность вице-директора Таможенного департамента в Петербурге, а служебной карьере сопутствовало материальное благополучие, так как он стал владельцем двух домов в Петербурге, дачи вблизи Петергофа и нескольких поместий в трех уездах^[2]. Казалось, что богатый дом семьи и близкие знакомства отца с высокопоставленными членами петербургской элиты откроют все двери его детям — Александру и его братьям — Петру и Ивану, а также сестре Ольге.

Семейная легенда, приведенная поэтом Блоком в «Автобиографии», гласила, что Блоки вступили на русскую службу благодаря Людвигу, который, как предполагалось, был личным врачом царя Алексея Михайловича. Однако исследования, проведенные в мекленбургском архиве одним из крупнейших знатоков жизни и творчества российского символиста, Владимиром Николаевичем Орловым, доказали, что Людвиг был обыкновенным фельдшером и никаких связей с царем Алексеем не имел. Только его сын, Иоганн Фридрих получил медицинское образование и в 21 год поступил в русскую службу, именуясь уже, может быть самовольно «фон Блоком». За заслуги, спустя десять с небольшим лет, в 1796 г., введен указом императора Павла I в российское дворянство и пожалован именем «в шестьсот душ»^[3]. О семье Блоков, предках поэта В.Н. Орлов отзывался критически, отмечая, что у них полностью отсутствовали культурные запросы и желание общественного служения, характеризовал их как людей мало культурных, чваных, благонамеренно-аккуратных, крепко вросших в петербургскую бюрократию^[4]. Однако отдавал

должное Александру Львовичу, признавая, что тот первым переступил семейную чиновничью традицию, избрав научную карьеру. Не лучшего мнения о своей семье со стороны отца был и сам поэт, писавший: «Из семьи Блоков я выродился. Нежен. Романтик. Но такой же кривляка»^[5]. Однажды он сказал: «Мне было бы страшно, если бы у меня были дети... Пускай уж мной кончается хоть одна из блоковских линий — хорошего в них мало»^[6].

Мать Александра Львовича — Ариадна Александровна Черкасова, дочь новгородского губернатора. О семье Черкасовых рассказывали, что ее члены имели склонность к рафинированной жестокости; об отце же Блока сохранились свидетельства, что к концу жизни (умер в 1883 г.) он превратился в маниакального педанта и скрягу, неустанно пересчитывавшего деньги, а окончил свои дни в психиатрической клинике^[7]. Таким образом, не исключено, что усугублявшиеся со временем психические проблемы Блока наряду с его собственными, личными трагедиями были несчастливым семейным наследием.

Окончив гимназию в Новгороде, Блок поступил на юридический факультет Петербургского университета. Несмотря на материальный достаток, ушел из дома и, по примеру других студентов, зарабатывал на жизнь репетиторством, одновременно отдавшись новой одержимости — музыке, достигая как пианист совершенства, обращающего на себя внимание. Он также пописывал стихи, а литературными примерами ему, помимо Флобера, служили Шекспир, Гете, Достоевский и Лермонтов. Умный и глубоко образованный, он владел по крайней мере шестью языками, а обширностью своих знаний вызывал всеобщее изумление.

Характеризуя молодого Александра Львовича, В. Орлов отметил, что тот был «человек блестящий и жалкий, привлекательный и отталкивающий, наделенный редкими дарованиями и диким, жестоким характером», одним словом, полным противоречий^[8].

Александр Львович окончил университет в 1875 г. с кандидатской степенью за работу, согласно одним источникам, носившую название «О городовом положении»^[9], согласно другим — «О городском управлении в России»^[10], которую петербургский юридический факультет отметил золотой медалью. Научным руководителем Блока был выдающийся историк-правовед Александр Дмитриевич Градовский (1841–1889), один из главных создателей теории российского права, в общественно-политической сфере представляющий направление, близкое Борису Николаевичу Чicherину, которое тот называл консервативным или охранительным

либерализмом, то есть стремящимся к проведению либеральных реформ исключительно легальным путем^[11]. Варшавский ученик Блока Евгений Васильевич Спекторский вспоминал, что Александр Львович принадлежал к числу любимых студентов Градовского, который, заметив его незаурядные способности, предложил молодому выпускнику остаться в университете и готовиться к профессуре. Уже в начале 1876 г. Блок выдержал магистерский экзамен, одновременно работая над диссертацией магистра государственного права. Он устроил и личную жизнь, женившись на дочери ректора Петербургского университета, выдающегося ботаника Андрея Николаевича Бекетова, Александре, благодаря чему вошел в круги петербургской интеллигентской элиты. Александра, как и ее мать Елизавета Григорьевна из дома Карелина, дочь знаменитого путешественника и исследователя Сибири, Алтая и Центральной Азии Григория Сильчика, как и обе ее сестры Екатерина и Мария, была женщиной великолепно образованной, начитанной с широким кругом интересов в литературе и искусстве, знала несколько иностранных языков. Все женщины в семье Бекетовых занимались переводами, главным образом художественной литературы (хотя не только, так как Елизавета Григорьевна переводила также Чарльза Дарвина и Генри Томаса Бокля) с французского, английского, немецкого, испанского и польского (Мария переводила на русский произведения Генрика Сенкевича)^[12].

Потому казалось, что перед Блоком открывается дорога к прекрасной карьере — он молод, красив, с блестящим образованием, наделен художественными талантами. Перед свадьбой с Александрой Бекетовой он был частым гостем в петербургских салонах, где прослыл покорителем женских сердец. Рассказывают, что Федор Достоевский, встретив как-то Блока в салоне Анны Павловны Философовой, заметил, что он похож на Байрона. С тех пор его стали называть Демоном, историю эту увековечил сын Александра Львовича в «Возмездии», озаглавив первую часть «Демон», где писал:

И дамы были в восхищеньи:
«Он — Байрон, значит — демон...» — Что ж?
Он впрямь был с гордым лордом схож
Лица надменным выраженьем
И чем-то, что хочу назвать
Тяжелым пламенем печали.

Молодой ученый пользовался успехом в обществе как

блестательный собеседник, искусный пианист и знаток художественной литературы. Научный руководитель оказывал ему поддержку, и реальными становились надежды на то, что со временем он займет или кафедру энциклопедии права после Петра Григорьевича Редкина (который действительно покинул ее в 1877 г.), или одну из трех кафедр, которые занимал Градовский: теории государственного права, европейского государственного права или российского государственного права. Рядом с ним была образованная умная женщина, которая помогала ему в работе, а поддержка тестя могла иметь решающее значение.

На планах, связанных с научной карьерой в столичном университете был поставлен крест уже в 1878 г., потому что в тот год Блок принял предложение занять пост доцента на кафедре государственного права в Императорском Варшавском университете. Причины этого — одна из неразрешенных загадок в биографии Блока; в то же время, данная проблема довольно обширна: в отношении наиболее выдающихся представителей российской науки истории, как правило, задаются вопросом, что заставляло их занимать должности в этом «гнезде русификации» и самом слабом из российских университетов, каким считается Варшавский университет. Адам Галис утверждает, что поводом для решения Блока послужила благоприятная политическая конъюнктура, результат энергичных хлопот попечителя Варшавского учебного округа Александра Львовича Апухтина, всеми способами привлекавшего российские педагогические силы в Царство Польское, а также материальные выгоды и привилегии, предусмотренные для россиян, занимавших должности в Привислинском крае^[13]. Аргументы эти неубедительны. Во-первых, Апухтин занял должность попечителя только 16 июля 1879 г., то есть год спустя после приезда Блока в Варшаву. Во-вторых, материальные выгоды работы в Царстве Польском не были настолько заманчивыми, чтобы ради них отказываться от начинающейся карьеры в Петербурге. Галис, говоря о финансовых стимулах, ссыпался на мнение Шимона Аскинази, отраженное в его работе «Варшавский университет», написанной в 1905 г. под воздействием революционных волнений. Сочинение это на долгие годы определило негативное отношение польских историков к университету, выпускником которого был *nota bene* Аскинази. Примечательно, что он, собственно, являлся студентом Блока и у него же написал кандидатскую работу «О политике энциклопедистов», очень высоко оцененную научным руководителем. Аскинази считал Варшавский университет лишь одним из вспомогательных инструментов общегосударственной кампании по унификации и обычной

бюрократично-экзаменационной машиной, не играющей никакой положительной роли в науке^[14]. Перечисляя материальные выгоды российских профессоров, он утверждал, что их жалованье, благодаря влиянию политических факторов, с самого начала «существенно завышалось» и превышало оклады преподавателей Варшавской главной школы почти в два раза^[15]. В действительности так и было, но оклады, назначенные профессорам Императорского Варшавского университета — как полякам, так и россиянам, — соответствовали размерам жалованья, определенным Законом от 1863 г. для преподавателей российских университетов, следовательно, сравнение с Главной школой не имеет в данном случае никаких оснований. Зато, согласно положению о гражданской службе, российские чиновники, в том числе преподаватели и учителя, работающие на удаленных от сердца Империи территориях, к которым, помимо Царства Польского, причислялись западные губернии, Закавказье и почти вся азиатская часть России, начиная с Уральского округа, получали прибавку к жалованью в размере 15–50% от основной суммы в зависимости от места и продолжительности службы — например, самая высокая прибавка выплачивалась учителям церковных школ в западных губерниях^[16]. Варшавские профессоры получали прибавку в размере 25% от основного жалованья, полагалась она дважды — после отработки первого и второго пятилетия. Тем самым, после десяти лет службы российский преподаватель получал 50% прибавки. После 1884 г., когда согласно новому Уставу Российских Университетов, в российских учебных заведениях, за исключением Варшавы и Дорпата, была введена гонорарная система, эта прибавка, особенно в случае юристов, читавших лекции на факультете с самым большим числом слушателей, не имела ничего общего с размером гонораров, выплачиваемых их коллегам в остальных университетах и достигавших порой сумм свыше десяти тысяч рублей в год. Блок после почти двадцати лет службы в статусе профессора зарабатывал две тысячи рублей плюс 50% прибавки, то есть в общей сложности три тысячи рублей. Он также имел право обучать детей за счет государства или получать прибавку на их образование, но не больше, чем на троих одновременно и в размере сперва до ста рублей, потом — до ста пятидесяти рублей в год на каждого ребенка. По данным за 1904 г., все российские преподаватели Варшавского университета получали на обучение детей во втором полугодии этого года сумму 3 168 рублей 54 копейки^[17]. Такие финансовые реалии заставляют подвергнуть сомнению аргумент А. Галиса о том, что свой выбор в пользу Варшавы Блок сделал из материальных соображений.

Более убедительным, хотя и не до конца, представляется мнение Спекторского, считавшего, что приезд в Варшаву сразу давал Блоку полную независимость в научной деятельности^[18]. В действительности, параграф 72 Устава Императорского Варшавского университета от 8 июня 1869 г. давал право лицам, имеющим степень магистра занимать должность профессора, тогда как общероссийский Устав от 1863 г. требовал для этого наличия докторской степени. Однако необходимо помнить, что, приехав в Царство Польское, Блок не был еще даже магистром, следовательно, мог претендовать исключительно на должность доцента, которую трудно считать предоставляющей полную независимость в науке, и которая не давала особых материальных преимуществ ни в одном из российских университетов, включая Варшаву. Таким образом, можно предположить, что истинная причина его решения о приезде заключалась в чем-то другом. По лаконичным, не до конца ясным запискам Спекторского можно только догадываться, что такой причиной могло быть первое несчастье в жизни Блока, каким стала потеря надежды на кафедру в Петербурге^[19]. Я упоминала, что он рассчитывал на получение кафедры после Петра Редкина. Тем временем он проиграл в соперничестве за должность в Петербургском университете другому ученику Градовского, младшему на год Николаю Михайловичу Коркунову, который в 1878 г. начал читать лекции по энциклопедии права после Петра Редкина. С точки зрения науки, как покажет будущее, выбор юридического факультета был правильным. Коркунов стал знаменитым ученым, одним из основателей петербургской школы философии права, а после смерти Градовского в 1889 г. занял его кафедру государственного права. Фундаментальный труд Коркунова «Русское государственное право» в двух томах (1892–1893) в течение нескольких лет переиздавался семь раз. К несчастью, Коркунов станет, вместе с Градовским, одним из рецензентов магистерской работы Блока^[20].

Итак, Блок уехал в Варшаву в августе 1878 г. и поселился с женой на улице Вейской. Его приезд предваряли горячие рекомендации, которые на имя ректора Николая Благовещенского прислал Градовский, писавший о своем ученике как об одаренном, блестящем образованном, добром и симпатичном молодом человеке, рекомендуя его к особой заботе и опеке ректора. Блок приступил к преподаванию и одновременно готовил магистерскую работу, которую завершил и опубликовал в 1880 г. В октябре того же года он выехал с женой в Петербург, где ему предстояла защита. Защита, которая происходила, скорее всего, в день его рождения, 20 октября, произвела самое благоприятное

впечатление на представителей факультета и, судя по всему, этот день стал днем его триумфа^[21].

Магистерская работа Блока называлась: «Государственная власть в европейском обществе: Взгляд на политическую теорию Лоренца Штейна и на французские политические порядки» и ее оценка остается спорным моментом для исследователей. Знаменитый историк Николай Кареев, профессор Императорского Варшавского университета в 1879–1885 годах, писал о ней, что она не представляет собой ничего выдающегося с точки зрения науки^[22]. Действительно, широкого резонанса в научном мире она не получила, о чем может свидетельствовать тот факт, что профессор Новороссийского университета в Одессе Н. Чижов в своем двухтомном труде о Штейне 1890 г., работе Блока посвятил едва пару предложений. Однако дело в том, что в современной науке книгу Блока оценивают не столько с научной, сколько с политической точки зрения. Поскольку на основании некоторых воспоминаний за ним закрепилось представление исключительно как о националисте и русификаторе, в его творчестве начали видеть только те элементы, которые подтверждали этот тезис. Например, Януш Волинский, автор статьи «О студенческих годах Шимона Аскинази» признал, что работа Блока, в которой, как он пишет, тот пытается критиковать политические теории Штейна, — бездарная, поверхностная, не раскрывающая сути проблемы и во многих случаях основанная на очевидном недоразумении^[23]. Уже само описание содержания книги наводит на мысль о том, что автор не знаком с ее текстом, но при этом возникает вопрос, как соотнести его оценку с информацией, сообщенной Спекторским и подтвержденной Орловым, что работа Блока была задержана цензурой и только чудом ее, приговоренную к сожжению, удалось спасти^[24].

Герой диссертации Блока, Лоренц Штейн (1815–1890), немецкий гегельянец, правовед, экономист и социолог, профессор сперва Кильского университета, из которого был уволен за выступления в поддержку независимости Шлезвига, а затем — Венского университета, рассматривал историю как межклассовую борьбу, разворачивающуюся, прежде всего, на экономическом поле. В этой борьбе каждый класс стремится превратить государство в инструмент, служащий для удовлетворения его интересов. Единственное спасение от революционного взрыва — сильная монархическая власть, поддерживаемая бюрократией, которая, возвышаясь над обществом, расколотым классовой борьбой, будет в состоянии проводить политику социальных реформ, снижающую накал в обществе^[25]. Образ этой сильной монархии несколько

напоминает идеальное государство Платона, так как монарх, по мнению Штейна, должен быть личностью, не испытывающей никаких материальных и земных потребностей, ибо только такая личность может стать выше индивидуальных интересов противоборствующих классов. Чиновники в этой сильной монархии должны избираться из числа людей, которых заботит только общественное благо и которые способны свои интересы подчинить интересам общественным^[26].

Критикуя теорию Штейна, Блок подчеркивал ее идеализм и на примерах, взятых главным образом из французской, но также английской и германской действительности, указывал на недостаточность доказательств того, что монархия и бюрократия могут и способны подняться над социальными интересами и трудностями. Как раз наоборот, он доказывал, что монархия почти всегда поддерживает сильнейший класс, поскольку тот, что слабее, как показывает история, не в состоянии успешно бороться с господствующим классом во имя более широких общественных интересов. Поэтому Блок подчеркивал огромное значение для государства представительных органов, которые, хотя и не являются панацеей от социальных неравенства и несправедливости, но до определенной степени подчиняют власти социальным нуждам. Поэтому он заявлял о том, что степень зависимости правительства от представительных органов должна быть выше, чем он наблюдал в европейской действительности. Он утверждал, что хотя в выборных представительных органах все равно большинство принадлежит правящему классу, однако, когда туда войдут представители угнетенного меньшинства, они смогут хотя бы громко кричать и тем самым удерживать правящие классы от крайностей, которые в свою очередь влекут за собой крайности со стороны пролетариата^[27]. Это, правда, не означает, что Блок был горячим сторонником конституционализма; в существующих реалиях он рассматривал его, скорее, как меньшее зло, чем абсолютная монархия. Он утверждал: социалистические стремления наименее опасны при существовании выборных органов^[28]. В этом контексте информация Спекторского о проблемах с цензурой становится вполне понятной, а Блок в своей работе предстает либералом и защитником парламентской демократии, абсолютно чуждой российской действительности. Критически настроенный суждениями Блока-отца, биограф поэта В. Орлов признавал, что его книга доставила молодому ученому в обществе репутацию радикала и богоборца^[29]. Итак, Блок покидал Петербург в ореоле славы, с дипломом магистра, но без жены. Семейный биограф Мария Бекетова писала, что, встретив сестру по приезде домой, вместо веселой,

румяной и цветущей девушки она увидела изможденную, бледную женщину в поношенном платье. Муж, вероятно, держал ее впроголодь, поскольку был очень скуп, запирал на целые дни в доме, изводил ее приступами ревности и гнева из-за любой мелочи, столь бурными, что, стоило ему повысить голос, прислуга бежала из дома^[30]. Семья Бекетовых, увидев состояние Александры, которая была на восьмом месяце беременности, уговорила ее оставить мужа. Это была вторая беременность молодой женщины — первый ребенок родился мертвым, а от варшавских профессоров дошел слух, что виноват в том был Александр, которому случалось поднимать руку на жену. В то же время сама Александра тем не менее признавала, что в их браке выпадали и хорошие минуты, посвященные совместному музенированию, чтению, и что она многим обязана мужу, оказавшему существенное влияние на ее духовное развитие и художественный вкус^[31]. Блок, похоже, сильно любивший жену, уже из Варшавы предпринимал всевозможные попытки заставить ее вернуться, прибегнув даже ко лжи и выслав телеграмму якобы от имени ректора Варшавского университета, извещавшую о том, что он тяжело болен^[32]. Бекетовы, однако, раскрыли обман и Александра осталась в Петербурге, где 16/28 ноября 1880 г. родился сын Блока, Александр.

После ухода жены для Блока начался период одинокой жизни, затянувшийся почти на одиннадцать лет. По свидетельству Николая Кареева, до его отъезда из Варшавы в январе 1885 г., Блок оставался одним из немногих русских преподавателей университета, с кем Кареев с удовольствием поддерживал близкие, дружеские отношения. Он считал Блока необычайно образованным, блестящим и интересным собеседником, с которым любил «пофилософствовать» и который своими размышлениями вдохновил Кареева на несколько письменных и устных высказываний на тему философского понятия «духа российской науки», за что круг, как он их иронично называл, «наших патриотов», окрестил Кареева «национальным санкюлотом»^[33].

Учившийся в первой половине восьмидесятых годов Люциан Бохвиц оставил аналогичные воспоминания о том, что «профессор Блок был русским, но с исключительной симпатией относился к полякам, придерживался либеральных убеждений, которые в Варшаве, разумеется, ему приходилось скрывать; предмет свой читал увлекательно [...]. Изредка я встречался с ним в его квартире. Не будучи стесненным рамками официальной лекции, ко многим вопросам он подходил с такой интересной стороны, что я бывал просто ослеплен его взглядами и глубокой эрудицией. Однако всегда перед выходом

он предупреждал меня, чтобы наши беседы оставались между нами, и чтобы ничто не попало случайно в его литографированные лекции»^[34].

Но со второй половины восьмидесятых начинается постепенная эволюция взглядов Блока на закон. В частности, Кареев упоминал о том, что до него дошел слух из Варшавы, будто бывший университетский коллега очень изменился и все больше сближается с кругом «обрусителей». Однако, скорее всего, он все же не зашел по этому пути так далеко, как утверждал В. Орлов, писавший, что в 1907 г. Блок выставил свою кандидатуру в Государственную думу от черносотенного Союза русского народа города Варшавы^[35]. То же повторил в своей газетной публикации Ежи С. Маевский, ссылаясь на книгу А. Галиса, который и правда привел утверждение Орлова, но только для того, чтобы подвергнуть сомнению^[36]. Потому что ни один источник не подтверждает принадлежность Блока к ультраправому националистическому Союзу, скорее, все они указывают на то, что он был сторонником так называемых октябристов, то есть Союза 17 октября, монархистов, поддерживающих линию Манифеста 17 октября, объявлявшего созыв Государственной думы и введение гражданских свобод. Поиск ответа на вопрос о причине такой перемены не представляется простым делом, скорее всего, причина кроется в области психологии. Вероятно, в значительной степени на Блока могла повлиять внутренняя ситуация в Варшавском университете. В первой половине восьмидесятых расстановка сил среди профессуры в совете была особенной, поскольку в него входило 30 поляков и 33 иностранца, из которых трое — россиянин Кареев и два балтийских немца Александр Лагорио и Людвиг Ришави — не поддерживали ни одну из национальных партий, голосуя то на стороне одной, то на стороне другой, исходя из собственного чувства справедливости. Такая позиция, правда, не слишком помогла изменить отношения к ним в польском обществе, куда россияне были не вхожи. Потому даже Кареев, как он пишет, сумел завести крайне мало польских знакомств в варшавский период^[37]. В результате они испортили отношения с руководством, в частности с попечителем Александром Апухтиным, одинаково строгим как к своим, так и к полякам в вопросах «благонадежности» взглядов, что закончилось отстранением Кареева и отставкой Ришави по знаменитому третьему пункту, то есть без указания причин увольнения. Вероятно, одиночество и отсутствие поддержки в семье заставили Блока примкнуть к одной из сторон, и по причинам жизненным и дружеским он выбрал российскую сторону, где в то время действительно главенствовали «наши патриоты». К неоднократному

выражению националистических взглядов их, несомненно, подтолкнули действия Апухтина, который приказал доверенным лицам детально доносить, что каждый профессор говорит на лекциях и во время заседаний университетского совета.

Возможно, на изменение позиции Блока также повлияло стремление получить высокий пост в университете.

Болезненно честолюбивый, брошенный женой, одинокий, с неосуществившимися надеждами на карьеру в Петербурге, он жаждал какой-либо компенсации в виде продвижения по научной лестнице, для чего на варшавской почве требовалось стать на сторону правительства. Действительно, с точки зрения карьеры он достиг максимума, особенно, если вспомнить, что у него была лишь степень магистра, докторской он не защитил.

Блок поднимался на вершину шаг за шагом: в 1885 г. с должности доцента на должность профессора экстраординарного, в 1905 г. стал исполняющим обязанности ординарного профессора, наконец в 1906 г., а формально в 1908 г. его избрали деканом юридического факультета^[38].

Продвижению по службе, однако, не сопутствовали ни счастье в личной жизни, ни удача в науке и преподавании. Брак с Александрой Бекетовой в конце концов закончился разводом, на который Блок долго не хотел давать согласие, надеясь, что жена, все же, к нему вернется. В 1891 г. Блок женился второй раз, на Марии Беляевой, дочери служившего в Царстве Польском офицера. Год спустя, 2 мая 1892 г., она родила ему дочь Ангелину. Когда девочке исполнилось три года, жена сбежала с ней от Блока в Петербург, вероятно, по тем же причинам, которые привели к распаду первого брака^[39]. С этого момента Блок начал заметно меняться — избегал людей, нигде не бывал и никого не принимал. По воспоминаниям его племянника, в своей квартире на Кошиковой, 29 он никогда не топил печей, не держал помощников, поэтому у него было грязно и холодно. Мрачный облик квартиры увековечил также в «Возмездии» Александр, когда, получив телеграмму о том, что отец смертельно болен, приехал в Варшаву:

...Сынходит. Пасмурна, пуста
Сырая, темная квартира...
Привыкли чудаком считать
Отца...

Столовался Блок в дешевых харчевнях, дома лишь пил чай. Франт в прошлом, теперь он имел вид неопрятный и

неряшливый, племянник писал, что в жизни не видел настолько грязных и оборванных манжет. Вечера Блок проводил дома в одиночестве, сидя в пальто в промерзшей квартире и глядя на пустую кроватку дочери^[40]. Не складывались и его отношения с сыном, которого, похоже, он очень любил и, как вспоминал профессор Богдан Навроцинский, улыбка на лице Блока появлялась только тогда, когда кто-то упоминал его сына. Хотя они переписывались и время от времени виделись, между ними не было той близости, о какой мечтал отец. Как пишет Ядвиги Шимак-Рейфер, поэт «отцу писал корректные, хотя немного холодные письма, видел его редко, но не скучал»^[41]. Когда Александр Александрович женился в 1903 г. на дочери Дмитрия Менделеева, Любови, Блока даже не пригласили на свадьбу, что тот переживал глубоко и болезненно. После смерти он тоже не дождался от сына теплых слов о себе. Спустя два года после ухода отца, Александр писал в «Дневнике 1911»: «Сегодня вторая годовщина смерти отца. Может быть, и объявлено об этом в "Новом времени" или подобной помойной яме. Но я иду на другую панихиду»^[42]. В том же самом, 1911 г., дня 27 декабря он упомянул отца в последний раз, жестоко расправляясь с его наследием: «Отец мой — наследник (Лермонтова), Грибоедова, Чаадаева, конечно. Он демонски изобразил это в своей незаурядной "классификации наук": есть сияющие вершины (истина, красота и добро), но вы, люди — свиньи, и для вас все это слишком высоко, и вы гораздо правильнее поступаете, руководясь своей политической по преимуществу (верх жестокости и иронии) жизни отдаленными идеалами... юридическими (!!). Это ли не демонизм? Вы слепы, вы несчастны, копайтесь в политике (ласкающая печаль демона) и не поднимайтерыла к сияющим вершинам (надмирная улыбка презрения — демон сам залег в горах, "людям" туда пути нет). Все это — в несчастной оболочке А.Л. Блока весьма грешной, похотливой...»^[43].

Хотя в 1907 году, когда профессор Б. Навроцинский писал у него свою работу, Блоку было всего 55 лет, он казался сгорбленным, изнуренным болезнями и угрюмым стариком.

Не любили его и студенты, которых отталкивала не только манера преподавания, но и свойственные ему строгость, сухость и высокие требования. В документах Императорского Варшавского университета сохранился анонимный донос на Блока от мая 1901 г. попечителю Варшавского учебного округа, где о профессоре говорилось как о человеке не вполне нормальном, а в качестве одной из причин указывалась неудачная личная жизнь. Основным поводом к конфликту со студентами, которые, скорее всего, и были авторами

анонимки, послужил способ проведения экзаменов: по мнению слушателей, Блок обнаруживал необъективность и проявлял излишнюю строгость. Еще и поэтому студенты отказались сдавать экзамен, в дело пришлось вмешаться просветительским властям^[44].

Отвечая на вопрос попечителя, имеет ли под собой основания мнение, высказанное в анонимном письме, ректор Григорий Ульянов писал, что действительно профессор Блок — человек сложный, но его психическое состояние может оценить только врач путем научного наблюдения. Однако нельзя обойти вниманием тот факт, что в его психике заметны некоторые патологические симптомы, к которым можно отнести крайнее недоверие в отношении некоторых коллег с факультета^[45]. Он признавал, что стиль изложения материала Блоком сложен и туманен, а экзаменует он так долго и тщательно, что доводит студентов до крайнего изнурения. Как вспоминал Ярослав Ивашкевич, он задавал самые неожиданные вопросы, например, Яна Иванского спросил, сколько симфоний написал Бетховен, однако, имея дело с другом семьи Карловичей, получил исчерпывающий ответ. По мнению ректора, перечисленное не было достаточным поводом для отстранения профессора от преподавания.

Серьезные проблемы с руководством у Блока снова возникли в 1904 г., когда попечитель округа Александр Николаевич Шварц в письме ректору от 9 апреля спросил, почему профессор государственного права Александр Львович Блок не выполнил взятых на себя обязательств, которые были условием предоставления ему согласия в 1901 г. на выезд за рубеж, и почему руководство учебного заведения не проследило за их выполнением. Он также спрашивал, не считает ли ректор, что в связи с этим следовало бы освободить профессора от службы. Что это были за обязательства, неизвестно, вероятно, речь шла о сроках подготовки докторской диссертации. Ректор ответил, что неоднократно напоминал Блоку о необходимости выполнения поставленных перед ним условий, но профессор каждый раз говорил, что работает над диссертацией. Кроме того, по информации, полученной с факультета, ректор знал, что в течение прошедшего 1903 г. профессор продолжал ее печатать. Информация не соответствовала действительности, поскольку в свет не вышло ни одной страницы работы Блока. Что до его увольнения, ректор писал, что это было бы во всех отношениях «неудобно по причине трудностей с комплектацией кадров на юридическом факультете», благодаря чему Блок остался на своей должности^[46].

Студенты, такие как Шимон Аскинази или Николай Дубровский в своих воспоминаниях, которые часто

цитируются в работах о российском Варшавском университете, пишут о предвзятости в лекциях Блока, о том, что он старался внушить отвращение к лучшим западным институциям и мыслителям и принизить их, зато превозносил восточные и византийские идеи и устройство культуры, а более всего восхвалял самодержавие^[47]. Высказывания подобного рода привели к тому, что в глазах общества Блок стал одним из главных представителей лагеря русификаторов, а его научную деятельность, весьма, правда, скромную, полностью игнорировали.

Благодарные воспоминания он заслужил только от Евгения Спекторского, который под руководством Блока написал свою кандидатскую диссертацию «Жан Жак Руссо как политический писатель», после чего по его рекомендации стал профессорским стипендиатом и в результате занял кафедру энциклопедии права в Императорском Варшавском университете. В 1913 году Спекторский покинул Варшаву, получив должность профессора государственного права в Киевском университете, а в 1917–1918 занимал там пост ректора. В 1920 г. эмигрировал из России, сперва поселился в Белграде, потом в Праге, снова в Белграде и в Любляне, не прекращая преподавать и активно участвуя в научных и культурных русских эмигрантских сообществах. В 1947 году переехал в Нью-Йорк, где читал лекции в основанной им Свято-Владимирской православной духовной академии^[48]. О своем учителе писал неоднократно — был автором двух некрологов в «Варшавском дневнике» и в «Варшавских университетских известиях» от 1912 г., последний — перепечатка опубликованной годом раньше, в 1911 г., отдельной семидесятистраничной брошюры, посвященной жизни и научному творчеству Блока. Наконец, спустя много лет, в 1933 г. в Белграде он опубликовал еще одно воспоминание о своем профессоре, что свидетельствовало о неугасающей к нему привязанности. Спекторский считал Блока человеком несгибаемой, твердой и упорной воли, вечным искателем, постоянно собой недовольным, требовательным к другим, но и к себе. В его характере, писал Спекторский, проявлялось полупротестантское происхождение — лютеранский ригоризм и кантовский идеализм. Его этика, отмечал он, была этикой человека, умеющего подчинять чувства воле^[49].

В любом случае, только благодаря Спекторскому нам известно, какие исследовательские проблемы занимали Блока в последние 20 лет жизни, поскольку Спекторский скрупулезно записывал их дискуссии, и лишь из этих записей мы можем узнать, какие идеи, концепции и мысли бурлили и разрастались в голове Блока. После смерти Блока его ученики собирались хотя бы частично опубликовать оставшийся в виде

рукописей главный труд его жизни, посвященный новаторской концепции классификации наук, однако это оказалось невозможным. Работая над стилистической формой высказывания и одновременно над музыкальностью фразы, Блок, неустанно переделывая и шлифуя свое сочинение, довел его до того, что оно начало напоминать шифр, не понятный никому, кроме самого автора^[50].

Как ученый Блок не много дал науке. Помимо упомянутой магистерской диссертации, в 1884 г. он опубликовал вторую и последнюю книгу «Политическая литература в России и о России», представлявшую собой введение в курс государственного права, предназначеннное главным образом для студентов. Этому труду, занимающему всего 108 страниц, Кареев посвятил короткую заметку, называя его любопытным и вдохновляющим^[51]. По оценке же Януша Волинского, в основе очерка Блока лежит «идеализация самодержавия, православной церкви и своеобразных отечественных концепций, многословно и сумбурно он старался доказать превосходство российского государственного строя того времени над западным, а также его творческое начало»^[52]. Книга Блока по своей сути представляла собой полемику со взглядами славянофилов и западников, в чем Кареев видел тенденцию к научному разрешению спора между этими двумя идеологическими направлениями. Проблематика книги была настолько российской, так глубоко связана с русской философско-социальной мыслью, что должна совершенно по-разному восприниматься поляками и россиянами. Проблема «русской идеи», понимаемая как «определение самосознания народа, особенностей его культуры, смысла российской истории, а также (хотя не всегда) особой миссии России в мировой истории» — важнейший вопрос, занимавший умы российской интеллигенции со времен царствования Николая I и остающийся актуальным по сей день^[53]. Направление философской мысли XIX века определил спор о сущности русского самосознания, происходивший между славянофилами и западниками. Книга Блока, следовательно, представляла собой, с одной стороны краткое изложение большинства аргументов, выдвигаемых противостоящими сторонами, с другой, по мнению автора данной статьи, стал интересным личным вкладом в спор. Польским студентам в реалиях того времени сочинение Блока, несомненно, было чуждо с точки зрения проблематики, воспринималось как провокация и прославление величия России, но главным намерением его автора было познакомить их с мало им известными проблемами, волновавшими российских мыслителей. Таким образом, с точки зрения историка идеи,

книга обретает совершенно иной смысл.

Блок критиковал славянофилов за ложное представление сути «славянского духа» и поиски величия России не там, где оно в действительности содержится. Он считал, что славянофилы только подчеркивают недостатки «гнилого Запада», сильно их преувеличивая, а восхваление ими России отличается не только полным отсутствием такта, но, прежде всего, идеализацией прошлого, что есть фальсификация истории, препятствующая верной оценке настоящего. Постоянные ссылки славянофилов на славянские национальные особенности казались ему ошибочными, потому что российский мир с давних пор отличался, по его мнению, очень сложным этническим составом и не менее сложным процессом социального развития, обусловленным разнородными влияниями Востока и Запада^[54].

Суть величия России состояла, по мнению Блока, как раз не в исключительности славянского духа, а в ее многонациональном характере, взаимопроникновении и ассимиляции разнородных, иногда даже враждебных друг другу элементов общества. Славянофилы превозносили православие как самое чистое выражение истинного христианства, а общину — как идеальный пример сосуществования в социуме. Для Блока главным достоинством российской религиозности было отсутствие схоластического догматизма и клерикализма, а в социальной сфере он выделял как раз принцип индивидуализма и отсутствие стадных черт как одну из особенностей российской жизни. Здесь он соглашался с мнением Б.Н. Чичерина, утверждавшего, что община просуществовала так долго потому, что поддерживалась государством из экономических соображений. Он решительно выступал против критики, которой славянофилы подвергли результаты правления Петра I, так называемый петербургский период, который, по их оценке, был слепым подражанием «гнилому Западу», пустой и бесполезной европеизацией. По мнению Блока, прежде чем создавать новую культуру более высокого уровня, необходимо перенимать предшествующие культуры, и России следовало сперва обучиться у более просвещенных народов. Важнейшим явлением, зародившимся в этот период, стало формирование отечественной интеллигенции, группы, принадлежность к которой обеспечивается не рождением, правами и привилегиями, а только образованием и духовными потребностями. Потому что Петр I первым потребовал от людей, обязанных служить государству, образованности и тем самым запустил процесс «размягчения» жестких форм сословного правления. Основная роль интеллигенции должна заключаться в служении народу, выполнении функции его

просветителей, воспитателей и предводителей. Это пока скорее мечта, чем действительность, писал Блок, но такие мечты возможны благодаря нашему петербургскому периоду, чего славянофилы не замечают^[55].

Восхваление Блоком реформаторского, благотворного с государственной и общественной точки зрения правления Петра, Екатерины II, Александра I и Александра II, для поляка, несомненно, вопиющее, с российской точки зрения идеально вписывается в каноны суждений, высказываемых историками так называемой государственной школы, таких как Константин Кавелин или Борис Чичерин.

Западников же Блок упрекал в том, что в своей критике в адрес России они не замечают того огромного прогресса, которого она достигла, перенимая и синтезируя разные культуры. Он считал вредными мнения, высказываемые, например, Петром Чаадаевым о том, что российское общество неспособно адаптироваться к европейской цивилизации; даже больше, он считал, что уже давно прошла эпоха слепого, рабского подражания, и Россия находится на пути создания нового, культурного уровня, где синтезируется лучшее, что было в ее прошлом и что она переняла от других народов. Важнейшее место занимает — и здесь ведущая роль отводится интеллигенции — популяризация искусства самостоятельного мышления, критицизма, умения соединять идеализм с реализмом^[56]. Это прославление величия России в некоторой степени «заблаговременное» разозлило Адама Махбурга, который назвал Блока, а заодно и Кареева «историками будущего».

После выхода этой книги Блок, собственно, замолчал. Напечатал еще несколько мелких текстов, главным образом рецензии^[57]. Вышла в печати также его речь, которую он произнес во время торжественной церемонии открытия академического года в 1888 г., где подчеркнул значение философского образования для студентов-правоведов. Речь была его высказыванием в важной дискуссии на тему характера университетского образования. Он придерживался мнения, что студенты правоведения должны становиться в будущем не только учеными теоретиками, но, возможно в первую очередь, сведущими практиками, с учетом чего необходимо предусматривать в программах образования получение практических знаний. Тем не менее, он яростно защищал теоретическую науку, писал, что философия науки необходима, потому что она обеспечивает критическую самостоятельность мышления, не позволяет восхищаться всевозможными «аномалиями», которые укоренились в общественной жизни^[58]. В этом отношении он мыслил так же,

как гениальный тест его сына, Дмитрий Менделеев, который в своих высказываниях подчеркивал, что сущность университетского образования есть специализированное образование, основанное в большой мере на философских началах^[59].

Однако в то же время Блок с пессимизмом отмечал, что философия в современном мире не только не способна влиять на сферу политики, но и сама под влиянием политики становится все более примитивной и приземленной.

В 1891 г. он опубликовал довольно неприятную по своему содержанию статью «О финляндском вопросе», в которой рассматривал российскую политику в отношении Финляндии не как русификационную, а как закономерно ликвидирующую безосновательные юридические отличия этой страны, что свидетельствовало о нарастающем торможении его взглядов. В частности, он утверждал, что помимо юридического порядка, существует великое множество вопросов, в которых воля императора — закон, например, принятие правителем решения об объединении почтовой и денежной систем Финляндии и России. «Хотелось бы, — писал он, — чтобы признанная в России действительная "необходимость" была таковой и в Финляндии»^[60].

Как следует из университетских докладов, последующие годы он, вероятно, посвятил подготовке докторской диссертации, которой, как мы знаем, так и не написал, но название которой должно было звучать как «Политика в круговороте философской критики», «Политика в кругу наук» или «Обзор наук со стороны их жизненного содержания». По свидетельству Спекторского, сущность сочинения должна была основываться на создании новой классификации наук и указании места и особой роли политики в их кругу. Слово «круг» здесь совершенно оправдано, поскольку Блок рассматривал прогресс науки не как развитие по прямой линии, а как постепенно расширяющиеся круги, в центре которых находился человек. Следовательно, первыми науками в этой классификации для него были науки гуманитарные, поскольку они находятся ближе других к человеку. Их очередность определяется постепенным расширением исследуемого круга и переходом от объектов, приближенных к человеку, ко все более от него удаленным. Наиболее приближенными к человеку областями он считал: логику, которую причислил к гуманитарным наукам, потому что ее предметом должно было быть изучение и объяснение человеческих мыслей, устремленных к истине, эстетику и этику. Только потом в достаточной мере обогащенная теоретическим и экспериментальным знанием научная мысль может попытаться выйти за пределы

человеческого мира и исследовать мир физический, пока не достигнет природных границ нашего познания.

Примечательно, что для Блока гуманитарные науки, которые интересовали его больше всего, являлись науками не нормативными, а эмпирическими, поскольку они исследуют не то, что быть должно, а то, что существует в действительности, например, то, как идея красоты или добра реализуется на практике. Так, он утверждал, что теология — не вера, а наука о вере, вследствие чего теолог может быть человеком неверующим, а этик может быть человеком ненормальным^[61]. Центральное место в его классификации занимала политика, отличающаяся обширностью своих интересов и имеющая основное значение в человеческой жизни. Блок разделял мнение Аристотеля, что вне политики могут жить только боги и животные, человек же существо политическое, государственное, которое реализуется в социальной жизни.

Реализовать расписанный подобным образом исследовательский план, по мнению Спекторского, невозможно по некоторым причинам. Прежде всего, человеческий ум не в состоянии охватить специфику и содержание каждой научной дисциплины с их целями, методологией и результатами. В большинстве областей Блок был полным дилетантом и, несмотря на нечеловеческие усилия, не мог постигнуть сущность всех ветвей наук, которые исследовал. Во-вторых, Спекторский не был уверен, является ли полученное до сих пор человечеством логическое, этическое, эстетическое или социальное знание на самом деле более конкретным, чем знание природное, и можно ли на нем построить здание человеческого познания. Наконец, Блок рассматривал отдельные науки не как безымянную сумму проблем и теорий, а как продукт ряда мыслящих умов, из которых каждый был единственным в своем роде. Двигаясь в направлении индивидуализации науки, утверждал Спекторский, автор столкнулся с областями, не имеющими пределов и конца^[62]. Если добавить к этим трудностям стремление Блока придать своему сочинению глубоко художественную, даже музыкальную форму, легко понять, что реализация его замысла стала невозможной.

Тематика интересов Блока ясно свидетельствовала о том, как сильно он отдался от правоведческих проблем ради философских, обширность и глубина которых так его захватили, что, как вспоминал Спекторский, он производил впечатление настоящего философа, человека, полностью отстранившегося от жизни. Он писал о своем учителе: «Боевая юношеская дерзость его книги о Штейне, немного утопическая

мечтательность книги о России или горькое сомнение его актовой речи постепенно сменились великим спокойствием философа, свысока смотрящего на жизнь и науку»^[63]. Александр Львович Блок умер 1 декабря 1909 г. в возрасте 57 лет в частной клинике Конрада Добрского для небогатых больных на аллее Роз, 10. В пятницу 4/17 декабря состоялись его похороны, в которых принимали участие, помимо профессоров и студентов, товарищ министра народного просвещения Лев Александрович Георгиевский, а также попечитель Варшавского учебного округа Владимир Беляев. Присутствовал также сын покойного, который не успел к сроку, чтобы проститься с умирающим. На могилу возложили шесть венков — от совета профессоров, от юридического факультета, от сына, от Союза 17 октября, что представляется убедительным доказательством устремления политических симпатий Блока к этой политической группировке^[64]. Тело Блока похоронили на Вольском православном кладбище, но его могилу не удалось найти. Администрация кладбища сообщила мне, что документы сгорели во время Второй мировой войны, поэтому неизвестно, в каком секторе находилось его надгробие. Профессор оставил своим детям в наследство почти 50 тысяч рублей, что свидетельствует не столько о его больших заработках, сколько о том, что он вел весьма скромный образ жизни, даже голодал^[65].

Русская прогрессивная общественность Варшавы простилась с ним словами: «Покойный профессор всегда был последовательным националистом. Даже в тяжелые дни 1905 года он остался верен своим убеждениям, в то время как многие его сторонники склонялись влево или вправо, сообразно обстоятельствам. Одним словом, это был противник открытый и идейный»^[66].

Перевод Ольги Чеховой

„Kwartalnik Historii Nauki i Techniki” 2009, t. 54

-
1. А. А. Блок. Собрание сочинений. Т. 7. Автобиография. 1915. Дневники 1901–1921. – Москва–Ленинград, 1963, с. 12.
  2. В.Н. Орлов. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. – Ленинград, 1978, с. 35.
  3. Там же, с. 34; А.А. Блок: Автобиография, стр.12.
  4. В.Н. Орлов, указ. соч., с. 34.

5. А. Блок. Записные книжки, 1901–1920. Художественная литература, – М., 1965, с. 51.
6. Цит. по: В. Н. Орлов, указ. соч., с. 34.
7. A.Galis, Osiemnaście dni Aleksandra Błoka w Warszawie. Warszawa 1976, s. 14–15.
8. В.Н. Орлов, указ. соч., с. 35.
9. Н. Болдырев А. Л. Блок. (Некролог). // Журнал Министерства народного просвещения, новая серия, СПб, 1910, № 3, паг. 4–я, с. 49–55.
10. Е. Спекторский/ Александр Львович Блок, государствовед и философ. – Варшава, 1911, с. 2.
11. См.: Ю. В. Бояка. Политико-правовые воззрения А. Градовского. – Саратов, 2006; Т.Е. Плященко. А.Д. Градовский о политических направлениях в российском обществе пореформенного периода <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/65624.html>.
12. А. Блок. Автобиография, с. 3–4.
13. Там же, с. 19.
14. S. Askenazy: Uniwersytet Warszawski. Warszawa 1905, s. 25.
15. Там же, с. 47.
16. Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского. Свод Законов Российской Империи. Т. 3, кн. 3, – СПб, 1913.
17. Archiwum Państwowe m. st. Warszawy [dalej: APW], zespół Cesarski Uniwersytet Warszawski 1869–1917 [dalej: CUW], sygn. 642: Сведения относительно лиц русского происхождения, 20 марта 1904, 27 июля 1919, к. 4–8.
18. Е. Спекторский. указ. соч., с. 3.
19. Там же.
20. См.: Сводные данные об официальных оппонентах по юридическим диссертациям в Санкт-Петербургском (Петроградском) университете. // А. Акущев: Статистика присуждения ученых степеней в Российской Империи (1794–1918). Справочное пособие. Пятигорск 2005, с. 291.
21. Е. Спекторский. указ. соч., с. 4.
22. Н. И. Кареев. Прожитое и пережитое / Подготовка текста, вступит. ст., комментарии В.П. Золотарева – Изд-во ЛГУ, 1990, с. 331.
23. J. Woliński: Warszawskie lata uniwersyteckie Szymona Askenazego 1883–1887. „Rocznik Warszawski” 1971, s. 150.

24. Е. Спекторский. указ. соч., с. 4; В.Н. Орлов, указ. соч., с. 36.
25. G. Lehmbruch. The Institutionalisation of „embedded capitalism": The German "model" and its impact on Japan. Konstanz 2000, <http://www.uni.konstanz.de>. s. 13.
26. А. Блок, Государственная власть в европейском обществе: Взгляд на политическую теорию Лоренца Штейна и на французские политические порядки. – СПб, 1880, с. 4-9.
27. Там же, с. 11-18.
28. Там же, с. 19.
29. В.Н. Орлов, указ. соч., с. 36.
30. Там же, 39-40; A. Galis, dz. cyt., s. 30-31; J. Szymak-Reiferowa, dz. cyt., s. VI.
31. В.Н. Орлов, указ. соч., с. 39.
32. A. Galis, dz. cyt., s. 32.
33. Н. И. Кареев. Прожитое..., с. 169.
34. L. Bochwic. I. Wspomnienia uniwersyteckie Warszawa 1882-1885. Petersburg 1885-1887. Z dawnych wspomnień sądowych. Wilno 1938, s. 28.
35. В. Н. Орлов. указ. соч., с. 41.
36. J.S. Majewski. Śmierć szybsza od pędzącego pociągu. „Gazeta Wyborcza" 2007, 16 listopada, s. 16; A. Galis, dz. cyt., s. 34.
37. Н.И. Кареев. Прожитое..., с. 169-171.
38. APW, CUW, sygn. 27: Протоколы заседаний Совета ИВУ за 1908 год, к. 103.
39. A. Galis, dz. cyt., s. 33.
40. Там же, с. 134-135.
41. J. Szymak-Reiferowa, dz. cyt., s. VI.
42. А. Блок, Дневники..., с. 72.
43. Там же, с. 84.
44. APW, CUW, sygn. 482: Протоколы заседаний юридического факультета, 1875-1901. к. 367-368.
45. APW, CUW, sygn. 330: Переписка (секретная) о служащих, 23 января 1901 - 14 марта 1902, к. 6-7. См. также: С. И. Михальченко: Юридический факультет Варшавского университета, 1869-1917. Крат. ист. очерк. Брянск, 2000, с. 52-53.
46. APW, CUW, sygn. 334: Переписка разная за 1904 год, к. 4-5.
47. S. Askenazy, dz. cyt., s. 51-52; Н. Дубровский: Официальная наука в Царстве Польском (Варшавский университет по

- личным воспоминаниям и впечатлениям), – СПб, 1908, с. 103–108.
48. APW, CUW, sygn. 659, 660: Евгений Спекторский, *passim*; К. П. Krakowski: Нить времени: (Биографии преподавателей юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского университета). Ростов-на-Дону, 2003, с. 128–132; С. И. Михальченко, *указ. соч.*, с. 79.
49. Е. Спекторский, *указ. соч.*, с. 7–8.
50. В. Н. Орлов, *указ. соч.*, стр.
51. О публикации заметки на страницах «Юридического вестника» в 1885 г. Кареев вспоминает в примечаниях к своим дневникам, которые их издатель В.П. Золотарев привел в сносках. В.П. Золотарев утверждает, что Кареев ошибся в дате ее публикации, поскольку, по его мнению, она вышла в 1884 г., так как он не нашел ее в подшивках журнала за 1885 г. Тем временем, ошибается также и Золотарев, поскольку приведенная им статья Кареева от 1884 г. не касается работы Блока, а представляет собой полемику с точкой зрения профессора Новороссийского университета Николая Грота. В действительности мысли Кареева о книге Блока появились на страницах «Русской Мысли». См.: Н. Кареев, Прожитое..., с. 331; Также: К вопросу о роли субъективного элемента в социальных науках // Юридический вестник, 1884, т. XV, №2, с. 351–358; Также: Социология и социальная этика. Возражение проф. Н. Гроту. Там же, 1884, №4, с. 752–758; Также: Мечта и правда о русской науке. // Русская мысль, 1884, т. XII, с. 118.
52. J. Woliński , dz. cyt., s. 150.
53. A. Walicki, O inteligencji, liberalizmach i o Rosji. Kraków 2007, s. 273 i nn.
54. А.Л. Блок: Политическая литература в России и о России. Вступление в курс государственного права. – Варшава, 1884, с. 7–14.
55. Там же, с. 17–26.
56. Там же, с. 29–63.
57. Напр. А. Блок: Библиографическая заметка. Внешняя политика императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны С.С. Татищева. – СПб, 1887, с. 16.
58. Об отношении научно-философских теорий к практической государственной деятельности. Речь, составленная экстраординарным профессором А. Блоком по

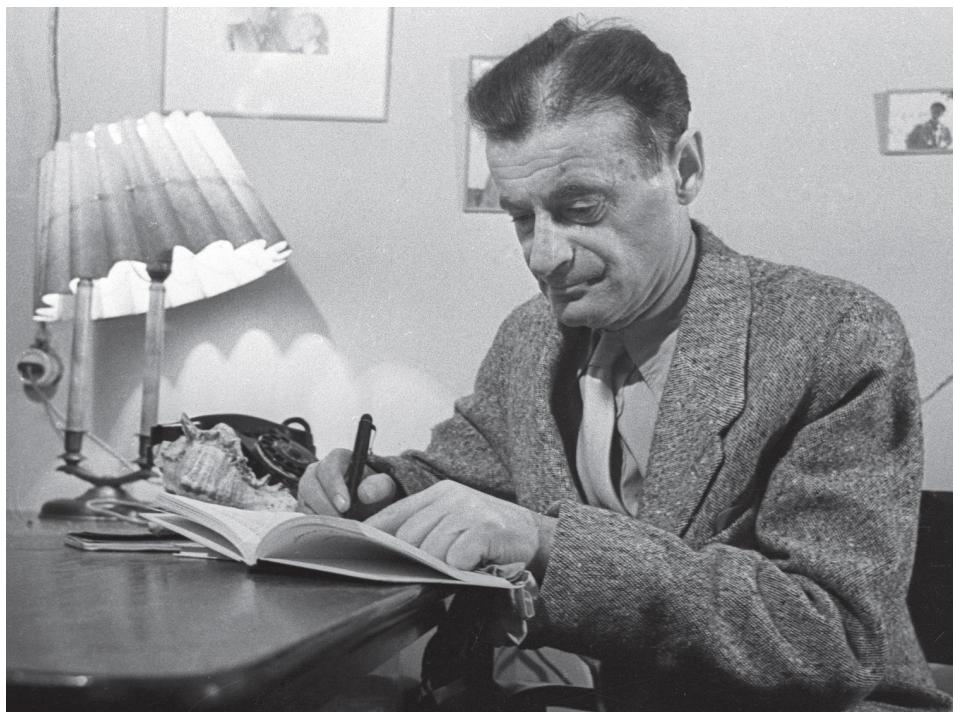
слушаю торжественного акта в Императорском варшавском университете, 30 августа 1888 года, с. 12.

59. А.А. Макареня, И.Н. Филимонова: Менделеев и Петербургский университет. – Ленинград, 1969, с. 14–17.
60. А. Блок. О финляндском вопросе. Критическая заметка. – Варшава, 1891, с. 11.
61. Е. Спекторский, указ. соч., с. 47.
62. Там же, с. 66–71.
63. Там же, с. 45.
64. Варшавское утро, 1909, № 15, 5/18 декабря, с. 3.
65. A. Galis, dz. cyt., s. 155.
66. Варшавское утро, 1909, № 13, 3/16 декабря, с. 3.

Виктор Ворошильский

Человек из байки

(Воспоминания о Михаиле Светлове)

Михаил Светлов (фото: East News)

Броневский... Теперь Михаил Светлов.

Уходят наши поэтические отцы.

Около десяти лет назад Светлов написал:

*Жил я, страшного не боясь,
Драгоценостей не храня,
И с любовью в последний час
Вся земля обнимет меня.*

Правда этого стихотворения высокопарна и обыденна одновременно. Светлов порой позволял себе высокопарность — и имел на нее полное право — однако никогда не предавал обыденность, оставался глубоко человечен даже тогда, когда

практически во всей литературной жизни верх брали нормы героизации, презирающей повседневный человеческий опыт.

Это требовало отваги — и юмора.

Юмор Светлова отдавал печалью, часто обращался в иронию и самоиронию.

Практикуя ее в повседневной жизни, поэт становился человеком из байки.

В ранней юности, как и многие мои ровесники, я полюбил романтическую поэзию Светлова.

Потом — все еще в юности, хоть уже и не такой ранней — познакомился с ним, мы были друзьями.

Тот, с кем я сидел в пивной номер 4 на Пушкинской площади — был Светлов обыденности: в облаке сигаретного дыма лицо его рассыпалось на острые штрихи и складки, словно в подражание знаменитым шаржам, окружавшим нас пьяный гомон то и дело образовывал в разговоре диковинные прорехи — и вдруг до меня долетала одна из неповторимых светловских фраз, одновременно смешных и безжалостных по отношению к говорящему.

Я общался со Светловым из байки, но помнил пылкость «Гренады» — байка ее не оспаривала, напротив, каким-то образом делала более достоверной.

***

Из жизни поэта: Екатеринославль (переименованный затем в Днепропетровск) на Украине, склонившаяся над плитой еврейская мама, с утра до вечера жарившая семечки на продажу.

Отец принес мешок с макулатурой — на кульки для семечек: мальчик прочитал о смертельных дуэлях поэтов, оглушительное впечатление произвело слово «секундант».

Шестнадцатилетний комсомолец: в седле Гражданской войны.

Девятнадцатилетний поэт, автор первой, изданной в Харькове, книжки: в Москву за счастьем.

Молодежное общежитие в бывшем борделе, друзья-поэты, стихи о Гражданской войне и борьбе с «прежним бытом»,

жизнь голодная, порывистая, шумная, бессонная.

Участие в литературных группах двадцатых годов — всевозможных, и боевитых, провозглашавших гегемонию молодых пролетариев в искусстве, и шедших против течения, искавших новый гуманизм в эпоху, когда само это слово звучало подозрительно.

Тогда-то и начали рождаться ярлыки.

В тридцатые годы ярлыки сделались опасны.

Спустя еще два десятилетия (так — на словах — мы пролистываем десятилетия, а тут и жизни конец) в связи с готовящейся посмертной реабилитацией Артема Веселого Светлова попросили дать характеристику этому писателю, товарищу его комсомольской юности. Офицер по другой сторону письменного стола слушал доброжелательно, и вдруг, очевидно, желая развеять последние сомнения, вставил:

— Послушайте, а у нас есть информация, что Веселый был троцкистом.

Светлов встал, положил руку офицеру на плечо и с добродушным упреком сказал:

— Все вы, молодой человек, перепутали. Это я был троцкистом, куда там Артему. Я был троцкистом, а не Артем...

Сам Светлов о тридцатых годах рассказывал полушутило:

— Взяли одного, другого. Меня допросили, ничего не придумали, временно отпустили. Я вернулся домой и стал алкоголиком. За это ничего не грозило.

И еще из баек о губительных ярлыках: зима 1952–53, период «дела врачей», газеты лихорадят от новостей о заговорщиках, финансируемых «Джойнтом» (штаб американских евреев). Светлов у стойки бара в Доме литераторов опрокидывает очередную стопку. Какой-то острослов выражает удивление: мол, такой прекрасный писатель — и пьет вместо коньяка обычную водку.

— Что поделаешь, — разводит Светлов руками. — Опять «Джойнт» забыл перечислить деньги поэту...

После смерти Светлова Ярослав Смеляков написал в воспоминаниях о нем: «В литературной среде его любили все, кроме очень нехороших людей».

В тот день, видимо, никого из этих очень нехороших людей рядом не случилось, поскольку рискованная шутка поэта осталась безнаказанной.

***

В тридцатые годы Светлов-лирик практически умолк.

Он написал тогда три театральные пьесы, из которых наибольшим успехом пользовалась «Сказка» — после войны ее ставили также в Польше.

Это было время, когда литературу заполонили фигуры вредителей и предателей, в финале непременно выводившихся на чистую воду как причина всех бед.

То, как Светлов обыграл этот сюжет, напоминает приведенную выше байку: отрицательным персонажем в стереотипной фабуле «Сказки» оказывается ее симпатичный повествователь.

Из эпилога пьесы:

Т а н я. Как ты смел сделать себя негодяем!

В а н я (смотрит на всех). А кого же?

Т а н я. Кого угодно, только не себя!

В а н я. Мне так не хотелось быть негодяем! Я до восьмой картины думал остаться хорошим...

Иронии развязки никто не заметил.

А впрочем, только ли иронии?

Там были и боль, и протест против обвинения невиновных.

***

1941 год. Светлов, по причине плохого состояния здоровья, не подлежит мобилизации. Он пошел добровольцем, «пробраться» на фронт помогли остроумие и находчивость.

Биография снова оперирует байками. Презирающий «писак» начальник политотдела: «Чего вы суетесь на передовую? Говорят, был такой огонь, что нельзя было голову поднять!» Поэт: «Голову можно было поднять, но только отдельно от туловища».

Потом — в Белоруссии: «Сам не знаю, как так вышло, что я взял в плен четырех немцев».

На Варшаву он смотрел с левого берега Вислы. Вспоминал об этом Светлов всегда со сжавшимся горлом. Когда его спрашивали, хочет ли он посетить сегодняшнюю Варшаву — молчал.

Война была второй молодостью автора «Гренады», но молодостью более сложной и горькой.

***

В первом же разговоре я сказал Светлову, какую роль сыграла «Гренада» в моей молодости. Не помню, как он отреагировал.

Позже я несколько раз становился свидетелем тому, как люди, едва познакомившись с ним, начинают говорить о «Гренаде». Светлов слушал без особого удовольствия.

Думаю, он немного ревновал — от имени прочих своих стихов — к этому единственному, которое добилось такого успеха.

Я могу это понять: «Гренада» прекрасна, но в другие, недооцененные, стихи он вложил не меньше души и мастерства, среди них есть не менее блестящие, чем «Гренада», просто не такие эффектные, есть также произведения гораздо более скромной красоты, которые поэт любил, словно неудачных и забытых детей — больше того единственного, которым все восторгаются.

Светлов не выносил несправедливости ни в какой форме — и его коробило, что «Гренаду» ставят выше стихотворений «Ночь стоит у взорванного моста» или «Пробивается в тучах зимы седина».

Полякам поэт, впрочем, охотнее, нежели своим соотечественникам, прощал излишнее обожание «Гренады», приписывая его гениальному, по словам Светлова, переводу Тувима.

Когда в 1961 году я готовил для издательства «PIW» первый польский сборник Светлова, он все же согласился назвать его «Гренада и другие стихи».

***

Мысленно я не раз соединял Светлова и Броневского еще до того, как они встретились.

Эта встреча произошла в 1955 году в Москве, где я уже несколько лет учился.

Владек с Вандой приехали для участия в мероприятиях, посвященных столетию со дня смерти Мицкевича.

Светлов не раз говорил мне, что хочет познакомиться с Владеком: он чувствовал, что найдет в нем родственную душу.

Мы с Янкой жили в новом красном доме, одном из первых, которые начали тогда вырастать на юго-западе Москвы.

Кроме Броневского и Светлова пришли молодые поэты: Рождественский, Евтушенко, еще несколько.

По русской традиции каждый читал свои стихи.

Владек — в частности — «Поэта и трезвых».

И тут Михаил Аркадьевич с присущей ему прямотой заявляет, что стихотворение прекрасное, но кульминация содержится уже в предпоследней строфе («Я очнулся не рано, всё лицо — словно рана, кругом трезвые встали — меня били, пытали: чем платить я им стану?»^[1]), последняя — лишняя.

Владек как раз не был настроен самокритически, Ванда подлила масла в огонь — и настроение оказалось испорчено.

Потом мы вели более общие разговоры о поэзии, молодые поэты тоже читали, у кого что было (Евтушенко — «Военные свадьбы»), а меня мучило ощущение, что встреча получилась неудачной, что мои старшие друзья как-то разминулись и это уже не исправишь.

Спустя несколько лет оказалось, что я ошибся: Броневский рассказал мне о новой встрече со Светловым в Сухуми, прекраснейшем уголке Кавказа.

Владек шел в гостиничный бар, не особо обращая внимание на окружающих, и вдруг его остановил радостный возглас:

— Старых друзей не узнаете?

Они обнялись.

Никто из них не помнил о том недоразумении.

Делегация польских поэтов, в которую входили также Мендзыжецкий, Шимборская и Гроховяк, провела в Сухуми несколько дней — и Светлов, уже измученный болезнью, передвигавшийся с палочкой, не отходил от них до самого отъезда.

Броневский рассказывал о Светлове с юношеским волнением: они вовсе не разминулись и действительно оказались родственными душами, хотя многим друг от друга отличались.

В изданном еще при жизни Владека обширном издании его стихов на русском языке есть также переводы Светлова.

Броневский хотел перевести Михаила Аркадьевича для того сборника, о котором я говорил выше, но не успел, болезнь перечеркнула все планы.

Они болели одним и тем же, но Броневский короче.

***

Молодой Светлов удостоился похвалы Маяковского.

Это требовало великодушия и широты взглядов: футурист Маяковский был «современным», романтик Светлов — «старомодным».

Светлов, которого я знал, был окружен московской литературной молодежью, писавшей зачастую в духе весьма далеком от мелодики его собственных стихов.

В литературном институте Светлов вел один из поэтических семинаров — кажется, единственный, на котором молодых авторов не подталкивали к эпигонству.

Светлов анализировал стихи своих учеников, шутил, даже иронизировал, но никому не велел мерить свой талант и страсть традиционными образцами.

Учениками его были столь разные поэты, как живописный абхаз Алексей Ласурия (уже покойный), задушевная украинка Лина Костенко, наконец Геннадий Лисин (Айги), чuvаш, оперирующий отдаленными аллюзиями и кодами, программно антисентиментальный интеллектуал.

Творчество Айги не могло не быть чуждо Светлову.

Однако, когда комиссия отказалась выдать молодому поэту диплом, Светлов перестал вести семинар и навсегда покинул институт.

***

Болезнь была продолжительной.

К этому самому безжалостному из своих врагов Светлов относился с меланхолической иронией.

В письме от 3 декабря 1960 года он писал мне: «Я все прихварываю. Боюсь, что меня по футболу переведут из класса А в класс Б. Пропадает лучший нападающий...»

Ставились разные диагнозы, но пришло время, когда все уже знали, в чем дело, наконец узнал и сам Светлов.

Буквально несколько месяцев назад родилась его самая жестокая шутка на свой счет.

В этом месте следует снова вспомнить пивную номер 4, кажется, уже не существующую: сигаретный дым, пьяный гомон, залитые пивом каменные столешницы, закусь на бумаге с жирными пятнами — копченая селедка или вареные раки. Поэт был большим любителем раков и неоднократно читал нам лекции с демонстрацией — как с ними обращаться.

Так вот, несколько месяцев назад, узнав страшный диагноз, Светлов прислал друзьям лаконичную записку: «Старики, привезите пива. Рак у меня уже есть».

***

В конце жизни он как мальчик влюбился в молодую девушку.

Она, кажется, тоже его любила, но он отдавал себе отчет в безнадежности всей ситуации.

Светлов писал:

Ты стать моей мечтой могла бы,
Но — боже мой! — взгляни назад:
За мной, как в очереди бабы,
Десятилетия стоят.

Что выдают? Мануфактуру?
Воспоминанья выдают?
Весьма потрепанную шкуру,
Что называется «уют»?

В те годы родился большой цикл любовной поэзии Светлова — первый и последний в жизни Михаила Аркадьевича. Он продолжал его почти до самого конца, на больничной койке, вопреки всему находя радость в освещавшем эти сумерки чувстве.

Светлов писал также пьесу, героем которой был Сент-Экзюпери.

Книги Сент-Экзюпери он прочитал недавно.

Не знаю, закончил ли он эту пьесу.

Из рукописи, 1964

Перевод Ирины Адельгейм

---

1. Пер. И.Чихалина.

Эльжбета Янус

Из писем к Марии Ренате Майеновой

Мария Рената Маенова (фото: архив)

Тересе — сердечно — о Ее и нашем Мастере

В истории Института литературных исследований Польской академии наук имя профессора Марии Ренаты Майеновой^[1] занимает особое место. Она была одним из его создателей и организаторов в 1948 году, проработала в нем 40 лет, в течение десяти из них занимала пост замдиректора по научной части (1957–1968). После мартовских событий ее сняли с этой должности, а также уволили из Варшавского университета, где на факультете польского языка и литературы она вела занятия (лекции и семинары) по теории литературы. Профессор Майенова осталась на должности заведующей лаборатории, которая сегодня называется Лабораторией теоретической поэтики и литературного языка. Ее деятельность наложила особый отпечаток на научный облик Института^[2].

Профессор Майенова была неутомимым организатором международных конференций и научных съездов, посвященных семиотике, она первая в польской науке занялась текстологией, сфера ее интересов и исследований охватывала

историю литературы (главным образом старопольской), поэтику (в самом широком значении) и собственно языковедческие вопросы, включая лексикографию. Профессор Майенова была создателем и первым редактором «Словаря польского языка XVI века», стояла у истоков и редактировала многотомное критическое издание «Собрания сочинений» Яна Кохановского (так называемое «сеймовое издание»). Широта этих интересов и научной деятельности находит свое отражение также в корреспонденции проф. Майеновой, которая частично уже стала объектом исследований^[3].

В записных книжках семейства Майен фигурирует ок. 250 заграничных адресов, из которых более 70 — это адреса русских ученых, с которыми проф. Майенова поддерживала контакт. Эти пропорции не удивляют. Как известно, Мария Рената Майенова была полькой по выбору. Она родилась в 1908 году в Белостоке, находившемся тогда под российской властью, ходила в русскую школу, а из дома вынесла два языка — русский и идиш. Травма военных лет привела к тому, что второй из этих языков она забыла.

В нашем распоряжении находится только односторонняя корреспонденция, а именно письма, адресованные М.Р. Майеновой, большинство из которых написаны по-русски. Всего их 374, среди них только 11 польских. Письма относятся к периоду с 1956 до 1987 года. Самое старшее из них — это письмо проф. Б.В. Томашевского, написанное в конце 1956 года. Особого внимания заслуживают как содержащиеся в нем оценки работ польских исследовательниц, так и необычайная вежливость.

26 декабря 1956 года

Глубокоуважаемая госпожа Майенова,

По-видимому (*sic!*), Вашей любезности я обязан получением книг — двух томов Марии Длуской, исследования по теории и истории польского стихосложения, и тома «Силлабизм» под Вашей редакцией и редакцией Здиславы Копчинской. Книги эти меня поразили своим объемом и тщательностью анализа богатейшего материала. С трепетом приступаю к их изучению. К моему стыду я совершенно не в курсе польской науки о стихе. Приходится завидовать Вашим работам, до которых нам далеко.

Прошу Вас принять мою глубокую благодарность и, если это позволено, передать авторам этих книг мой привет — дань моего восхищения и уважения к их капитальным трудам.

К сожалению, я лишен возможности послать Вам что-либо приближающееся к работам такого значения. Сейчас я замыкаюсь на работе над второй книгой своей монографии о Пушкине. По поэтике я сдал в печать работу по строфики Пушкина, а в настоящем году должен сдать в печать учебник русской стилистики и привести в порядок учебник русского стихосложения. Эти работы, когда они выйдут в свет, обязательно препровожу Вам.

Желаю Вам счастливого и творчески богатого Нового года!

Б. Томашевский

Количественная статистика сохранившихся писем представлена следующим образом: больше всего писем сохранилось от Ю.М. Лотмана с женой Зарой Минц (40) и от И.А. Мельчука с Лидой Иорданской (29). Остальная статистика выглядит так: Р.М. Фрумкина (20), Д.С. Лихачев (20), Ю.Д. Апресян (19), В.Е. Холщевников (17), Т.М. Николаева (17), А.К. Жолковский (16), В.А. Успенский с Галей Коршуновой (15), В.В. Иванов (14), М. Тарлинская (14), В.В. Виноградов с Н. Малышевой (14), Е.В. Падучева с А.А. Зализняком (12), С.И. Гиндин (11). Среди сохранившихся в меньшем количестве писем также встречаются весьма значительные. К ним относятся, к примеру, письма М.Л. Гаспарова, А.П. Евгеньевой, И.К. Щеглова и другие.

Более 20 лет продолжалась переписка с Ю.М. Лотманом (3 февраля 1967 г. – 26 декабря 1987 г.), немногим меньше — с Ю.Д. Апресяном, Е.В. Падучевой, М.Л. Гаспаровым и В.А. Успенским.

Адресованные Майеновой письма обычно не инициировали знакомство, а были его продолжением. Писем, с которых знакомство начинается, очень мало. Чаще всего первое письмо — это следствие встречи на конференции или реакция на присланные тексты. Преимущественно все письма, начинаяющие знакомство, приходятся на 60-е годы. Это связано с тем, что в те годы Майенова исполняла обязанности замдиректора по научным вопросам и вела активную научно-организаторскую деятельность. С 50-х годов сохранилось всего два письма (от Б.В. Томашевского и В.В. Штокмар), в 70-х и 80-х годах писем, свидетельствующих о новых контактах, получено было совсем немного.

Тематические письма касаются как научных и организационных вопросов, так и личных отношений. Повторяется в них тема приезда на организованные в Польше конференции. Профессор Майенова всегда отправляла именные приглашения конкретным людям, опасаясь приезда «случайных» гостей. Нередко, кроме официального приглашения, она высыпала также личное, по которому легче было получить согласие на выезд в надлежащих инстанциях. В этом смысле письма иллюстрируют историю эпохи, а на ее фоне — биографии отдельных ученых.

Молодому читателю следует пояснить, что для публикации научной статьи в Польше, ученому из Советского Союза надо было получить официальное приглашение. Михаил Гаспаров пишет: «Для того, чтобы получить в Институте мировой литературы, где я работаю (в секторе античной литературы), разрешение на отправку статьи за границу, мне нужно будет получить от Вас официальное предложение на официальном Бланке» (письмо от 19 июня 1969 г.).

Получение согласия на приезд на конференцию в Польшу часто граничило с чудом. Вячеслав Иванов в письме от 25 августа 1964 года сообщает, что не приедет ни по приглашению Института литературных исследований, ни по приглашению Варшавского университета, где он должен был прочитать цикл лекций: «Причины этого Вам известны, я здесь не при чем. (...) Доклад у меня был написан, и я надеюсь переслать его вместе с теми статьями по метрике, о которых писал Вам раньше». Написанный им вместе с Владимиром Топоровым текст, ввиду отсутствия авторов, был прочтен участникам конференции. Конференция, посвященная общей и славянской метрике, состоялась в Варшаве 24–29 августа 1964 года, а Семиотическая конференция, организованная Институтом литературных исследований, 27–29 августа 1965 года. «[...] наконец, все выяснилось и могу ответить вам: ни я, ни Юра А. не приедем — всё по той же причине... Жаль вообще, обидно, что Вы хлопотали зазря, да что поделаешь», — писал Игорь Мельчук в письме от 13 мая 1967 года.

Личные приглашения, которые присыпала русским коллегам проф. Майенова, тоже нередко приносили нулевой результат. Это касалось Третьего международного семиотического симпозиума в Варшаве 25 августа – 1 сентября 1968 года.

Я хотел бы поучаствовать в симпозиуме, и надеюсь привезти доклад на тему «Семантика и практическая лексикография».

Удастся ли осуществить эту поездку, не знаю; как известно «сие от нас не зависит». Недели две-три назад [...] я пошел было в ОВИР за документами, намереваясь реализовать Ваше давнишнее приглашение, но оказалось, что сроки характеристики уже истекли. Теперь [...] ничего не выйдет. (Ю.Д. Апресян, письмо от 5 марта 1968 г.)

Алик (Жолковский) говорил мне, что он уже сообщил Вам о том, что я не смогу приехать по причинам ни в коей мере от меня не зависящим. Тем не менее, я прошу считать меня участником конгресса. [...] Доклад будет за меня делать Алик, для которого я переведу этот текст на английский язык. (Ю.К. Щеглов, письмо от 28 июля 1968 г.)

Нет слов, чтобы передать Вам, как я огорчен тем, что не смогу воспользоваться Вашим любезным приглашением... Я от души желаю всяческих успехов научной конференции, принять участие в которой, к сожалению, не смогу. Были ли Вы на конгрессе славистов? Я и там не смог побывать, хотя совсем уж было собранся. (Ю.М. Лотман, письмо от 11 августа 1968 г.)

Прибыть на конференцию я, к величайшему моему сожалению не смогу. Приглашение, посланное мне зимой, затерялось где-то в академических инстанциях; напоминание о нем я получил недели три назад и поспешил узнать, могу ли я получить требуемую командировку; но оказалось, что оформлять уже поздно. (М.Л. Гаспаров, письмо от 28 апреля 1971 г.)

В Польшу мне приехать не удалось и не удастся, несмотря на разрешение директора. Из высших инстанций (не знаю уж, каких) мне передали, что сейчас удлинились сроки заблаговременности вызовов и что вызов на май, присланный в январе и подписанный директором в первых числах февраля, — это уже слишком поздно. (...) Хоть я и домосед, но мне досадно и совестно — чувствую себя так, словно чем-то подвел лично Вас. (М.Л. Гаспаров, письмо от 4 марта 1974 г.)

Примеры можно приводить и дальше.

В письмах появляются также другие исторические аспекты человеческих судеб, отблески событий, повлиявших на биографии пишущих.

Что касается меня, то этим летом Институт [русского языка], а с ним и Академия, от меня освободились: я не был переаттестован на очередной срок в должности младшего научного сотрудника, которую занимал там почти 12 лет. За это время я очень сросся с институтом, [...] так что расставание было не без крови.
(Ю.Д. Апресян, письмо от 11 октября 1972 г.)

К сожалению, у нас новости неважные. Меня уволили из института в связи с непереаттестацией нескольких сотрудников Института Русского Языка [...] (я там высказалась). Без работы не останусь конечно (пойду к Юре А.), но до сих пор трясет от бессильной ярости.
(Л.Н. Иорданская, письмо от 30 декабря 1973 г.)

Алику (Жолковскому) в лаборатории не продлили договор (эта честь среди всех сотрудников была оказана только ему) и сейчас он — свободный художник.
(Ю.Д. Апресян, письмо от 5 марта 1974 г.)

Сложно было также пригласить Марию Ренату Майенову в Советский Союз. В письме к Борису Успенскому Юрий Лотман пишет: «Относительно Марии Львовны стараемся, но результаты сомнительны» (письмо от 2 апреля 1973 г.). Профессор Майенова так и не получила разрешение советских властей приехать на Семиотическую конференцию под Тарту. Б.А. Успенский пишет: «Счастье было так возможно» (апрель 1974 г.).

Трудности касались также сотрудничества в области издательской деятельности — публикации общих польско-русских томов. Планировалось издание серии монографий по славянской поэтике. С этой целью должны были встретиться профессора Мария Майенова, Борис Успенский и Михаил Лотман. Конференция в Варшаве планировалась на 18–22 ноября 1974 года, однако русские ученые в результате так и не смогли приехать, как пишет Успенский: «Вы знаете, как мы все тяжелые на подъем» (письмо от 16 октября 1974 г.), — и рассчитывает, что Мария Львовна сможет приехать к ним. Это совместное издание так и не состоялось.

Один из русско-польских томов подготовил известный исследователь культуры А.М. Панченко. В нем должна была быть опубликована статья Б.А. Успенского и В.М. Живого «Царь и Бог». «Сборник не состоялся из-за польских событий», — пишет автор комментариев к переписке Лотмана и Успенского.

На протяжении всей переписки письма, рецензии, лекарства, которые высыпает Мария Рената Майенова, доходят с трудом. Профессор Лотман пишет об этом образно:

Получили ли Вы 3-й том «Семиотики» и о ф и ц и а л ь н о е приглашение на Симпозиум в Тарту (Кээрику)? Получили ли Вы мои тезисы для Варшавского съезда? Спрашиваю об этом с тревогой, поскольку злой дух, играющий в нашей переписке хоть и противоречащую материалистическому мировоззрению, но вполне ощутимую роль, продолжает свои шутки: Ваши письма доходят до меня с опозданиями и перебоями, с моими, видимо, дела не лучше. Б.А. Успенский показывал мне Ваше последнее письмо, из которого явствует, что все эти материалы Вами до сих пор не получены. (Письмо от 6 февраля 1968 г.)

В другом письме Лотман пишет: «Наша переписка подвержена влиянию неблагоприятных светил» (письмо от 27 апреля 1967 г.). В одном из писем в эпиграф вынесены слова русской народной песни: «Мои письма не доходят, слуги верные не доносят...» (письмо без даты и конверта).

Профессор Майенова, которая выбирается в США, выступает также посредником в переписке Лотмана с Кристиной Поморской (женой Романа Якобсона).

Около года назад я получила ее письмо, где она писала, что Мутон выслал мне два тома «Избр. соч.» Романа Осиповича. Я их, конечно, не получал. Как говорил Гоголь, «чиновники народ того, ненадежный». Я ей, конечно, обо всем этом напишу, но моих писем из ГДР (в прошлом году) и Тарту (в этом) она, видимо, не получала. Получит ли из Будапешта?» (Ю.М. Лотман, письмо от 1 октября 1987 г.)

Отзвуки большой истории проникают в письма в форме более или менее завуалированных реакций на события в Польше. Мы

находим здесь эхо мартовских событий 1968 года. Жена Виноградова (Н. Малышева) пишет о своем муже: «Пусть он перестанет тревожиться. Все будет у Вас хорошо» (письмо от 21 апреля 1968 г.).

Самым приятным для меня в нем было то, что безличный «Оргкомитет конгресса» (...) оказался Вами. [...] Дело в том, что мы здесь некоторое время назад потеряли уверенность в том, что Конгресс состоится в намеченный срок или в первоначально задуманном виде. Я искренне рад, что эти опасения не оправдались. Пользуюсь случаем выразить свою признательность и самые лучшие пожелания Вам и профессору С. Жулковскому (Ю.К. Щеглов, письмо от 28 июля 1968 г.)

[...] Как всегда, мы все — я среди всех — думаем о Вас с самым теплым чувством и глубоким уважением. Пусть у Вас всё будет хорошо! (И.А. Мельчук, письмо от 18 декабря 1968 г.).

Явственно прочитываются также реакции на «Солидарность» и военное положение. Топоров желает «здравья, сил, бодрости духа, стойкости» и добавляет: «В эти дни особенно часто с особым чувством вспоминаем Вас» (письмо от 13 декабря 1981 г.). Лида Иорданская дописывает несколько строк под письмом мужа, Игоря Мельчука: «Очень хочется увидеться. Может быть, это случится, особенно если в Польше дела и дальше пойдут как сейчас. Гордимся Польшей» (письмо от 3–8 марта 1981 г.).

Выраженные эзоповым языком опасения на тему того, как будет развиваться ситуация в Польше, страх перед советским военным вмешательством сквозят в письмах М.Ю. Лотмана к Б.А. Успенскому:

Я все время думаю о М^{арии} Л^{ьвовне} персонально и генерально. Боязнь, что мы с Вами вдруг, потеряв стыд и разум, припремся к ней незваные в гости, меня совершенно с ума сводит. Эта мысль не покидает меня ни днем, ни ночью буквально. Я ведь знаю свой характер: мало заср... свой родной дом — надо и все вокруг. (Письмо от 27 марта 1981 г.)^[4].

Вы мне не отвечаете [...], мне сейчас плохо: дело не в руке, которая все же изводит меня постоянной, хотя и не сильной болью, и не в сотне других блошиных укусов, а в постоянной боязни за благополучие Марии Львовны и ее близких. Это делается моим пунктом умопомешательства, мысль о котором буквально не покидает меня ни днем, ни ночью. Уныние грех, но как удержаться от уныния? Сам знаю, что на печального и вошь лезет, но как быть человеку, который не знает и не имеет Бога и привык опираться только на себя и вдруг осознает, как слабы и насколько устали эти опоры? (Письмо от 5 апреля 1981 г.)^[5].

Летом 1981 года Б.А. Успенский с детьми ездил в ГДР, а на обратном пути останавливался в Польше. Юрий Михайлович пишет другу:

Очень бы хотелось повидаться: не только вас повидать, но и поговорить о Вашем вояже и промежуточных остановках. Зная Вашу (и свою) инвазивность, я очень боюсь, что Вы, незваный и непрошеный, вдруг заявитесь к Марии Львовне. Уж попридержите характер, батюшка, стыдно перед людьми! (Письмо от 11 августа 1981 г.)^[6]

Сразу же после введения военного положения Михаил, сын Лотмана, вместе со своей женой присылают телеграмму: «Примите в это трудное время наши самые искренние заверения в любви и солидарности». (17 декабря 1981 г.)

А вот как пишет об этом Юрий Апресян:

Надо ли писать, как часто, с какой любовью и горечью мы думаем обо всех наших польских друзьях. И в особенности о Вас! Очень тревожно, и мучит тяжелое чувство бессилия: так хотелось бы помочь — и ничего не можешь сделать.

Я часто вспоминаю осень 76 года, когда мы с вами ходили по Варшаве и говорили о жизни. Тогда казалось, что все очень плохо, но трудно было представить, что через шесть лет действительность настолько превзойдет самые мрачные ожидания. (Письмо от 7 февраля 1982 г.)

К Марии Львовне Майеновой ученые в Советском Союзе относились как к человеку, на которого была возложена особая

научная миссия — наладить связь между Востоком и Западом. Значение научных конференций, которые она организовывала, трудно переоценить. Для многих молодых научных сотрудников из России, которые сегодня стали специалистами мирового уровня, это был первый непосредственный контакт с западными учеными, а для многих польских исследователей — первый контакт как с западными филологами, так и с коллегами из так называемого «Восточного блока».

Письма, адресованные М.Л. Майеновой, содержат также оценку ее работ и ее ближайших сотрудников (Люциллы Пщоловской, Анны Вежбицкой, Анджея Богуславского), а также всего ее научного окружения. Начнем со «Словаря польского языка XVI века». Профессор А.П. Евгеньева, известный лексикограф, автор синонимических словарей русского языка, в 1964–1967 гг. четырежды возвращается в письмах к теме словаря, создателем и редактором которого была профессор Майенова. Это был период разработки принципов построения диахронического словаря, редактирования первого тома, время «борьбы за словарь», когда Марии Львовне приходилось аргументировать необходимость создания этого словаря. Евгеньева пишет:

Стоит ли говорить о том, кому он нужен: языковедам или литературоведам, или еще кому-нибудь? Я как-то иначе смотрю на это. Мне кажется, что вы решаете очень важную лексикографическую задачу, а именно: какие стороны языка и как должен описывать, показывать и структурировать словарь, чтобы дать наиболее ясное представление о языке той или иной эпохи. Т. е. задача лексикографическая, а не литературоведческая или, собственно лингвистическая и т.д. Так о ней и надо говорить. (Письмо от 18 января 1964 г.)

Объем словарного материала А.П. Евгеньеву просто потряс:

От души рада, что Ваши разработки словаря приняты. «Словечко А» союз и частица и нам всегда доставляет много труда, но как Вы «преодолели» 170 000. Я не имела дела более чем с 20 000 карточек. А 170.000! (Письмо от 12 февраля 1964 г.)

*Мне, конечно, очень хочется взглянуть на Ваш первый том.
Замысел его и широта охвата материала ведь совершенно
необычны. (Письмо от 5 мая 1966 г.)*

*Ваш словарь [...] дает необычайно богатую и интересную картину
жизни слова. (Письмо от 27 ноября 1967 г.)*

Апресян формулирует оценку еще более лапидарным способом:

*Кто-кто, а Вы можете быть спокойны за судьбу своих детиш — и
за уникальный, не имеющий равных в мире, словарь и за Вашу
лингволитературоведческую работу. (Письмо от 13 ноября 1980 г.)*

Профессор Майенова говорила о себе «филолог» и хотела, чтобы именно это слово было написано на ее могильной плите. Таким образом она подчеркивала общность двух названных выше областей. Она многократно повторяла, что нельзя заниматься литературоведением, не принимая в расчет лингвистические открытия, и была создателем языковедческой поэтики. Конференции, которые она организовывала, носили интердисциплинарный характер.

Вот еще несколько оценок ее работы. Дмитрий Сергеевич Лихачев писал так:

*Каждый раз, когда я бываю в Варшаве, я испытываю подъем и
возвращаюсь в хорошем настроении. Мне нравится интенсивность
умственной жизни в Польше. [...] Ваша деятельность и Вы сами
очень нужны всем. (Письмо от 8 августа 1966 г.)*

А вот мнение Сергея Гиндина:

*Вот только сейчас [...] отвечаю на ваше замечательное письмо.
Да-да, именно замечательное — по силе Вашего духа, и по глубине
ума, и по умению в немногих словах дать почувствовать самую
суть и нарисовать целую панораму... Это та высота, которая для*

нас, не имеющих Вашей школы и Вашей культуры, вряд ли достижима. Юрий Михайлович, которому я показал письмо на конференции у славяноведов, полностью со мной согласился и сказал: «действительно слов мало, а все понятно». (Письмо от 8 апреля 1982 г.)

Письма Михаила Леоновича Гаспарова носят наиболее профессиональный характер, это письма «по существу», непосредственно связанные с работой. Ему проф. Майенова задает множество вопросов, касающихся поэтики античной литературы и получает профессиональные ответы.

Важным элементом писем являются отношения между адресатом и отправителем. На близость указывают уже процитированные фрагменты, в которых русские ученые беспокоились о судьбе Марии Львовны. Но не только. Приведем лишь несколько высказываний. «Страшно скучают о Вам, — признается Ю.М. Лотман, подчеркивая эти слова, — Мы очень Вас полюбили и как-то сроднились душевно» (письмо от 28 сентября 1974 г.). «Пишу Вам только для того, чтобы Вы знали, что мы живы и любим Вас по-прежнему», — пишет Игорь Мельчук (письмо от 10 апреля 1974 г.). «Вас я всегда ощущал и ощущаю теперь как очень близкого человека», — Юрий Апресян (недатированное письмо).

Михаил Гаспаров написал:

Спасибо Вам за добре письмо: для меня это повод ещё раз признаться Вам, как много для меня значили и значат встречи с Вами и с Вашими работами. Хотя разговора у нас было мало, а по моим сочинениям это, наверное, гораздо менее заметно, чем могло бы быть заметно. Я работаю на гораздо меньшем участке науки, чем Вы, но когда бывает трудно, то ободряю себя самонадеянной мыслью, что все-таки я Ваш сосед по науке. (письмо от 10 июня 1985 г.)

И вот еще: «Спасибо Вам, Мария Львовна, за письмо и добрую память. Бывают такие признания в уважении, которые значат больше, чем признания в любви» (М.Л. Гаспаров, письмо от 24 мая 1987 г.).

Подобных признаний множество.

Трудно не упомянуть о том, как Мария Львовна заботилась о своих далеких друзьях, о том, как старалась помочь, в том числе присылая лекарства. Об этом свидетельствуют упоминания во многих письмах.

Бесконечно благодарю Вас за заботу о В.В. и за присылку драгоценного Diabinese. (Н.М. Малышека, жена В.В. Виноградова, письмо от 26 декабря 1965 г.)

До меня так и не дошло первое (давно посланное) лекарство. (В.В. Иванов, письмо без даты)

Мы оба с Юрай бесконечно благодарны Вам за инсулин, который привезла Нина. [...] Заболела я совершенно внезапно. [...] Мне дали в виде эксперимента 100 таблеток лекарства Salazopiripyru, единственного специального средства для лечения такой болезни. Это меня вывело из состояния катастрофы. [...] Изготавливается оно в городе Упсала [...] В Москве его нигде нет, в том числе и там, где есть всё. (Р.М. Фрумкина, письмо от 10 августа 1966 г.)

[...] Спасибо за Ваше внимание и поддержку. [...] Это лекарство пока оказывает на меня только хорошее действие: оно поддерживает и не вызывает осложнений. (Р.М. Фрумкина, письмо от 26 июня 1967 г.)

[...] Муж [...] потребляет пузыречки и чувствует себя исключительно хорошо. (Р.М. Фрумкина, письмо от 6 сентября 1965 г.)

Есть, как всегда, к Вам просьба. [...] Отец, ветеран войны, болен артрозом: это жуткое заболевание суставов. Лекарство от этого производят в Польше, оно называется «Метиндол» (Metindol) или «Indocid». Здесь его достать — увы! — не удается. Очень совестно беспокоить Вас [...] Боюсь, однако, что лекарство нельзя пересыпать к нам по почте. (И.А. Мельчук, письмо от 15 января 1974 г.)

Дружеская помощь не ограничивалась пересылкой лекарств или книг. Это была также психологическая поддержка. Пишет С.И. Гиндин:

Трудно описать, как тронула и порадовала меня Ваша открытка. С течением лет всё больше привыкаешь к тому, что людям, даже коллегам и сослуживцам, нет дела друг до друга. И вдруг вот такое письмо — за тысячи километров тебя помнят, тобой интересуются. Это очень дорого и важно в жизни. Спасибо Вам.
(Письмо от 3 июня 1982 г.)

Из писем, из описаний ее научной работы и организационной деятельности, складывается не только образ самой проф. Майеновой, но и портреты множества пишущих ей людей. Мария Рената Майенова предстает перед нами как организатор научного процесса, создательница словарных концепций и старопольских издательств, исследователь семиотики, поэтики, теории стихосложения и теории текста, ученым, вокруг которого собрался обширный круг коллег и учеников. Среди них те, кого упоминают и помнят русские друзья, например, Люцилла Пщоловская и Анна Вежбицкая. Мария Рената Майенова — это человек, которого с большинством его адресатов связывают теплые дружеские отношения, это человек, о котором беспокоятся, с которым хотелось бы повидаться, близкий по духу соратник и единомышленник. Письма в большинстве своем носят экстравертный характер, касаются внешних событий (конференции, научное сотрудничество, биографические издания), однако, нередко содержат интровертные элементы — слова об отношении к самому себе, например. Некоторые письма почти полностью посвящены «размышлениям о себе», что само по себе свидетельствует об особенной близости переписывающихся людей. Вот, например, фрагмент одного из писем Юрия Дерениковича Апресяна (13 ноября 1980 г.):

В последнее время, размышляя о жизни своих друзей, среди которых я имею дерзость числить и Вас, я уяснил для себя различие между целями человека и смыслом его жизни. Цели — вещь рациональная и прозаическая. Они подвластны желаниям и воли человека и целиком сосредоточены в нём

самом. [...] Смысл жизни — вещь гораздо более редкая и ценная — всегда выше цели, и человеку неподвластен. Это — сумма добра, которая возникает в мире для других людей независимо от желания и сознательных усилий человека. [...] Я нахожу, что ваша жизнь полна именно этого глубокого и человеческого смысла.

В письмах можно проследить динамику развивающихся отношений. Это видно по речевому поведению, в том, как корреспонденты обращаются друг к другу. Вот метатекстовые делимитационные элементы писем, адресованных проф. Майеновой. Они важны ввиду прямой декларации своего отношения к адресату. М.Ю. Лотман свои первые письма начинает обращениями «Дорогая пани профессор! (3 февраля 1967 г.), «Дорогая профессор Майенова! (5 февраля 1967 г.), потом «Дорогая Коллега!» (14 октября 1967 г.), а начиная с письма от 23 мая 1968 года «Дорогая Мария Львовна!».

Первое сохранившееся письмо Игоря Мельчука начинается со слов: «Глубокоуважаемая Мария Львовна» (14 октября 1966 г.), но уже в следующих письмах, со второй половины 1967 года, он обращается к ней «Дорогая Мария Львовна» и «Милая Мария Львовна». В письмах с конца 70-х годов и позднее русский ученый обращается к Майеновой «Родная Мария Львовна» или даже «Родная наша Мария Львовна». Это уже принятие адресата в семью — показатель самой тесной близости (польски так и не скажешь).

Следует заметить, что к проф. Майеновой русские ученые обращаются по имени-отчеству — это форма, которая в языке зарезервирована только для «своих» — по отношению к иностранцам она обычно не используется. И это еще один сигнал, свидетельствующий о включении адресата в свой мир.

Старшее поколение в обращениях еще использует форму мужского рода: «Профессору, доктору М.Р. Майеновой», «Глубокоуважаемый профессор» (В.Д. Левин, письмо от 19 октября 1966 г. и на официальном бланке), «Глубокоуважаемый профессор Майенова» (А.Н. Колмогоров, октябрь 1964 г. и апрель 1967 г.), «Глубокоуважаемый коллега!» (Р.Р. Гелгардт, 25 декабря 1967 г.). Использовать форму мужского рода по отношению к женщинам рекомендуют грамматики русского языка того времени^[7]. Тем не менее, наряду с этой формой, используется также форма женского рода: «Глубокоуважаемая профессор Майенова» (В.В. Гиршман, письмо без даты, В.И. Гусев, 4 марта 1966 г.),

«Глубокоуважаемая коллега» (В.Д. Левин, 24 декабря 1966 г. — письмо на официальном бланке; М.Л. Гаспаров, 28 апреля 1971 г.; С.К. Шаумян, 15 марта 1965 г.), «Многоуважаемая Коллега» (В.Н. Топоров, 7 сентября 1972 г.).

Обращает внимание также то, в какой последовательности идут формы вежливости. Наряду с соответствующими польским структурам словосочетаниями «Глубокоуважаемая и дорогая пани Майенова» (В.В. Виноградов, 1966 г.), в котором за официальным обращением следует более личное, в переписке довольно часто встречаются сочетания «Дорогая и глубокоуважаемая профессор Майенова / Мария Львовна» (А.А. Леонтьев, 11 февраля 1966 г.; И.А. Мельчук, 14 ноября 1966 г.; П.Г. Богатырев, 29 октября 1966 г.). Здесь мы видим переход от сердечного, теплого отношения к официальному титулу.

Пищий по-польски В.Е. Холшевников также использует эти обращения в разном порядке: «Wielce szanowna i droga Pani Profesor» [Дорогая и Глубокоуважаемая и дорогая Госпожа Профессор] (21 октября 1969 г.), и рядом «Droga i wielce szanowna Pani Renato!» [Дорогая и глубокоуважаемая Пани Рената!] (27 августа 1969 г.). Как видно, в этих обращениях нет также устоявшейся традиции использования больших букв для подчеркивания вежливости.

Чаще всего письма заканчивает притяжательное местоимение «Ваш», сообщающее, что отправитель «принадлежит» адресату. Определение «Ваш» нередко имеет более развернутую форму «Всегда Ваш», «Сердечно Ваш», а чаще всего ему сопутствует определение «искренне». Заверения в искренности встречаются в этой переписке необычайно часто: рядом с «Искренне и неизменно Ваш» (Ю.М. Лотман, письмо от 15 марта 1982 г.), «Искренне преданная Вам» (Г.П. Коршунова, письмо от 4 февраля 1972 г.) часто выступают «С искренним уважением» (А.Н. Колмогоров, письмо от 17 апреля 1967 г.; В.В. Виноградов, письмо от 30 декабря 1966 г.; В.Е. Холшевников, письмо от 29 декабря 1968 г.; Ю.М. Лотман, письмо от 27 апреля 1967 г.), «С искренними дружескими чувствами» (Ю.М. Лотман, письмо от 23 мая 1968 г.), «С искренним приветом» (А.Н. Колмогоров, письмо от 10 июля 1964 г.), «Искренне уважающий Вас» (В.Е. Холшевников, письмо от 30 мая 1968 г.) и т.п. Можно заметить, что в русской культуре существует потребность заверить адресата, что слова и дела пишущего соответствуют друг другу.

В рассмотренных метатекстовых элементах просматривается специфика русской культуры, однако, прежде всего обращает внимание богатство языковых средств, используемых для

выражения чувств и эмоций, а особенно для выражения теплого, дружеского отношения (их больше, чем в польском языке). Это замечание подтверждает утверждение Анны Вежбицкой о русской эмоциональности^[8]. К Марии Ренате Майеновой ее русские корреспонденты обращались со словами душевного расположения и максимальной близости.

Из книги: *Obecność. Maria Renata Mayenowa (1908–1988)*. Redakcja B. Chodźko, E. Feliksiak, M. Olesiewicz. Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymostku. Białystok 2006

Перевод Ирины Лаппо

-
1. В переписке русские друзья и коллеги обращаются к Марии Ренате Майен по имени-отчеству, называя польскую ученым Марией Львовной Майеновой, т.е. не пользуются вторым именем и делают кальку с польской — не существующей в современном русском языке — формы фамилии, где окончание –ова указывает на «принадлежность мужу», т.е. «жена Майена». Мы оставляем эту форму фамилии, как закрепленную в переписке и воспоминаниях. — Примеч. пер.
  2. T. Dobrzańska, Maria Renata Mayenowa, w: M.R. Mayenowa, *Studia i rozprawy*, Wyb. i oprac. A. Axer, T. Dobrzańska, Warszawa 1993, s. 5–15; taż, Maria Renata Mayenowa i jej Pracownia. W 25. Rocznice śmierci, Warszawa 2013. — Здесь и далее примеч. автора.
  3. Нами проанализированы адресованные профессору Майеновой письма от Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева и В.В. Виноградова. См.: E. Janus, Maria Renata Mayenowa w świetle listów rosyjskich przyjaciół, w: *Obecność. Maria Renata Mayenowa (1908–1988)*, red. B. Chodźko, E. Feliksiak, M. Olesiewicz, Białystok 2006, s. 156–170.
  4. Ю.М. Лотман. Письма 1940–1993 / Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Б.Ф. Егорова. — Москва 1997, с. 617.
  5. Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Переписка 1964–1993 / Составление, подготовка текста и комментарии О.Я. Кельберт. — Москва, с. 394–395.
  6. Там же, с. 398.
  7. Д.Э. Розенталь, Практическая стилистика русского языка, Москва 1965; К.И. Былинский, Д.Э. Розенталь, Литературное

редактирование, изд. 2-е, Москва 1961; В.В. Виноградов, Русский язык. Грамматическое учение о слове, Москва-Ленинград 1947.

8. А. Вежбицкая, Язык. Культура. Познание. Отв. ред. И составитель М.А. Кронгауз, вступ. Статья Е.В. Падучевой, Москва: «Русские словари» 1997, с. 33–88.

Адриан Турецкий

«Я состою из сплошных цитат»

О музыке группы «Lao Che»

В марте 2018 года известная польская рок-группа из Плоцка «Lao Che» выпустила альбом «Wiedza o społeczeństwie» («Обществознание»), ставший важной вехой в творческой биографии музыкантов. На этой пластинке группа ярко продемонстрировала свой интерес к социальной проблематике, который был заметен уже на предыдущих альбомах. Новый альбом отличается от остальных стилистически и тематически, он глубже, чем раньше, затрагивает тему отношений между людьми.

Если начать сравнивать новый альбом группы с ее дебютной пластинкой «Gusła» («Заклятия») или со второй, носящей название «Powstanie Warszawskie» («Варшавское восстание»), может показаться, что эти альбомы записывали два разных коллектива. Говоря о творчестве музыкантов из Плоцка, часто используют такие слова-отмычки, как «crossover», «эклектика», однако эти термины применительно к одному альбому вряд ли могут сообщить что-либо конкретное. Зато в контексте всей дискографии коллектива они имеют смысл, став «фирменным знаком» группы наряду со словесной игрой, которой полны тексты лидера «Lao Che» Хуберта «Скованного» Добачевского. Кроме того, это позволяет избежать излишнего «раскладывания по полочкам» в разговоре о музыке «Lao Che», равно как и бездумного восприятия творчества группы.

«Lao Che» появилась в 1999 году в Плоцке — древней резиденции князей Мазовецких. Свое название группа позаимствовала у одного из персонажей фильма Стивена Спилберга «Индиана Джонс и Храм Судьбы». Первый альбом группы «Gusła» вышел в 2002 году и был записан в составе: Мариуш «Жертва» Денст на семплере, Хуберт «Скованный» Добачевский — гитара, вокал и тексты, Михал «Даймон» Ястжембский — перкуссия, Михал Важицкий — гитара, Филип «Башня» Ружанский — клавишные, а также Рафал «Зубр» Борыцкий — бас. Это был концептуальный альбом, отсылающий к ритуалам общения с духами, а в более широком смысле — к языческой культуре славян, созданный под

влиянием польской романтической литературы и содержащий множество интертекстуальных отсылок к ней. В интервью журналу «Плейбой» (№3 за 2009 год) «Скованный», с которым беседовал Рафал Ксенжик, вспоминал: «В школе мы сталкиваемся с огромным пластом романтической культуры, каждый через это проходил. Мне казалось, что от этого романтизма во мне не осталось и следа. По польскому языку у меня всегда были ужасные оценки. Но когда я, думая о нашем альбоме, представил себе весь этот сказочный мир, то сразу вспомнил тот язык. Появились и образы, и нужные слова». В музыкальном отношении «Gusła» — это синтез фолка и панк-рока с электронными сэмплами. Романтическую ауру чего-то необычного сулят уже сами названия песен: «Астролог», «Ведьма», «Утопленники», «Ключник», «Висельник». Иллюстративная функция музыки, а также вокальные техники, делающие альбом похожим на радио- или театральную постановку (спектакль с повествовательной структурой отдельных произведений вместо традиционных куплетов и припевов) создают специфическую атмосферу, соответствующую заданной теме. Язык песенных текстов, полный архаизмов и стилизаций, делает эту концепцию более полной. Фактически альбом «Gusła» открывает польский триптих, в состав которого входят еще две следующие пластинки: «Powstanie Warszawskie» и «Gospel». Дебютный альбом не принес группе коммерческого успеха — на польском музыкальном рынке тогда был не самый удачный момент для выпуска концептуальных альбомов.

«Powstanie Warszawskie» оказался альбомом с гораздо большим коммерческим потенциалом. Дебютная пластинка, хотя и содержала массу отсылок к традициям романтизма, совершенно игнорировала национальный миф о Польше как о Христе европейских народов. Зато следующий альбом поднял тему Варшавского восстания — одного из самых обсуждаемых событий в истории Польши, очень важного для польской идентичности, относительного недавнего по времени и лучше всего зафиксированного благодаря воспоминаниям его участников. Премьера альбома совпала с открытием в Варшаве музея Варшавского восстания. Оригинальность этого проекта была обусловлена обращением к теме, которую, казалось бы, «зарезервировали» для своих нужд харцерские, околоцерковные и националистические круги. Именно они придали ей пафос и сделали неотъемлемой частью дискурса, соединившим военную идеологию с патриотическим подъемом. Польские рок-группы даже во время военного положения не обращались к патриотической тематике. Благодаря группе из Плоцка эта ситуация изменилась.

Альбомом «*Powstanie Warszawskie*» группа установила для своих последователей довольно высокую, если не вовсе непреодолимую планку.

Структура альбома построена в соответствии с исторической хронологией восстания. «Скованный» в своих интервью подчеркивал, что тексты, которые он пишет, состоят из множества цитат. Его творческий процесс выглядит так: он записывает в тетрадь услышанные на улице фразы, вспоминает словечки и выражения времен своего детства, шутки и каламбуры, запавшие в память во время вечеринок и попоек, а затем объединяет это все с цитатами из литературных произведений, текстов других песен — такими, как «Люди востока» пулавской «Секиры», «Свободного народа» польской регги-группы «Израиль», «Kocham wolność» («Я люблю свободу») группы «Chłopcy z Placu Broni» («Парни с площади Оружия»). Похожая ситуация и с музыкой — в ней смешаны мотивы панк-рока, регги, хард-кора, а также городского фолка.

Альбом открывается композицией «1939 / Перед бурей» с фрагментом обращения Владислава Сикорского, главнокомандующего польских вооруженных сил, генерала Войска польского: «От имени Правительства народного единства приветствую вас! В сентябре 1939 года война была для Польши...». Группа, стремясь передать настроения людей в Варшаве в 1944 году, от лица рассказчика говорит о своей любви к свободе: «Свободу я люблю и постигаю. / Свободу я отдавать не желаю. / Только вот тяжелы мои цепи, / коль нацистский орел — в нашем небе. / Рассчитаться давно бы пора. / Вам, германского духа отрыжке, / здесь не будет ни дна, ни покрышки. / Как начнем мы стрелять боевыми, / не уйти вам отсюда живыми, / вашу курву фашистскую мать». Затем слушатель погружается в атмосферу восстания, которую воссоздает очередная композиция под названием «*Godzina W.*» («Час В.», то есть время начала Варшавского восстания — 1 августа 1944 года, 17.00.), открывающаяся словами: «Еду на войну я на трамвае, / на трамвае с местами «Nur für Deutsche», / обливаясь перво-августовским потом, / видя смерть за каждым поворотом. / Скоро пули здесь затеют свистопляску, / я надену бело-красную повязку. / Чтоб не задохнуться в этой давке, / налегке иду на гибель — в безрукавке». Позже настроение альбома меняется, переходя от энтузиазма и боевого воодушевления к состоянию ужаса и безумной обреченности, вызванных постепенным уничтожением города. Этот эффект достигается, в частности, благодаря цитате из стихотворения Кшиштофа Камиля Бачинского «Элегия о польском пареньке»:

«И с оружием, сыночек, ты в глухую ночь ушел, / где скрывается источник бед, несчастий, войн и зол. / Прежде чем упасть, ты землю осенил крестом, сынок. / Это сердце вдруг запнулось? Или пуля сбила с ног?»

Каждая следующая песня рассказывает о наступивших после «Часа В.» событиях. Начиная с третьей композиции «Barykada» («Баррикада») и до шестой «Przebicie do Śródmieścia» («Прорыв к Средместью») в текстах альбома воссоздается хронология борьбы повстанцев с оккупантами. Седьмая композиция альбома, озаглавленная «Czerniaków» («Черняков»), рассказывает об утраченной повстанцами и жителями Варшавы надежде, когда стало ясно, что Красная армия решила не вмешиваться и не помогать восставшим. Предпоследняя песня «Kanały» («Каналы») закольцовывает весь альбом благодаря процитированной строчке из композиции «Godzina W.»: «Еду на войну я на трамвае», дополненной фразой «...на кольце у Бога выхожу». Последняя композиция альбома «Koniec» («Конец») — это произведение XVI века «Рыцарская гордость», принадлежащая перу поэта Адама Чахоровского.

По заказу музея Варшавского восстания группа в 2005 году записала сингл «Czerniaków», содержащий заглавную композицию в измененной версии, кавер-версию песни «Люди востока» группы «Секира», песню «Groźba» и новую версию «Астролога» с дебютного альбома ««Gusła»». Переиздание «Варшавского восстания», выпущенное в 2015 году, включало в себя оба альбома.

«Gospel» («Госпел»), третий альбом группы, вышел в 2008 году. Он венчает собой своеобразный «польский триптих», который ведет слушателя от романтизма через патриотизм к религии и поискам Бога. Пластинка имела большой коммерческий успех, а группа отправилась в самое масштабное концертное турне за всю свою историю. Подход группы к написанию музыки не изменился: это снова было странствие сквозь разные музыкальные стили. Из представленных на альбоме песен в первую очередь хотелось бы назвать «Hydropiekłowstanie» («Сошествие в ад под водой») — монолог Бога, обращенный к Ною, которому Всевышний рассказывает о своем разочаровании в роде человеческом, неприязни к радикалам, бессонной ночи и, наконец, о своем решении ниспослать на Землю потоп: «Ты знаешь сам, / как я не люблю радикалов, / но, Господи, / я не спал всю ночь / и принял решение (...) насылаю / на Землю потоп / мой маленький Ной / мой Пончик Медовый / я насылаю потоп, / потоп!». «Gospel» в большей степени напоминает

сборник хитов, в нем нет элементов радиопостановки, как в предыдущих альбомах.

Четвертый альбом «Prąd stały / Prąd zmienny» («Постоянный ток/ Переменный ток») своим названием указывает, что музыканты «Lao Che» черпали вдохновение в творчестве знаменитой австралийской группы «AC/DC». Начиная с этого альбома группа из Плоцка много экспериментирует с электроникой, которая с каждым новым альбомом звучит в песнях коллектива все смелее. В текстах же «Скованный» сосредоточился на состоянии души современного человека. Похожая ситуация наблюдается на следующих двух альбомах — «Soundtrack» (2012) и «Dzieciom» («Детям») (2015).

Выпущенный в 2018 году альбом «Wiedza o społeczeństwie» («Обществознание») записан в стиле музыки 80-х годов XX века. Группа также изменила подход к звукозаписи. Предыдущие шесть альбомов целиком записывались в студии без использования компьютеров. На этот раз альбом группы продюсировал Emade (Петр Ваглевский, сын гитариста Войцеха Ваглевского, основателя группы «VooVoo» и брат Бартека «Фиша» Ваглевского, известного рэпера), который заставил музыкантов прибегнуть к совершенно иной методике звукозаписи. Новый альбом описывает ментальное состояние современного польского общества. Здесь мы не найдем рецептов улучшения человеческих отношений и достижения взаимопонимания между поляками, разделенными на два лагеря, словно Тутси и Хуту, как об этом поется в композиции «Капитан Польша». Пессимистическим звучанием отмечен также текст песни «Polak, Rusek i Niemiec» («Поляк, русский и немец»): «Наших душ / не спасет даже Христос+». Кроме того, альбом содержит иронические отсылки к правительенным программам, призванным улучшить финансовое состояние семей (500+) и жилищные условия (квартира+). Группа словно спрашивает: зачем человеку материальные блага, если болеет душа?

Песни группы «Lao Che»

Капитан Польша

Когда над страной
черный ветер свищет,
нам, тварям дрожащим,
принцам и нищим,
явись же, презрев распад,
по обе стороны
баррикад.

Приди и пребудь,
приди и пребудь,
приди и пребудь,
закончи смуту,
свой и для тутси, и для хуту.

Капитан Польша,
капитальный пан
капитан
капитан Польша,
все дело в Польше.

Дом наш холодный,
вчера — всенародный,
сегодня — гипсокартонный.
Тлеет ночь,
а вместо привычной дряни
на завтрак — атомный гриб в сметане.

Тревога, тревога!
Капитан, вы не ждите ордера.
Тревога, тревога!
Красные у врат Мордора.
И пока перо помощней тарана,
я метафорой вычищу сапоги капитана.
Капитан Польша,
Где же вы, пан?
Где же вы, пан?
Капитан,
я молюсь за вас, мой Капитан!
Приди и пребудь,
приди и пребудь,
приди и пребудь,
навеки пребудь.

Капитан Польша,
капитальный пан
капитан
капитан Польша,
все дело в Польше.

Войнушка

Раз и два, раз и два,
девочку Войнушкой зовет молва,
три-четыре, три-четыре,
замочи врага в сортире.
Пять и шесть, пять и шесть,
сладкого не хочет есть,
семь и восемь, семь и восемь,
свежий труп на завтрак просит.
Девять-десять, девять-десять,
кто ей нынче интересен,
я иль ты, черт побери?
Посчитай-ка: раз, два, три.

Приди она к нам, голодухой влекома,
скажу ей, что нет тебя дома,
что мы с тобой незнакомы.
Буду врать до последнего вздоха,
пусть врать, дочурка, плохо,
плохо,
плохо.

Если взрослый мрачен — хмурит бровь,
и тогда идет война, и хлещет кровь.
Война — это спорт, а спорт — это сила:
резня до утра и общая могила.
Всегда есть повод навоеваться вволю:
город Плоцк требует выхода к морю!
На войне солдат в окопе кормит вшей,
а жена ему пишет: вернишь поскорей!
Думает солдат — всех вас, суки, долой вместе с вашей войной.
Думает солдат — всех вас, суки, долой вместе с вашей войной.
Думает солдат — всех вас, суки, долой вместе с вашей войной.

Приди она к нам, голодухой влекома,
скажу ей, что нет тебя дома,
что мы с тобой незнакомы.
Буду врать до последнего вздоха,
пусть врать, дочурка, плохо,

плохо,
плохо.

Приди она к нам, недобroe замыслив,
пусть бы ей глотку земля перегрызла,
а тело ее поглотила Висла.

Как меня слышишь?
Я Висла, я Висла!
Я Висла, я Висла!

Как меня слышишь?
Я Висла, я Висла!
Я Висла, я Висла!

Перевод Игоря Белова

Марта Рыса

Призрак в панельном доме

Квартирные ужасы

12 / Кому что нравится

Погода стояла мерзкая, но отменить встречу я уже не могла — через месяц дочь моего нынешнего хозяина возвращалась со стипендии, и мне нужно было съехать. Времени было в обрез, поэтому я была готова снять что-нибудь за городом при условии, что будет более-менее тихо и близко к станции. Итак, в субботнее утро я блуждала по Сулеевеку^[1] в попытках найти указанный адрес. Никто не знал ни фамилии владельца, ни названия улицы. В бешенстве от самой себя, что дома не проверила в интернете маршрут, я свернула на проселочную дорогу. Во дворе одного из домов сутилась женщина, пряча вещи от дождя.

— Кто? Сдаст? Аaa, кажется, поняла, о ком речь. Вам нужно дойти до конца этой дорожки. Как кончится застройка, пройдите еще немного — и увидите дом. А что это он вздумал сдавать, ведь только что продавал.

Дом действительно стоял в самом конце дорожки. Вскоре мне навстречу выбежали две собаки, забора не было. В конце концов появился сам хозяин.

— Здравствуйте, я звонила — не могла вас найти.

— Ну да, идите за мной.

После этого лаконичного приветствия мы обошли большой трехэтажный дом. Во дворе рядом с ним стоял второй, гораздо меньше. Обычный приземистый домик с другой стороны оказался двухэтажным. Второй этаж был не больше двух метров высотой, первый — частично под землей.

— Ну, а вот и он, — хозяин потирал руки. — И как, нравится?

— А внутрь не пустите?

— Эээ. Внутри смотреть нечего. Вот, так достаточно. Так как, нравится? — домик примыкал к большому каменному, однако вход у него был свой.

— Не знаю, внутри тоже хотелось бы посмотреть, — ответила я, ошеломленная от удивления.

— Ну снаружи-то нравится? Ну, в принципе, как? Нравится?

На этот раз я промолчала.

— Эээ, так дело не пойдет, раз вы такая нерешительная.

— Знаете, довольно трудно принять решение о чем-то, чего не видишь.

— Эээ. Если нравится, то можете внести аванс, тогда и внутри посмотрите.

У меня промелькнула мысль, что, может, таким образом хозяин пытается торговаться, и несмотря на то, что я уже была уверена — жить у этого мужика я не стану, я все-таки спросила:

— А цена какая?

— Ну, цена, что уж тут обсуждать цену, если еще неизвестно, нравится вам или нет, — заключил он. — Цена тоже понравится, если дом понравится.

— А поконкретнее можно?

— И чего же вам здесь не хватает? Деревья, тишина, покой. Прямо под окнами будет улица, сразу сел и поехал.

Я понимала, что такое бывает бесценным... И попробовала зайти с другой стороны.

— А сами вы здесь жили?

Вопрос был неуместным, мужика он явно рассердил. Он выдвинул вперед нижнюю челюсть, руки (которые до сих пор беспрерывно потирали) засунул глубоко в карман, отступил на шаг назад.

— Солидный дом, сам строил из немецкого кирпича для дочери, но она не пожелала тут жить. Заграницы ей захотелось, возвращаться не собирается. Ну раз не собирается, то чужой сдам. Ну и цена соответственная, — я внимательно его рассматривала, понимая, что его лицо мне откуда-то знакомо. Глубоко посаженные хитреные глазки, крупный нос пузырем, выдающиеся лобные бугры, жиденькие волосы на висках и узкие, искривленные в гримасе губы. Одежда этого персонажа

тоже навевала знакомые ассоциации; большая не по размеру куртка, штаны, заправленные в резиновые сапоги.

— А когда вы могли бы показать, что внутри? — я попыталась отвлечь его от грустных мыслей.

— Я же говорил, там нечего смотреть. Ну как, нравится?

— Снаружи симпатично, — терять мне уже было нечего.

— Ну я же говорил, что понравится. Что тут может не нравиться?

— А когда можно будет взглянуть изнутри?

— Когда позвоните и решите, нравится или нет.

Я возвращалась той же раскисшей дорогой. Улицу, которая должна появиться прямо под окнами, видимо, никогда не построят, дочь, видимо, тоже не вернется, а хозяин, видимо, никогда не сдаст дом, который для нее строил.

Спустя время, выбирая подарок на день рождения подруги и листая в книжном магазине альбомы по искусству, я увидела знакомое лицо.

— Это он! — воскликнула я. Из-за соседней полки выглянул продавец, расставлявший книги.

— Это он, третий слева, это он, это его лицо!

Я нашла моего хозяина. Он стоял среди деревенской толпы, прямо над крестом, третий слева на картине Босха «Несение креста».

14 / Под одной крышей

На указанный в объявлении номер телефона я долго не могла дозвониться. Наконец трубку снял мужчина. Сказал, что является представителем владельца и от его имени может показать мне квартиру, предупредив, что, учитывая характер его работы, это возможно только в утренние часы. Характер моей работы был прямо противоположным, однако мне удалось выкроить час и в обеденный перерыв отправиться «в поле».

По указанному адресу располагался слегка обшарпанный каменный дом. Сад с внешней стороны тоже был запущен,

собственно, все в нем заросло кустами, в которых валялись бутылки. Я нашла нужный подъезд и, ожидая посредника, стала разглядывать окна в попытке угадать, на каком этаже будет квартира. Вдруг мой взгляд остановился на автомобильном зеркале, прикрепленном к наружному подоконнику. Тут я заметила, что на первом этаже в квартире, расположенной прямо над домофоном, стоит пожилая женщина и пристально меня рассматривает. Вскоре она открыла окно, перегнулась через подоконник, оглянулась по сторонам и внимательно посмотрела мне на руки.

— Здравствуйте. Я смотрю, нет ли собаки. Представляете, чем приходится заниматься — на старости лет за собаками следить, не гадят ли тут под моими окнами.

— Вот! — женщина достала что-то из стоящего на подоконнике цветочного горшка. — А если плохо себя ведет, то я ее вот таким, — она выдвинула вперед подбородок, продемонстрировав ряд идеально ровных зубов цвета экрю, одновременно тряся полиэтиленовым пакетом, полным картошки.

— У меня нет собаки, я жду посредника. Квартиру хочу снять. Как здесь живется, соседи тихие? — я ковала железо, хотя оно вовсе не было горячим.

— А с чего бы им быть шумными, человек с человеком уж как-нибудь да договорится, хотя разные тут живут. Рядом со мной пара среднего возраста, но детей нет, по врачам столько бегали — и никакого результата. Надо мной пожилой мужчина, полковник в отставке, жена умерла, уже два года как ее нет, так он в такого бомжа превратился, а ведь красавцем был — все тут ей завидовали, ее-то, пусть земля ей будет пухом, красавицей не назовешь. А рядом с ним стариков забрали, а квартиру на внука записали, а этот, представьте, что ни неделя — новую барышню приводит.

Я чувствовала, что она сбрасывает весь балласт отягощающих ее знаний.

— А вы одна тут жить будете? — она ловко направила разговор в нужное ей русло.

— Да, пока одна.

— Мы здесь — как одна семья. И не спрашиваешь ни о чем, ни к кому не ходишь, а все про всех знаешь. Сами ко мне приходят,

— она многозначительно посмотрела на меня с высоты, дав понять, что мой ответ слишком лаконичен.

— О, отойдите, пожалуйста. Эти из шестой квартиры идут. Сорок пять квадратных метров, их четверо и две собаки себе взяли. А знаете, как весной все это воняет? — женщина готовилась к броску, сжимая в кулаке картофелину.

В этот момент из-за угла показался Пан Представитель агентства недвижимости. Картофелина отскочила от тротуара и рикошетом ударил ему в ногу.

— Здравствуйте. Что за мерзкая баба, — выругался он, неодобрительно оценив удар.

— Здравствуйте, видимо, вы плохо себя вели. Если кто-то плохо себя ведет, получает картофелиной, — я пыталась объяснить педагогический эффект сего акта, одновременно намекая на его более, чем двадцатиминутное опоздание. Пан Представитель повернул покрасневшее лицо в направлении закрытого теперь окна. Соседка усердно поправляла занавески.

Квартира под съем находилась на последнем этаже. Лифт, хотя и рассчитанный на двух человек, был очень тесным. Я посмотрела на Пана Представителя, на его большой кожаный портфель, умножила его рост на ширину плеч, отняла это от грузоподъемности лифта. Результат показался мне странно маленьким — я пошла пешком.

Когда я, запыхавшаяся, взобралась на шестой этаж, агент уже ждал у дверей. Он успел их открыть, но за ними начинался маленький коридор и виднелась очередная дверь.

— Здесь кто-то живет? — я указала на правое крыло, пока представитель агентства недвижимости бился над центральным.

— Пожилая пара.

— Черт... — прошипел он, и двери поддались.

Как оказалось, мне не нужно было ничего подписывать, потому что Пан Представитель был единственным человеком, у кого был ключ. В центре прихожей находилась дверь в удобства и еще одна дверь. Только один вход вел в сдаваемую квартиру, остальные вели к соседям.

— До войны это была одна квартира. Затем народная власть подселяла жильцов... Так и осталось. Никто здесь ничего не

менял.

Квартира была действительно хорошей. Правда, месторасположение не гарантировало идеальной тишины, но комнаты были очень светлыми, из них открывался живописный вид, а после ремонта так вообще мечта. Потолки были высокими — больше четырех метров. Кухня небольшая, но рядом кладовка, где нашлось место для буфета и столика. Вторая комната, со стороны двора, по всей видимости, отрезанная от большой комнаты за стеной, размерами напоминала кровать, зато с видом на деревья. Интерьер можно было описать как бедный, то есть кроме уже упомянутого буфета и кровати ничего больше не было, но это и не важно. Я решила — беру. Пан Посредник взял портфель в правую руку, и мы прошли на кухню, где он разложил документы.

— Вы слышали? На какое-то время мне показалось, что в туалете кто-то есть, — я протянула ему паспорт, и так как шорох повторился, вышла в прихожую.

— Добрый день, — из уборной высунулась пожилая женщина, вежливо со мной раскланявшись. На ней были ручной работы тапочки, синтетическое платье, волосы были растрепаны. Она оценила меня с ног до головы, потушила свет и исчезла за левой дверью в прихожей. Пока я так стояла и не могла прийти в себя от изумления, отворилась еще одна дверь, на этот раз справа, и из нее показался пожилой мужчина.

— Здравствуйте, — пробурчал он хриплым голосом, окинул меня изучающим взглядом, сделал три шага в сторону туалета, зажег свет и исчез внутри.

Я вернулась на кухню, где агент уже ждал только моей подписи.

— Вы говорили, что здесь живет пожилая пара.

— Ну да, молодыми их не назовешь.

— Вы не упоминали, что это коммунальная квартира.

— Я же вам говорил, что ее когда-то разделили.

— Но не говорили, что она общая.

— Общая? Разделенная — да, но коммунальной она никогда не была.

— Но речи об общем санузле не было, — мне, наконец, удалось взять быка за рога.

— Ах, да, здесь во всех верхних квартирах общий санузел. Я же говорил, что раньше всё принадлежало одному владельцу.

Выходя из подъезда, я посмотрела наверх, чтобы определить расположение квартиры. Это было просто, только центральные окна были пустыми, в остальных из-за занавесок торчали головы соседей. Краешком глаза я посмотрела вниз. Соседка с первого этажа все еще стояла за занавеской на страже прилегающего газона. Под ногами валялись картофелины. Я пнула ногой одну, она закатилась под кусты. «Там ее никто не увидит», — подумала я.

27 / Под сенью папоротников

— Ну и душно здесь. Больше ничего сказать было невозможно. В подъезде на улице Нарбутта был стеклянный потолок и стены, в нем было очень светло. По бледно-желтой, покрытой свежей масляной краской поверхности, стекали влажные струйки. На лестничных площадках, этажах и пролетах теснились горшки с цветами, лейки и емкости с отстоянной водой.

— Зато ухоженный, а сегодня это редкость. При такой жаре снаружи даже приятно подышать влажным воздухом, — сотрудница агентства ловко превратила камень в хлеб, и мы прошествовали по лестнице на самый верх.

Наверху нас уже ждала у раскрытых дверей миловидная хозяйка.

— Здравствуйте. Мы как раз говорили, что красиво тут у вас, и подъезд такой ухоженный, воздух, свежо, хорошо, — посредница еще раз повторила те же аргументы, как бы пытаясь заранее отразить мою возможную атаку.

— Приятно слышать, ну да, стараемся, стараемся, чтобы это как-то прилично выглядело. Ой, извините, — женщина подошла к свисающему со стены плющу. — Вот, принял, — довольно покивала головой. — Я развозжу для соседок снизу — просили саженцы. Видите ли, цветам нужна опытная рука, с ними нужно разговаривать. Вот, с этим, например.

Декоративная крапива, в прошлом году начала чахнуть, так я ей говорю: «А что это ты у меня так чахнешь, что тебя, крапивушка моя, тревожит?», так не прошло и недели-двух, как она ожила. Говорят, у меня счастливая рука — если у кого-то цветочек сохнет, сразу ко мне. Вот, этот фикус, который вам так нравится, уж и совсем пожелтел, когда мне его соседка

снизу принесла. Была сейчас тут, чтобы ключи оставить, в отпуск уезжает — так глазам своим не верила, что это он. Не знаю, у меня все растет, я бы даже иногда предпочла, чтобы не росло, но чем уж цветы провинились. А сколько я их сюда с помойки натаскала, таких, которые люди выкинули. Не заботятся, поливать забывают, а потом удивляются, что засохли. Я-то уж им всегда удобреньица подложу, горшки проверю, чтобы не малы были.

— Ну как там дела, уже договорились? — из-за двери показался усатый мужчина.

— А, здравствуйте, нет, пока вот цветочками любуемся, — женщина из агентства в очередной раз не скрывала восторга.

— Ну раз цветочки, то, наверное, можем уже и внутрь пригласить, — гостеприимно проурчал он, пропуская нас в помещение.

— Оoo! — на этот раз мы с посредницей издали одинаковый взглаз. От пола до потолка, от стены до стены, на стеллаже, на подоконниках, под подоконником, на полу у сложенного дивана, на столе, на симметрично расставленных по обеим сторонам балкона стульях, на этажерках, на плетеной подставке — везде стояли цветы. Огромные чудища с мясистыми листьями, мелколистные выноны, высокие и заостренные лопатовидные, мохнатые, колючие, суккуленты и кактусовые. Из всей этой зеленои кучи я вычленила, произнося вслух названия, фикус Бенджамина, папоротник, «олений рог», драцену и, как мне показалось, герань.

— Ну, дорогая, кажется, этой девушке мы сможем доверить наше богатство, — мужчина так энергично обнял свою партнершу, что та аж затряслась.

— Вы любите цветы? — полная пожилая женщина высвободилась из объятий любимого и радостно взглянула на меня.

Я смотрела на ее милое лицо и стеснялась произнести что-то, кроме «да». Пыталась вспомнить, какие цветы до сих пор были в моих съемных квартирах. Кактус в ванной на Словацкого, который я выставила в подъезд после того, как врезалась в него, выходя из ванны. Две юкки, высущенные еще прежними съемщиками, к слову сказать, на Садовой. Вереск, тоже сухой, на Иерусалимских аллеях (я с трудом выкинула его в мусор, так он осипался). Росянка, которая якобы должна была поедать мух и которой я так боялась, что вообще к ней не подходила.

— А какие ваши любимые? — женщина вырвала меня из воспоминаний.

— Мои? — тут у меня вылетели из головы даже деревья, которые еще со школьных времен я без труда могла назвать. Поэтому мой ответ прозвучал как нечто, что обычно произносят, когда сказать нечего:

— Все.

— Все... Вы даже себе не представляете, как мы рады. Здесь уже столько народу приходило смотреть, но найти кого-то, кто любит цветы и будет о них заботиться, очень трудно, а по вам сразу видно — хороший человек. Правда, дорогой?

— Ну вижу, вы договоритесь, — женщина из агентства потирала руки.

— Да, ой, может, мы вам еще кухню и ванную покажем.

Я хотела обязательно и немедленно выяснить, что означала формулировка из предыдущей фразы «будет заботиться о цветах», но заглянула еще на кухню. Здесь сад превращался в огород с грядками и плантациями рассады и молоденьких саженцев.

— Вот эти, — мужчина указал на бумажные упаковки из-под яиц, в которых из земли торчали молодые побеги, — эти, к сожалению, нам придется забрать, они пойдут дочери в огород.

— То есть все, что в комнате, остается? — спросила я в ужасе.

— Ну да, их мы оставляем, как же иначе. Моя жена все вам объяснит.

— Да, да, вы не переживайте, справитесь, я чувствую. К каждому цветочку мы оставим карточки, чтобы не нужно было запоминать, как поливать, сколько раз. Смотрите, я веду такую вот тетрадь, — женщина вынула из барного шкафчика, осторожно отодвигая ростки какого-то плющеподобного растения, тетрадку в твердой обложке.

— Вот, смотрите, цветочек, а здесь у меня такая табличка: удобрения, когда, сколько. А здесь я измеряю рост, но вам необязательно. Достаточно поливать, а если вы цветы любите, то сами поймете, в каком горшке сухо. Время от времени нужно под каждым проверить землю. Ну, выше нос — я послушно подняла голову. С потолка, извиваясь вокруг чугунной люстры, прямо ко мне тянулся мясистый плющ,

похожий на темно-зеленую змею. Я начала отсчитывать секунды.

— Итак, вы решили? — представительница агентства решила положить конец переговорам.

— Не знаю, ужасно много цветов, — я посмотрела на пожилых хозяев, которые вдруг погрустнели. Мужчина в каком-то жесте отчаяния теребил усы.

— Вы же так с нами не поступите?

— Я в вас верю, — добавила его возлюбленная. Плющ закачался над моей головой, обнажая сплошь покрытый пятнами испод волнистого листа. Крапива налилась багрянцем.

— Что-то жарковато, — ушла я из-под цветочного шаха, желая как можно скорее выбраться из этих джунглей.

— Да-да, мы только вечером проветриваем, чтобы наши цветочки не простудились, — добавила хозяйка.

Асфальт на улице приятно лип к подошвам, собака писала на газоне. У входа в метро какая-то бабушка продавала букеты.

— Девушка, купите, свежие, с дачи, поставите в вазу, и поливать не надо, — зазывала продавщица.

Я заколебалась. Тут же в мозгу пронеслась мысль, что женщину подставили хозяева квартиры, из которой я только что вышла.

— Нет, спасибо, знаете, я хронически не переношу цветов, у меня аллергия, — прошипела я в ответ.

28 / По лестнице в небеса

— Подпишите здесь, здесь и еще раз здесь, и внизу каждой страницы, — мужчина под шестьдесят сжимал под мышкой черный портфель, локтем поддерживая вываливающиеся из него бумаги. Левой рукой он протянул мне стопку сшитых листов, а правой ручку с логотипом лекарства от сердца. «Кардио стронг», красное сердечко, полое внутри, обвивало корпус.

— Хорошо, только я не читала договора.

— Это обычная формальность, стандартный договор, ничего особенного в нем нет. Жаль вашего времени — сразу говорю.

Подпишите, зачем тянуть, а в случае, если вы решитесь, условия мы обговорим.

— Не знаю, я бы хотела... я бы предпочла хотя бы просмотреть.

— Подпишитесь хотя бы под адресом, что вы его видели, — агент ретировался, а подписанный мной документ мгновенно оказался в пластиковом файле. Файл, в свою очередь, был помещен в картонную папку, а картонная папка — в выпущенный из-под мышки портфель.

— Ручка, — он протянул в мою сторону открытую ладонь.

— Ах да, пожалуйста, — я вернула ему рекламный гаджет, который все это время продолжала держать. Он засунул его во внутренний карман пальто и произнес, не поднимая глаз:

— За своими вещами нужно следить. Знаете, в прошлом году я купил целую коробку ручек, сто штук. И как думаете — осталось у меня хоть что-нибудь? Ничего! Клиент подпишет и — шасть — ручку в карман, а потом поди проси его вернуть, он еще и обидится, что вора из него делают. А это все деньги. То ручка, то бензин, то звонок за границу, потому как клиент не соблаговолил предупредить, что в Турции отдыхает. Я ему тут о квартирах вешаю — а денежки-то уходят, пока в результате не окажется, что работаешь бесплатно.

— Действительно, неприятно. Мне казалось, агентство покрывает такие расходы, — я пыталась снизить градус его отчаяния.

— Покрывает, как же, — ответил он ехидно, но я заметила, что даже такая короткая исповедь принесла ему некоторое облегчение.

Когда мы взирались по лестнице, он объяснил мне, что квартиры в этом подъезде — двухэтажные, и поэтому, несмотря на то, что этаж четвертый, на самом деле нам нужно подняться на седьмой. Хозяйки поделили квартиру и сдают один этаж.

На пороге пахнущего доместосом помещения нас ожидали две немолодые женщины. Сперва я подумала, что они сестры, но когда внимательнее присмотрелась, заметила, что физическое сходство касалось лишь одежды. На обеих были простые темно-синие юбки, одинаковые белые кофточки с V-образным вырезом и гуральские кожаные тапки. Однаковыми были также стрижки, под каре, хотя в их случае ближе к правде было бы определение «под горшок».

Они протянули мне руки и тихо произнесли «здравствуйте». Зеленый линолеум в прихожей сиял, как свеженачищенный паркет. Я заколебалась, снять ли мне обувь, хозяйки отрицательно покачали головами.

— Здесь кухня, — они указали дверь справа, — общая для всех жильцов.

Я заглянула внутрь. За накрытым kleenкой продолговатым столом сидели еще две женщины и резали овощи кубиками. Над столом висел огромный, с метр высотой, образ Иисуса Милосердного. Голубые, желтые и красные лучи на иконе, казалось, выходят за рамы и превращаются в разноцветную башенку из овощей, насыпанную в центре жестяной миски, создавая вкупе почти мистическую картину. На кухне горела только одна лампа — как раз над столом.

— Извините, не хотела мешать.

— Добро пожаловать, вы нам ничем не мешаете. Пожалуйста, осматривайтесь, — произнесла одна из них тихоньким голоском. Обе тут же встали, чтобы поздороваться, и тогда я заметила, что одеты они так же, как приветствовавшие нас на пороге женщины. Темно-синие юбки, белые кофточки, причем у одной из них, той, которая молчала, на ногах были ортопедические сандалии. Торжественный настрой, царивший в этом помещении, заставил меня быстро отступить. Выходя из столовой, я посмотрела в сторону сопровождавших меня дам. Они сверлили меня взглядами, ни на минуту не упуская из виду.

— Мы занимаем этот этаж. Так, как я и говорила, кухня — общая, при желании можно присоединиться к совместной трапезе. А здесь наши комнаты.

Женщина открыла дверь в смежные помещения. В каждой малюсенькой комнатенке стояла одинаковая деревянная кровать, застеленная светлым покрывалом, небольшой письменный стол и компьютер. Комнатки отличал только образ Христа, висящего над кроватью. На одном он был в терновом венке, на другом с нимбом, а на третьем возносил руки в благословляющем жесте. Одна из комнат, как мне показалось, самая большая, вся была завалена связками газет.

— У нас небольшое издательство и здесь временный склад, — объяснила моя проводница.

В коридоре стоял втиснутый в угол холодильник, а стена до самого потолка была заставлена полками, в которых также лежали связанные стопками газеты. Я подошла ближе, чтобы прочитать заголовки: «Наша земная семья», «Одержанность и экзорцизм», «Господь — Пастырь мой».

— Поднимемся наверх, — скомандовала одна из женщин. Я послушно взобралась на второй этаж.

— Эту комнатку мы хотели бы сдавать, — она указала на дверь посередине. — Здесь у вас вход в отдельную ванную, кухня, как я уже говорила, — для всех одна.

Планировка была совершенно иной, чем внизу. Только ванная была в том же самом месте, сразу у лестницы. Я машинально дернула ручку. В белом, идеально чистом помещении стояла женщина, одетая в резиновые шлепки и спортивные штаны.

— Уже выхожу, я тут немного прибралась, — сказала она и улыбнулась. Когда она проходила мимо хозяйки, та схватила ее за руку.

— Спасибо, ты молодец.

Комната, которую собирались сдавать, стояла полностью пустой, на подоконнике лежали гляженые шторы, осталось только повесить. Соседние помещения служили складом для газет и кладовкой для какой-то рухляди. Только дверь в конце коридора была закрыта. Через щелку я заметила, что там горит свет.

— Не знаю, может...? Наверное, мы не будем... Как думаешь? — женщина обратилась к своей компаньонке, которая до сих пор молча следовала за нами по пятам.

— Думаю, можно, — ответила та с мягкой полуулыбкой на устах, подошла к двери, тихонько постучала и медленно приоткрыла ее.

Я заглянула. Посреди комнаты, за небольшим столиком сидели женщины и пели какой-то псалом. Нас они заметили не сразу. Замолчали. Посмотрели в нашу сторону, затем улыбнулись.

— Мы только на минутку, — прошептала моя проводница.

Когда я выходила, женщины, прощаясь со мной в дверях, без обиняков заявили, что им хотелось бы найти скромного, спокойного, ценящего тишину жильца, без вредных привычек, исповедующего похожие ценности. Они также охотно приняли

бы у себя кого-то, кто согласился бы выполнять определенные правила, регулирующие жизнь в этом доме. А когда они так говорили своими тихими и вкрадчивыми голосами, у меня перед глазами мелькали, будто кадры в немом кино, все преступления, которые я совершила с самого детства. Убийство куклы Барби, порча тележки из супермаркета в результате спуска на ней по лестнице, неудачная операция, закончившаяся вспоротым брюхом подружкиного плюшевого мишки, раскраска стен в подъезде и в квартире восковыми мелками, хотя это на самом деле не было преступлением — как я вспомнила, рисунки были декорациями, какие я видела в музее...

Я протянула им руку, чтобы попрощаться, сжала сумку и убежала. Еще на лестнице до меня доносился их мягкий голос.

— Приятный, скромный, без вредных привычек.

ЦИТАТЫ ИЗ ОБЪЯВЛЕНИЙ

Количество этажей в доме — три, квартира на четвертом этаже.

Владелец оборудовал во всей квартире звуконепроницаемые стены и потолки, пуленепробиваемые окна с высоким шумопоглощением.

Ванная есть!!!

Квартира полностью непроходная.

Дом в известном стиле супер-майер.

Апартамент в авангардном стиле.

Состояние: старое довоенное ТСЖ, соседи, по большей части, есть.

Дом под гениальный ремонт.

Квартира с войны.

После последних арендаторов квартира будет выставлена на продажу.

Шум: тихая, при закрытых окнах слышно только звуки улицы.

Удобное транспортное сообщение с центром (квартира в самом центре).

Дом, разрушенный во время войны, имеет толстые довоенные стены.

Квартира полностью умная.

В квартире заменены все коммуникации.

Сдам тихим жильцам, могут быть животные.

Квартира в очень плохом состоянии, но с огромным потенциалом. Человек с буйной фантазией точно это оценит.

На полу нагревательные грелки керамические.

Из окон распахивается стадион.

Охотно сдам женщине с кошкой.

Квартира обладает множеством неочевидных плюсов.

В квартире применили многочисленные нестандартные решения по оригинальным проектам.

Будущие хозяева должны быть любителями животных.

Квартирка симпатичненькая, тепленькая, чистенькая.

Будущий хозяин точно не пожалеет.

Квартира в панельном доме с землей.

Квартира очень светлая, дополнительно владелец покрасил все стены приятными оттенками золотого, на полу медовый паркет и такие же дверные и оконные коробки. Кухонный интерьер, а также встроенный шкаф в соответствующих теплых оттенках желтого.

Ищу худую девушку для совместного проживания в однокомнатной квартире рядом с метро.

В квартире ничего не слышно.

В помещении находится большое балконное окно, а также минималистский стиль отделки.

Описание: ДОМ 1890 ЧЕРНЫЙ ВОРОН.

Очень вежливые соседи, исключительно ухоженный подъезд, великолепно обустроенный двор, у входа женщины разводят цветы, сама квартира тоже ничего.

Владельцы не желают демонстрировать лицам, которые квартиру не купят.

По предварительной договоренности возможен осмотр квартиры также в ножные часы.

Из книги:

M. Rysa, *Upiór w bloku. Kryminałki mieszkaniowe*

Wydawnictwo Krytyki Politycznej. Warszawa 2017

Перевод Полины Козеренко

Марта Рыса, художник, *Призрак в панельном доме* – это ее первая книга.

---

1. Сулеювек — пригород Варшавы. — Примеч. пер.